

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ

Издательство «Правда» 1951 г.

12

ОТЧИЗНА

Михаил Светлов

Широкий край, где мужество и честь
Взошли в сердцах обильным урожаем,
Где песен и садов не перечесть, —
Мы этот край Отчизной называем.

Перечитайте летопись страны!
Она дыханьем Партии согрета.
И в Конституции навек утверждены
И слово Сталина и Ленина заветы.

И русский и узбек, эстонец и грузин —
И каждый сын советского народа
Исполнен гордости, как верный гражданин
Великого Отечества свободы.

Осуществились давние мечты,
Близки, близки вершины коммунизма!
И этот мир тепла и красоты
Мы все зовём своей родной Отчизной!

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

выступает на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов

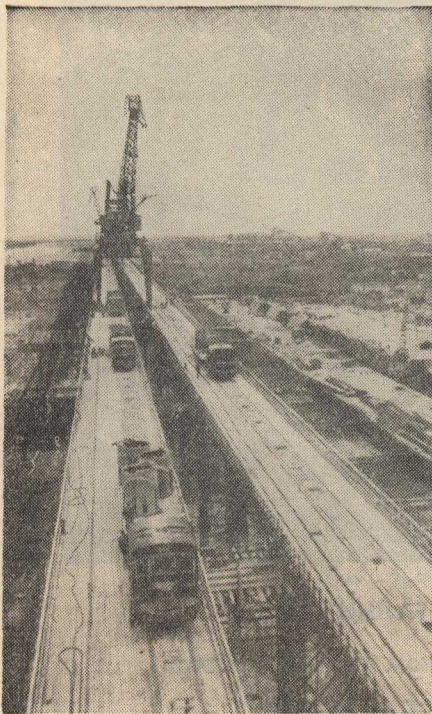
с докладом о проекте Конституции Союза ССР

25 ноября 1936 года.

ВЕЛИКИЙ ЗАКОН

НАРОД — ХОЗЯИН СВОЕЙ СТРАНЫ

*Рассказ депутата
Верховного Совета СССР,
профессора
И. К. АХУНБАЕВА*

Советский народ занят мирным, преобразующим природу трудом. Огромные судоходные каналы прокладываются через бескрайние степи Дона, Поволжья, Украины, строятся гигантские гидроэлектростанции, возводятся высотные здания. Вы видите на этом снимке строительство плотины на Волго-Донском канале. Мощные мотовозы подвозят по эстакаде бетон для укладки плотины.

Разверните карту мира, ребята. На шестой части земного шара раскинулась наша страна. Шестнадцать счастливых советских социалистических республик объединяют в своих пределах множество больших и маленьких народов и племён. Среди них и моя Киргизия, страна высоких гор, бескрайних степей, горячего солнца и вечных снегов.

С незапамятных времён кочевал полунищий пастух-киргиз по родной земле. Он пас несчётные табуны быстроногих коней, отары жирных овец, но они принадлежали не ему, а богатым баям и знатым феодалам — манапам. О сокровищах, которые таят родные горы, об урожаях, которые могут дать плодородные степи Киргизии, он и не знал.

Октябрьская революция освободила киргизов. Как и по всей Советской стране, леса, земля, воды, горы, недра стали собственностью народа. Седой Тянь-Шань раскрыл свои вековые тайны. В его недрах нашли и олово, и уголь, и нефть, и свинец, и серу, и много других богатств.

В старое время богатые и знатные даже воду отнимали у людей. А без воды в киргизских степях вырастает только бесплодный кустарник да верблюжья колючка. Вода была источником постоянных споров и распри. Богачи владели ею. Они пускали воду только на свои поля, а земли крестьян выгорали под палящими лучами солнца.

Вот почему почти не было земледелия в Киргизии. Вот почему киргизы не знали ни сахарной свёклы, ни кенафа, ни хлопка.

Однажды, когда мой отец был ещё молодой, поехал его богатый сосед бай Кыдыр по торговым делам на юг, к границам Узбекистана. Увидел там хлопок, купил два фунта сырца и привёз домой. Жена обернула мягким белым пухом маленького сына. Далеко пошла молва о подарке бая.

Приходят люди к Кыдыру. Спрашивают:

— Кыдыр-аке, что это?

А хитрый бай и тут обманывает:

— Это, — говорит, — я в горах кусок облака отстрелил. Подобрал и привёз.

Люди верили, и жадный бай за плату показывал «чудо».

Теперь хлопок разводят почти по всей Киргизии. Теперь вода принадлежит народу.

И наша земля даёт богатый урожай сахарной свёклы, риса, кенафа, пшеницы. В киргизских долинах зреют грозди нежного и сладкого винограда, бахчи золотятся ароматными и сочными дынями.

НАРОДУ ДАНЫ ЗНАНИЯ

В старое время было так: чуть подрастёт ребёнок в дырявой юрте бедняка, отец говорит ему:

— Ты уже большой стал, сынок, дома нечего есть. Иди к баю, проси работу.

Со мной было, как с другими. В семь лет я уже работал на бая, был у него пастухом. Я нигде не учился. У моего

народа не было даже письменности. Можно было проехать много дней и ночей и не встретить грамотного киргиза.

Если случалось редкое событие — в одну из юрт приходило письмо, — семья снаряжала верхового, и он пробирался по горным тропам за сотни километров в город искать грамотея, который прочтёт письмо.

Советская власть дала народу право и возможность учиться. В пятнадцать лет я сел за парту с малышами писать палочки и буквы. Малышам я казался уже старым. Обращаясь ко мне, они почтительно говорили:

— Иса-аке (дядя Иса).

Такой почёт меня не радовал, мне было обидно, но я хотел знать всё, что написано в книгах.

Так же, как я, стали учиться все киргизы: и малые дети, и женщины, и старики. Сейчас даже в самых отдалённых аилах вы не найдёте неграмотного человека.

И ничто не может помешать освобождённому народу подниматься всё выше и выше к вершинам науки, сверкающим и чистым, как снежные пики моего родного Ала-Тау.

Я руковожу медицинским институтом Киргизии. В этом институте тысяча сто тридцать студентов, которые хотят быть врачами. А сколько ещё студентов в других институтах — будущих математиков, биологов, физиков, учителей! Каждый четвёртый человек у нас учится или в школе, или в техникуме, или в институте, или на курсах. Великая сила Сталинского закона в том и заключается, что осуществление прав советского человека обеспечивает государство.

Не так бывает в странах, где народ не свободен, где он не хозяин своей судьбы. В «культурной» Америке, например, существует закон о всеобщем обучении. Но это на словах. А на деле — шесть миллионов маленьких американцев не ходят в школу, так как у них нет возможности учиться.

Есть в Америке и другой лицемерный закон, запрещающий труд малолетних. Но и это лишь на бумаге. Фабриканты охотно принимают на работу детей. Ведь труд ребёнка выгоднее: ему хозяин платит меньше, чем взрослому.

РАДОСТЬ СВОБОДНОГО ТРУДА

В нашей стране нет безработных. Право на труд обеспечено каждому советскому человеку. Это не тот горький, подневольный труд, который в старое время был спутником бедняка. Советский человек работает радостно и свободно. Вооружённый знаниями, вооружённый могучими машинами, он, как сказочный батыр, поворачивает течение рек, оживляет пустыни, соединяет моря. Это счастливый труд! Всем хочется работать лучше и лучше.

Почётному шахтёру Карымберды Сарыкову однажды пришлось ехать на паровозе. Он хотел помочь кочегару бросить уголь в топку, но тот сказал:

— Не сумеешь. Надо ведь топить экономно!

И вот человек, который добывает уголь, смотрел, как работает кочегар.

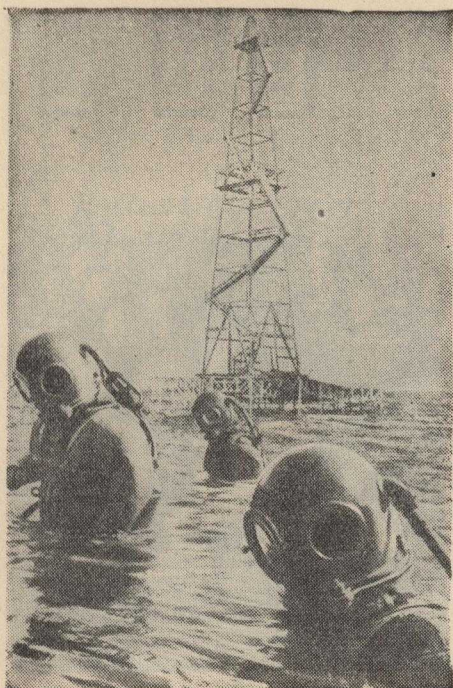
«Как бережно обращаются люди с нашим углем! — думал Карымберды. — И всё-таки за два часа паровоз поглотил три тонны. А сколько таких паровозов в Киргизии, на

В нашей стране учатся все дети. В больших городах и колхозных сёлах, в рабочих посёлках и далёких горных аулах — всюду вы увидите красивые и светлые здания школ. Почти четвертая часть всего бюджета страны расходуется на народное образование. Советские школьники обеспечены всем необходимым для занятий. Здесь вы видите урок географии в 19-й школе города Горького.

Богатый урожай выращен на полях советских колхозов и совхозов. На снимке: уборка зерна самоходным комбайном в семеноводческом совхозе «Кубань».

Земля, её недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники являются всенародным достоянием. Наш народ работает для себя, для улучшения своей счастливой, радостной жизни, для светлого будущего. Он разведывает недра, насаждает леса, орошает безводные степи. На снимке: водолазы обследуют новые месторождения нефти на дне моря.

Граждане СССР имеют право на отдых — так записано в Сталинской Конституции. Санатории, дома отдыха, дворцы культуры, клубы — всё предоставлено для отдыха трудящихся. Этот красивый замок в Закарпатской области когда-то принадлежал графу. Теперь здесь санаторий.

Украине, в Сибири! А сколько нужно угля электростанциям, заводам, домам!»

И хотя много добывал Карымберды угля, захотелось ему добывать ещё больше. Вот как получается, когда человек работает для Родины, для общего счастья!

ЧЕЛОВЕК ДОРОЖЕ ВСЕГО

Новая жизнь так светла и прекрасна, что старое исчезает из памяти, как туман от лучей солнца. Но случаются встречи, которые воскрешают в памяти картины былого.

На втором конгрессе сторонников мира в Варшаве я встретился с двумя врачами, посланцами далёкого острова Цейлона. Они долго расспрашивали меня о прежней и о теперешней жизни киргизов, о том, как у нас лечат людей, и особенно интересовались малярией.

Я говорю:

— Прежде у нас малярия убивала тысячи людей. А теперь она побеждена. Мы не только лечим больных, мы устраняем условия, вызывающие малярию. А как вы боретесь с малярией на Цейлоне?

Они только рукой махнули.

— Но ведь Цейлон — родина хинина, — говорю я.

— Да, но мы только собираем кору хинного дерева. Её возят английские корабли. А жители Цейлона как умирали, так и умирают. Лекарства слишком дороги для бедняков.

Вот так же было когда-то и у нас. Не только малярия — тиф, оспа, туберкулёз ходили из юрты в юрту. А в горные области заглядывала даже страшная гостья — чума. На всю огромную страну было всего пятнадцать врачей, но и среди этих пятнадцати попадались бездушные чиновники. Один из них, например, писал в докладной записке царскому правительству:

«Киргизам лечебной помощи не надобно... А ежели по собственному нерадению они подвергают себя заболеваниям, на то у них искусно владеющие киргизской медициной бакши существуют».

Бакши, табибы — это колдуны и знахари. В детские годы я был свидетелем их «искусной медицины». Помню, как в соседней юрте умирала женщина, жена такого же бедняка, как и мой отец. В страшных припадках она кричала день и ночь. Тогда позвали беркутчи, охотника с орлом. По уверениям табибов, беркутчи имеет силу изгонять злого духа.

Пришпорив коня, с устрашающим криком и гиканьем он мчался к юрте, «пугая» злого духа. Беркутчи кричал, ему помогали соседи, столпившиеся у юрты. Лай гончей, ржание коня и клекот беркута заглушали крики больной. Но злой дух не «пугался». Тогда беркутчи ворвался на коне в убогое жилище и стал хлестать беспомощную женщину своей плёткой. Женщина умерла. Теперь я, врач, знаю, что её можно было спасти. Но даже тогда, маленький безграмотный батрачонок, я смутно угадывал весь ужас того, что произошло на моих глазах.

Сейчас в Киргизии 1 390 больниц, поликлиник и сельских врачебных участков. Лёгкие и быстрые самолёты доставляют врача для спасения тяжело больного.

Оплатить доставку врача на самолёте — это мог бы позволить себе только миллионер. Но Советское государство посылает бесплатно и самолёт и врача к каждому, кто в этом нуждается, будь он колхозный чабан или простой лесоруб, потому что у нас дороже всего жизнь человека.

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

Наша страна первая на земном шаре впервые в истории человечества установила равные права для всех людей и для всех народов, населяющих её, независимо от цвета кожи, возраста, национальности, вероисповедания.

Для Сталинского закона нет сыновей и пасынков. Перед ним равны русские и украинцы, белорусы и чукчи, узбеки и эстонцы, киргизы и есетины. Во всех республиках, больших и маленьких, от холодной тундры Севера до знойных степей Юга живут и трудятся под его защитой советские люди.

Маленькая Хакасия и огромный Казахстан, Украина и Аджария имеют в Совете Национальностей равное количество депутатов.

И когда в Кремле, на сессии Верховного Совета, мы, депутаты, обсуждаем новый закон, голос самой маленькой из республик имеет такую же силу, как и голос самой обширной. Из равенства родилась нерушимая дружба народов Советской страны, а эта дружба — основа нашей силы, нашего счастья, наших успехов.

Народы, когда-то полудикие, вымиравшие от нищеты и невежества, сейчас, под защитой советской Конституции, пришли к невиданному расцвету. Кочевники Средней Азии и далёкого Севера перешли к оседлой жизни. Не грязные юрты, не закопчённые чумы и яранги, а светлые дома, освещённые электричеством, стали их жилищем. В школах дети учатся на своём родном языке. И у народов, которые не имели даже алфавита, есть теперь свои писатели, свои учёные, инженеры, педагоги, врачи.

ИЗБРАННИКИ НАРОДА

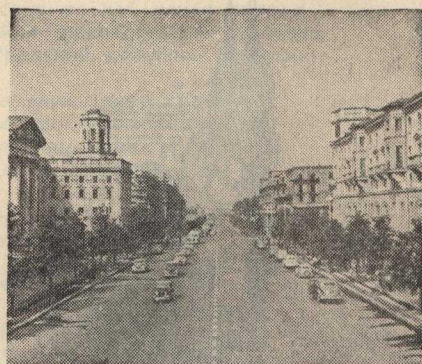
До революции, по древнему и жестокому обычаю, киргизскую женщину продавали мужу за «калым», как продают скот торговцу. Так была продана и четырнадцатилетняя Суракан, дочь Кайназара. А теперь, освобождённая революцией и великим Сталинским законом, Суракан Кайназарова — знатный и уважаемый человек. Она прославилась тем, что выращивает такие урожаи свёклы, каких не бывало даже у Марии Демченко.

Суракан — член правительства. Киргизский народ избрал её депутатом Верховного Совета СССР. И вот на сессиях в Кремле она и вместе с ней другие депутаты — учёные и комбайнеры, строители и поэты, матросы и генералы, сталевары и доярки — обсуждают важные государственные дела, утверждают законы, по которым изменяется жизнь людей, по которым расцветает земля и человеческое счастье.

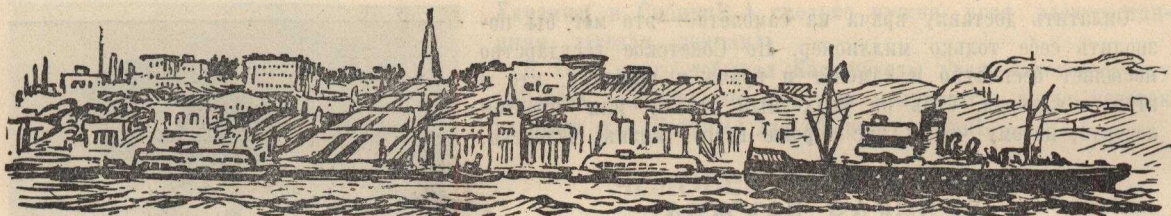
Сильные своей дружбой, творческим трудом, советские народы победно идут вперёд, к коммунизму.

Советские женщины могут овладеть любой профессией, им предоставлены равные права с мужчинами. Валентина Орликова — опытный, мужественный моряк. Больше десяти лет плавает она на советских кораблях. Она начала свою службу матросом, а теперь она капитан китобойного судна «Шторм».

Всё лучше, всё красивее становятся наши города и сёла. Об этом постоянно заботится советское правительство, которое отпускает огромные средства на улучшение жизни трудящихся. Посмотрите на эти два снимка. Страшные разрушения оставила на нашей земле война. Вы видите на нижнем снимке Советскую улицу в городе Минске. Так выглядела она в 1944 году, в день освобождения города. Весь Минск был превращён тогда в развалины. Прошло шесть лет. Неузнаваемо изменился Минск за эти годы. Вот как выглядит Советская улица сейчас (верхний снимок).

Стихи Евгения Долматовского

Море придёт

Выйдя на Волгу, я встал над откосом,
Около крайних домов Сталинграда.
Этот участок был отдан матросам,
Здесь воевала морская бригада.
Тихие всплески, потоков журчанье,
Волнами, волнами воспоминанья!

Шли из Одессы пешком экипажи,
Из севастопольской каменной дали.
Их ненавидели в лагере вражьем,
«Чёрными дьяволами» называли.
На бескозырках — пехотные каски.
К ранам набухшим присохли повязки.

Было у хлопцев особое горе.
Старый матрос говорил перед боем:
— Коль погибать, так уж лучше на море.
Если могила, пусть рядом с прибоем!
Но умирали матросы на суше —
«Чёрные дьяволы», светлые души.

Вот их могила. Гранитная призма.
Острая вышка геологов рядом.
Стройка великая коммунизма
Здесь развернулась, под Сталинградом.
...Входит в плотину могила над плёсом.
Море идёт к сталинградским матросам.

Медаль за форсирование Янцзы

Китайцы приехали в снегопад,
Хоть дело было весной.
Они увидели Сталинград
За белою пеленой.

Как ни старался мягкий снежок,
Летевший гостям в лицо,
Он след разрушений укрыть не смог
На площади Павших борцов.

И город в суровости прежней своей
Вставал пред глазами друзей.

Был среди них офицер молодой
В курточке из чесучи.
На квадратном кармане
Медаль со звездой,

Иероглифы и лучи.
С трибуны на площадь смотрел офицер...
Вид города гостя потряс.

На спокойном точёном его лице
Сверкнули молнии глаз.

Он словно сразу — в военную даль
И в завтрашний день заглянул...
Вдруг, отвинтив от кармана медаль,
Он нам её протянул.

И так сказал, не скрывая слезы,
Комсомольскому секретарю:
— Медаль за форсирование Янцзы
Я Сталинграду дарю!

А мы зашумели: — Ну, что вы, друг!
Это медаль в честь ваших заслуг,
Не можем её мы взять!
Но он настаивал. И медаль
Из ладони в ладонь пошла по рядам
И к трибуне вернулась опять.

А после её, как решил горком,
Отдали
В Киквидзенский детский дом,
И в пионерском строю
Теперь у сирот, сталинградских ребят,
Её получает лучший отряд
За школьную доблесть свою,

Потому что родители этих детей
В годы недавней грозы
Подготовили
Жизнью и смертью своей
Форсирование Янцзы.

Самое начало

Стучит, работает движок
Над полноводной Волгою.
Пятнадцать лампочек зажѣг
Он в лагере геологов.

Им нынче, видно, не до сна,
Мерцает ночь короткая.
Все заняты разведкой дна,
Научной обработкою.

Моторчик тихий, как сверчок,
Стучит, фырчит, пиликает,
Давая самый первый ток
Строительству великому.

Чуть шелестят от ветерка
Брезентовые пологи,
Сердцебиение движка
Разносится над Волгою.

Он мал, но в том не виноват,
Всѣ исполняет в точности.
...В два миллиона киловатт
Здесь развернутся мощности.

Откроется машинный зал,
Турбины будут пущены...
Спасибо тем, кто начинал,
От имени грядущего!

«Сталинградский дождик»

«Сталинградским дождиком» назвали
Острый ветер с пылью и песком,
Несший горькую золу развалин,
Понизу вихрящийся волчком.

За лето нам хоть бы раз услышать
Шорох капель в вянущей листве.
Городу в лицо пустыня дышит,
Желтизной пройдя по синеве.

«Сталинградский дождик» в полной силе.
Дунет он — и не спастись от мглы.
Правда, нынче в нём цементной пыли
Стало много больше, чем золы.

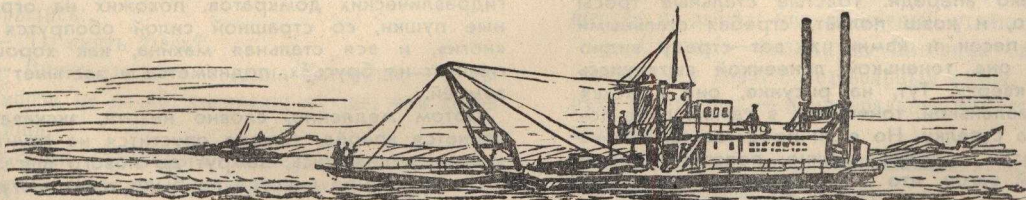
А вопрос о нём решѣн, подписан;
Вышел изыскателей отряд;
Голос юных дизелей возвысив,
В Ахтубу вплывает земснаряд.

Роют «пионерскую траншею»,
Будет вслед за ней канал прорыт:
Он, пройдя сквозь сердце суховея,
«Сталинградский дождик» упразднит.

Этим знамениты наши годы —
Мы воде прокладываем путь,
Всем явлениям жизни и природы
Возвращая их прямую суть.

В Сталинграде ласковым и чистым
Будет дуновение ветерка.
Дождик будет мокрым, серебристым,
Без малейшей примеси песка.

Но одной такой победы мало, —
Мы вступили в этот мирный бой,
Чтобы никому не угрожало
И сияло небо над землей.

НА ВЕЛИКИХ СТРОЙКАХ

Что это? Бронированный борт военного корабля, плывущего по бурному морю? И паутина снастей, и мачты, и рей, как на корабле, и что-то вроде пушек, и волны кругом... Но почему так спокойно ходят по этим «волнам» люди?

Нет, конечно, это не море и не военный корабль.

Художник Н. Жуков нарисовал здесь одну из машин, которые работают на великих стройках коммунизма. И даже не всю машину, а только один её краешек, одну ступню доброго стального чудовища, созданного руками человека.

Зовут это чудовище — «ЭШ-14/65». Это значит: шагающий экскаватор с ковшом в 14 кубических метров и со стрелой длиной в 65 метров.

Ковша не видно на рисунке; он внизу на земле, далеко впереди. Толстые стальные тросы тянут его, и ковш ползёт, сгребая стальными когтями песок и камни. А вот стрелу видно хорошо: она тоненькой линейкой вытянулась вперёд вверх. Тут, на рисунке, она кажется совсем маленькой, тоненькой, в самом деле похожей на стрелку. Но если представить, что на конце этой стрелки можно повесить целый гружёный вагон, что эта стрелка не уместится на шестидесятиметровой беговой дорожке, тогда становятся понятными чудовищные размеры этого сооружения.

«ЭШ-14/65» выше пятиэтажного дома.

Ещё удивительнее необыкновенная подвижность этой машины.

Вот сейчас машинист нажмёт кнопку, и ковш, наполненный до краёв, с удивительной лёгкостью взвьётся вверх, остановится, медленно раскачиваясь на десятиметровой высоте, и вся стальная громада экскаватора со стрелой и ковшом и с огромными лапами повернётся, как флюгер, и сбросит поднятый грунт, куда нужно. Так раз за разом ковш вынет, перенесёт, уложит грунт, и там, где был холм, станет ровная площадка, исчерченная следами стальных когтей.

И тогда начнётся самое интересное: широкая стальная ступня, возле которой стоит человек, медленно опустится на землю, такая же ступня опустится с другой стороны экскаватора, поршни гидравлических домкратов, похожих на огромные пушки, со страшной силой обопрутся на «ноги», и вся стальная машина, как хороший гимнаст на брусьях, поднимется и застынет над землёй.

Потом медленно, словно нехотя, экскаватор двинется вперёд, тяжело опустится на грунт, а «ноги», поднявшись, замрут до нового шага.

Нигде в мире никогда не было таких могучих машин. Только в нашей стране работают они, облегчая труд советских людей. И если вы взглянете на заводскую марку, вы узнаете, что родина этого гиганта — СССР.

БЕСПОКОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

(Окончание)

Повесть Л. Воронковой

Рисунки Ф. Лемкуля

КАТЕРИНИНО ЦАРСТВО

В тот же вечер, когда Катерина закончила работу в телятнике, она пошла посмотреть коров. Скотник, встретив её в тамбуре, даже отпрянул немножко, и всегда сонные глаза его широко раскрылись:

— Ты опять здесь?..

— Опять здесь, — ответила Катерина. — А ты в обморок не падай, расскажи лучше, чем коров кормишь.

Скотник отвернулся и медленно направился к выходу. Катерина ухватила его за рукав:

— Ты что это? Почему не отвечаешь?

Скотник искоса смерил её ленивым взглядом.

— Что выписывают, тем и кормлю. Вон ра-

цион на стенке висит. А ты что, инспектор теперь какой, что ли?

Катерина подошла к стене, прочитала рацион. Рацион обильный, лучшие корма. Молодец де-душка Антон: и это не упустил из виду — кормит усиленно стельных коров. И минеральные вещества не забыл: мел, древесный уголь...

— Степан! — окликнула Катерина скотника, стоявшего у ворот с недовольным видом, засунув руки в карманы. — А минеральные вещества при-мешиваешь?

— Это какие такие минеральные вещества? — спросил он через плечо.

— Ну, какие? Уголь, мел...

— Так бы и говорила, что уголь. А то «вещества»!

— Так ты примешиваешь или нет?

— На той неделе примешивал.

— А на этой что же?

— А на этой угля нет. Весь съели!— Степан вдруг отрывисто рассмеялся:— Надо угольницу для коров заводить!

Катерина посмотрела на него гневными глазами, но перевела дыхание, сдержала гнев и объяснила, как могла, спокойно:

— Я от этих коров телят принимать буду. Мел и уголь нужны, чтобы телёнок нормально развивался. А так как я хочу, чтобы мои телята были крепкие, то я и требую, чтобы точно соблюдали рацион. Понимаешь, Степан?

Степан взглянул на Катерину, и в сонных глазах его неожиданно отразились любопытство и удивление:

— А неужто это на телёнка влияет?

— Конечно, влияет, Степан! Ну неужели бы я зря приставала к тебе?

— Как увидел, идёт, так сразу понял: покоя не будет...— проворчал Степан. Однако взял пустое ведро и пошёл за углем.

Катерина вошла в коровник. Коровы шумно жевали только что заданный клевер. Разномастные, большие и маленькие, две — три с признаками породы, а остальные всё простые, деревенские бурёнки...

«Надо бы, надо уж нам коров подбирать...» — подумала Катерина. И, вспомнив рассказ Насти, представила себе костромскую ферму: все одномастные, серебристо-серые, крупные, молочные. «Как достигнуть этого? Будем лучших телят подбирать. Ну, что ж! И у Малининой не сразу такая ферма стала! Малинина сумела, почему же нам не сумеет?»

Поздней осенью отелилась большая холмогорка Ласка. В эту ночь Катерина осталась ночевать в коровнике вместе с Дроздохой и с дояркой Аграфеной. Ласка была аграфенина корова.

Тускло горела лампочка под потолком. Сонно и тяжело дышали коровы. Аграфена устроила постель на сене в пустом стойле.

— Ложитесь, поспите, — сказала Дроздоху, — а мне всё равно не спать, тогда разбужу.

...На рассвете Катерину тряхнули за плечо, и она проснулась.

— Ну и крепко ты спишь! — сказала Дроздоху. — Раз пятнадцать звала... вставай, принимай прибыв!

Катерина вскочила и побежала к корове. В маленькие окошки глядела холодная зоря...

Клетку с телёнком перетаскивали в катеринин телятник. Катерина густо настлала телёнку чистой соломы и сверху прикрыла его соломой, как одеялом. Через минуту в телятник вошёл дед Антон.

— Уже управились? А я думаю: дай схожу взгляну, как тут дела...

— Всё хорошо, дедушка Антон, — всё ещё взволнованная, ответила Катерина, — телёчка!

— Ну, в добрый час! Идите спать теперь...

Аграфена зевнула.

— И то пойду! — И вышла из телятника.

Но Катерина всё стояла у клетки и смотрела на маленького чёрного с белым телёнка.

— Племенная, дедушка Антон! — Потом спохватилась: — Надо нам из телятника уйти. Пусть телёчка спит!

И, когда вышли в тамбур, напомнила:

— Дедушка Антон, значит, в этом телятнике я хозяйка? Ты помнишь это?

— А как же? Так и договорились. Хозяйка — ты, и ответчик — ты.

— Ну, тогда так. Запиши, дедушка Антон, в наши правила: чтобы никто, кроме меня и кроме ночного сторожа, не входил в телятник, даже бригадир. Даже ты. Только ночной сторож может входить и я. Принимаешь?

— Ну что ж! Правильно. И в Караваеве так.

— Да ведь я же оттуда и вычитала. И чтобы посуда у меня была отдельная. И чтобы корм мне в тамбур подавали, а телятам корм давать буду только я. Принимаешь?

— Принимаю.

— Ну вот и внеси это, дедушка Антон, в наши правила. Чтобы на ферме все об этом знали.

Тусклая зоря желтела на небе. По небу шли тяжёлые, медленные облака. Кое-где ещё сквозили чистые осенние звёзды.

— Ну, иди, голова, иди спать! — сказал дед Антон. — А уж мне идти не к чему, скоро доярки придут.

Шёл день за днём. Отшумела листва на деревьях. Улетели птицы. Скотину выгоняли поздно, пригоняли рано. А скоро и совсем поставили в стойла: заморозки начались по утрам.

Телятница Паша, растапливая в большом телятнике печь, вздыхала и охала:

— Ну, вы подумайте! Вы подумайте только! Ведь не топит Катерина-то! Даже отказалась от дров!

— Хоть бы ты, Марфа Тихоновна, в это дело вмешалась! — сказала однажды молчаливая Надежда. — Ну что это! Поморозит всех телят. Простудит, а куда их потом? Ты же всё-таки бригадир!

— Не моё дело, — с напускной беззаботностью ответила Марфа Тихоновна, — читала, небось, правила? Никому не входить! Ну и хорошо! Я и не пойду. Зачем я пойду? Пускай одна в своём телятнике царствует. — И спустя несколько минут с язвительной усмешкой добавила: — Зато и отвечать будет одна!

А в катеринином царстве пока всё было тихо,

чисто и весело. Восемь маленьких теляток стояли в клетках. Восемь голосов встречало её, когда она приходила. Катерина сама и кормила их и чистила.

Но когда начались заморозки, у Катерины стало тревожно на сердце. В один из холодных октябрьских дней, когда под дождём вздувались и плыли по лужам пузыри, Катерина зашла к деду Антону. Бабушка Анна сидела с газетой у окна перед накрытым столом и ждала деда Антона обедать. Увидев Катерину, она отложила газету:

— Что, Катюша? Всё ли у тебя благополучно?

— Всё хорошо пока, бабушка Анна!

— Ну, и в час добрый! А тут вот американцы опять, видишь, что делают? Изничтожают Корею-то! Ни совести, ни жалости!.. Удивление!

— А у нас, в Союзе, как дела? Ты про новостройки-то, бабушка Анна, тоже читаешь?

Бабушка Анна оживилась, подняла очки на лоб:

— А как же? Ну, у нас, на Каховской ГЭС, работа, как в котле, кипит: буровые вышки ставят, землю изучают, дорогу прокладывают, где канал должен пройти. А на канале, видишь, плотину выстроят в сорок метров высотой да в восемь километров длиной — ну, каково? Как поставят плотину, так ведь там, по степи-то, целое море разольётся! Уж не знаю, на сколько километров, только очень широко!

— На шестьдесят километров, бабушка Анна! — улыбаясь, заметила Катерина. — Да всего каналов роют на сорок пять тысяч километров — вот сколько воды в степь пойдёт!

— Воды-то — да! — подхватила бабушка Анна, немножко задетая тем, что Катерина помнит цифры, а она забывает. — А электричества сколько? Ведь, небось, везде электрических станций на каналах-то понаставят!

— Да... — мечтательно вздохнула Катерина, — большие работы! Есть где развернуться человеку! Знаешь, бабушка Анна, меня иногда так и тянет. Эх, поехать бы туда, подсобить бы людям!

— Полно, Катерина! — махнула рукой бабушка Анна. — Если каждый туда ринется, кому же дома работать?

В избу вошёл дед Антон, отряхнул мокрую шапку у порога.

— Кто же это куда собирается? — спросил он, снимая пиджак. — Уж не ты ли, Катерина?

— Я, дедушка Антон! — улыбнулась Катерина. — Как читаю про новостройки, так сердце рвётся: тоже как-то помочь хочется, поработать бы там!

Дед Антон с усмешкой покачал головой:

— Эко ты! А что же, помогать-то разве только там можно? Помогать и дома можно. Вот, ска-

жем, на заводах какие-нибудь мощные самосвалы делают для новостроек, — помогают рабочие этих заводов стройкам или нет? Помогают! Железнодорожники везут груз на новостройки — помогают они или нет? Помогают. На Алтае вот лес валят да гонят для новостроек — помогают? Помогают! Ну, а мы, колхозники? Мы хлеб даём. Мясо даём. Молоко даём. Кормим людей, которые на новостройках работают. Помогаем мы им или нет? Как скажешь, голова?

Катерина смутилась, покраснела.

— Вот покажи настоящую работу на своём телятнике, сохрани всех, вырасти. Пожалуйста! Вот уж и ты помощник новостройкам!.. Ну как: живы твои-то?

— Живы! — радостно ответила Катерина. — Как рыбки!

Бабушка Анна, как только вошёл дед Антон, сразу захопотала, полезла в печку за щами.

— Садись, Катерина, с нами! Раздевайся, садись!

— Нет, нет, спасибо! — застеснялась Катерина. — Я только вот к дедушке Антону. Дедушка Антон, попроси председателя на фланель денег выписать, надо бы телятам попонки сшить... Побаиваюсь мороза.

— Вот вы с дедом выдумщики какие! — сказала бабушка Анна. — Теперь попонки вам понадобились. А истопили бы печку, когда холодно, вот и всё!

— Нет, уж ты, голова, нас не сбивай, — возразил дед Антон. — Коль взялись за новое дело, так со старым его путать нечего. А мне председателю только слово сказать: расход не велик. Он об этом и сам знает. С ним сговориться просто — дело с двух слов понимает! А шить кто эти попонки будет?

— Вот ещё! — весело воскликнула Катерина. — Сами сошьём! Девчат позову — за один вечер и сошьём!

— Приноси и мне штуки две... — снисходительно сказала бабушка Анна. — Хоть и слепая стала, а сошью!

— Спасибо вам! — сердечно поблагодарила Катерина и, весёлая, побежала домой.

В октябре, вскоре после того, как поставили коров в стойла, Пётр Васильевич проводил в избе-читальне первое занятие по зоотехнике. Все работники молочной фермы, все конюхи, все овцеводы пришли на это занятие. Никого не пришлось уговаривать, только оповестили: так давно уже в повседневной работе созрело сознание необходимости учиться.

Первым пришёл дед Антон и сел в переднем углу. Пётр Васильевич улыбнулся ему.

Вслед за ним приплелась Дроздиха.

Собралась и вся молодёжь колхоза, все комсомольцы пришли.

Не было только Марфы Тихоновны.

— Подождём? — спросил Пётр Васильевич.

— Да что ж она там? — раздались нетерпеливые голоса. — Послать надо за ней... Ну-ка, чионерки, сбегайте!

Среди девочек-юннаток, тоже пришедших на занятие, сидела Настя Рублёва.

— Бабушка не придёт, — сказала она, опуская ресницы, — она устала...

Негромкий говор пошёл по избе. Но Пётр Васильевич тут же постучал карандашом по столу и начал занятия.

Тихо, в делах, в ласковых заботах, в песнях и неясных мечтах, проходили дни и вечера Катерины. Огорчало её только, что Марфа Тихоновна еле-еле отвечает на её поклоны.

— Смирится, смирится! — убеждала Катерину Анка. — Не век же молчать: ведь вы вместе работаете! А ты тоже на неё не сердись. Старухе лишний раз поклониться — голова не отломится!

— Я не сержусь! — отвечала Катерина. — Я никогда на неё не сердилась... Я её даже как-то жалею...

— Ну, и помирится! Ещё и дружбу заведёте!

— Да, я надеюсь...

Но пришёл час, и эти катеринины надежды разбились, как волна о камень.

Ещё с вечера начало крепко примораживать. Полетел снег. Резкие, косматые снежинки, гонимые ветром, невесомо ложились на твёрдую землю.

— Смотри, Катерина, — предостерегающе сказала бабушка, — мороз сегодня будет как следует. Выдержат твои?

— Выдержат! — ответила Катерина. — Привыкли уже... Да ведь у них и не так холодно, надышали...

Но перед тем, как лечь спать, она вышла на крыльцо. Постояла... Морозно!

Легла, а заснуть не могла. Первый зимний мороз!.. Повернулась на один бок, повернулась на другой... и встала.

— Ты куда? — спросила мать.

— Пойду телятам попонки надену, — ответила Катерина, торопливо одеваясь, — что-то мне божно...

— Ох, нажила заботу! — вздохнула на печи бабушка. — И всё сама... Ведь никто не просил!

Катерина вышла на улицу. Всё кругом смутно белело... Выпал снег. Катерина быстро зашагала к скотному. Ещё издали она увидела в окошках своего телятника свет.

«Что такое? — в тревоге подумала она. — Там ведь и проводки-то нет! Неужели я лампу оставила? Или это мне чудится?»

Катерина припустилась бегом. Подходя к скотному, она убедилась, что свет в телятнике,

— Что это? — вымолвила Катерина. — Почему?..

действительно, горит. Катерина, задохнувшись, вошла в тамбур и рванула дверь. Дверь оказалась не запертой. В телятнике горела лампа и топилась печка. Дроздиха поправляла и подкладывала дрова. Возле неё, опершись на кочергу и глядя в огонь, стояла Марфа Тихоновна.

— Что это?.. — задыхаясь от бега и от гнева, еле вымолвила Катерина. — Почему?..

Марфа Тихоновна и Дроздиха разом обернулись к ней. Дроздиха от неожиданности выпустила из рук полено.

— Ну, зачем же вы это делаете?! — закричала Катерина.

И, не найдя больше слов, она решительно подошла к Дроздихе, отняла и отбросила в сторону полено, которое та собиралась сунуть в печку... Быстро оглянувшись, она схватила бадеечку, из которой поила телят, выбежала на улицу, зачерпнула в пруду воды и, вернувшись, выплеснула воду в разгоревшуюся печку... Зашипели, затрещали дрова, густой дым ринулся в трубу.

И лишь теперь все трое посмотрели друг на друга. Первой опомнилась Дроздиха.

— Вот так бешеная! — изумлённо сказала она. — Во как командует!..

Марфа Тихоновна глядела на Катерину огненным взглядом. Но Катерина, сама рассерженная, твёрдо встретила этот взгляд.

— Вы зачем пришли сюда, Марфа Тихоновна? — сдержанно, чтобы не закричать, сказала Катерина. — Зачем вы сюда пришли да ещё хозяйничаете?

— А ты кого выгоняешь? — резко ответила Марфа Тихоновна. — Я кто здесь? Может, я уж и не бригадир в телятнике?

— А мне всё равно, кто вы. Есть правила, им и подчиняйтесь! — так же резко возразила Катерина. — За этих телят я отвечаю, а не вы. Зачем же вы мне мешаете?

И, захлопнув печку, холодно заявила:

— Уходите, Марфа Тихоновна. Здесь посторонним находиться воспрещается.

Марфа Тихоновна, грозно блеснув глазами, повернулась и молча вышла. Дроздиха, подобрав оставшиеся поленья, поспешила за ней.

Катерина плотно закрыла за ними дверь. Потрогала печку: нет, не нагрелась ещё. И вдруг, не выдержав, оперлась на телячью клетку и заплакала.

В клетках то тут, то там завозились телята. Один встал, отфыркиваясь спросонья.

— Вот и теляток перебудили, — прошептала Катерина, утирая слёзы концом платка.

Она заботливо осмотрела стены: не выступила ли где сырость от внезапного тепла? Но Катерина пришла во-время: температура в телятнике была низкая — пять градусов.

— Что делают! — вскрикнула Катерина от горя и негодования. — Вот проспала бы, и напустили бы мне сырости!.. А уж где сырость, там и болезни, разве я не знаю?! Ну что им надо? Что им не терпится? Я вот деду Антону скажу!

Ещё раз взглянув на градусник, Катерина пошла в кладовку за попонками. Ночь холодная. Лучше одеть телят: будет спокойнее.

— Как будто я без них не знаю, что телята озябнуть могут! — вскрикнув в последний раз, горько упрекнула она.

Марфа Тихоновна забыла, что уж полночь на дворе. Она даже не взглянула в окно деда Антона: есть у него свет или нет, — вошла на крыльцо и громко застучала в дверь.

Бабушка Анна торопливо соскочила с лежанки и включила свет. Дед Антон высунул голову из-под одеяла.

— Кто там?

И тотчас, встав с постели, принялся торопливо одеваться: раз будят среди ночи, значит, что-нибудь на скотном случилось.

Марфа Тихоновна и Дроздиха разом обернулись...

Бабушка Анна впустила Марфу Тихоновну, с удивлением и тревогой поглядывая на неё. Марфа Тихоновна, бледная и гневная, поклонилась войдя и тут же обратилась к деду Антону:

— Антон Савельич, ты мне скажи: я бригадир или нет? Или я и вправду посторонний человек в телятнике? Но если я посторонний человек, то за что же вы мне трудовни платите? И за что же вы меня на доску почёта пишете? А если я бригадир, то как же смеет девчонка, которая только вчера наш порог переступила, как она смеет меня из телятника выгонять? И что же ты за хозяйин такой на скотном, если своих бригадиров так обижать позволяешь?!

Дед Антон слушал, почёсывая затылок, и недовольно кричал.

— Ну, а чего кричать-то, голова? — наконец прервал он Марфу Тихоновну. — Сама же ты и виновата. Ну, зачем тебя к ней в телятник понесло? Чего ты там забыла?

— Да ведь не могу я спокойно смотреть, как телята гибнут! Это ты можешь, а я не могу! — снова закричала старуха. — Ведь мороз на улице,

снег выпал! А они, такие-то маленькие, в нетопленном телятнике стоят! Это у тебя сердце каменное, а я не могу!

Дед Антон живо взглянул на неё:

— Ну, и что же ты?..

— Ну, и что? Хотела печку истопить. Согреть их немножко!..

Дед Антон мгновенно вспыхнул:

— А вот уж это тебя делать не просили! Выгнала тебя Катерина? Правильно сделала! Ты бригадир, а правила нарушаешь! Сказано: к молочникам никому, кроме телятницы, не входить, а ты зачем пошла?! Да ещё и печку топить задумала! Это что ж? Мы — своё, а ты — своё?.. Лебедь в облака, а щука в воду?!

— Я не позволю, Антон Савельич, чтобы моих телят простужали!

— Твоих телят? А ты что за помещица такая, что у тебя целый двор собственных телят? Они и твои, и мои, и катериныны, и каждого колхозника — одинаково.

Марфа Тихоновна отвернулась, не зная, что сказать.

— Ну, и что ты прибежала? — уже мягче продолжал дед Антон. — Что делить-то? Дело общее. Берём пример с хороших хозяйств, первый опыт делаем... Кто по-настоящему этот опыт-то делать должен бы? Ты! А приходится делать вон кому, девчонке! Ты хоть не мешай, а ведь ты ещё и мешаешь! И всё почему? Гордость тебя заела. Делай так, как ты прикажешь! Ан, иногда мы находим нужным по-другому делать. Значит, подчиняться нужно. Хочешь управлять — уметь подчиняться! А вот этого ты, голова, ещё и не умеешь никак...

— Что же мне... значит, из телятника уходить? — помолчав, спросила Марфа Тихоновна.

— Никуда тебе не уходить. У Катерины восемь телят, а у тебя пятьдесят с лишним. Что ж, тебе работы мало?

Наступило неприятное молчание. Но тут поспешила вступить в разговор бабушка Анна.

— Вот и зима наступила, — мирным, добрососедским голосом сказала она, — сейчас бы снегу побольше...

И, словно никакого раздора не было, дружелюбно спросила:

— Дров-то навозили, Тихоновна?

— Маловато, — неохотно, но уже понизив голос, ответила Марфа Тихоновна. — Еще возочков пять надо бы...

— И у нас маловато... маловато... Прошу, прошу старика, да ведь разве допросишься? Всё некогда да некогда! Капусты много ли на рубили?

Постепенно крик перешёл в мирную беседу. Дед Антон, докурив цыгарку, откровенно зевнул.

— Ох, что же это я? — спохватилась Марфа

Тихоновна. — Уж почь на дворе! А я сижу и людям спать не даю!..

Она встала и поспешно направилась к двери.

— Ничего, ничего, что же такого?.. — любезно возражала бабушка Анна, провожая её. — Выспимся ещё, ночь-то с нами!

— Ах ты, скажи, пожалуйста! — вздохнул дед Антон. — Уж вроде и не крупное новшество в жизнь проводим, а и то сколько разговоров, да криков, да волненья!.. Трудно, трудно тем, кто дорогу прокладывает, как той лошади в обозе, что впереди идёт!..

ПРОЩАНИЕ

Зима установилась дружная. Вскоре и санная дорога легла. После первых заморозков колхозники, то один, то другой, спрашивали у Катерины:

— Ну как, не помёрзли твои подшефные? Живы?

— Как рыбки! — с улыбкой отвечала Катерина.

— Неужели и не поболели ни разу?

— Ни разу, ничем!

Люди качали головами:

— Вот смотри же ты! Может, они и вправду холода не боятся?

А в большом телятнике снова начались тревоги. Телята, то один, то другой, начинали кашлять, отказывались от корма, неохотно вставали... Зоотехник Маруся совсем растерялась:

— Да что ж это, Марфа Тихоновна? Ну, что это: как нам не везёт! То Золотая Рыбка... то эти теперь!

У Марфы Тихоновны за эти дни прибавилось морщин. Но она утешала Марусю:

— Простужаются!.. Что же мы можем сделать? Вот перейдём в новый двор, все поправятся.

— Марфа Тихоновна, а как же у Катерины-то? Ведь так и растут в нетопленном! Значит, правду всё-таки Пётр Васильевич говорит... Температура у нас резко меняется: днём жара, а к утру холодище... вот потому и простужаются. Как бы нам примениться?

Услышав про Катерину да про Петра Васильевича, Марфа Тихоновна сердито поджала губы.

— Велю Дроздихе ещё утром на заре топить, — сказала она, помолчав, — а что касается Катерины, неизвестно ещё, чем это кончится. К весне, может, наша Катерина в пустом телятнике останется!

Но как ни старалась Марфа Тихоновна уберечь своих телят, всё-таки четыре тёлочки заболели воспалением лёгких, и одну пришлось списать... А тут и ещё одна большая тревога омрачила жизнь Марфы Тихоновны: снова за-

кашляла Золотая Рыбка. Она кашляла тяжело и глухо, глаза её слезились. Маруся измерила температуру и, испуганная, прибежала к Марфе Тихоновне:

— Сорок! Марфа Тихоновна!.. Зовите Петра Васильевича скорее! Ой, боюсь я, боюсь я!..

Марфа Тихоновна только что прилегла отдохнуть перед вечерней уборкой. Она тотчас вскочила с дивана и схватилась за полушубок. Настя сидела за уроками. Услышав, что с Золотой Рыбкой беда, она захлопнула учебник, оделась кое-как и тоже вслед за бабушкой и Марусей побежала в телятник.

Золотая Рыбка, молодая тёлка, золотисто-желтая, с прямой спиной и горделивой статью, стояла неподвижно, полускрыв глаза. Она не подняла головы, не взглянула на людей, только чуть пошевелила ухом, услышав своё имя. Жвачки не было. На щеках темнели тонкие полоски слёз.

— Бабушка, она плачет! — прошептала Настя, и тут же у неё самой застало слезами глаза. — А бока-то ввалились... А дышит-то как — с хрипом!.. Рыбочка моя золотая!..

Тёлка приподняла ресницы, тускло взглянула на Настю, и снова крупные слёзы выкатились из её воспалённых глаз. Настя всхлинула.

— Отойди! — сурово отстранила Марфа Тихоновна. — Беги за дедом Антоном.

Дед Антон был на стройке, толковал с плотниками насчёт клеток для маленьких телят. Пока двор строится, нельзя ли урвать времечко — сделать несколько клеток? А то скоро ещё молодняк появится, надо им квартиры приготовить. И только было начал показывать, какой должен быть размер клеток, как прибежала Настя. Дед Антон поспешил в телятник. И в первый раз за всю жизнь почувствовал сегодня, что ноги не слушаются его. Он бы хотел бежать, а ноги подгибаются и дыхание перехватывает.

— Ах ты, беда, беда! — повторял он. — Ах ты, беда какая!

В телятнике около Золотой Рыбки уже хлопотал Пётр Васильевич; он как раз был здесь с объездом. Лицо у ветврача было холодное, замкнутое. Телятницы Надежда и Паша стояли в сторонке, перешёптываясь и вздыхая. По другую сторону стояла Катерина, стояла неподвижно, со сжатым ртом и мрачными глазами. Её томила почти физическая боль в груди, слёзы подступали к горлу... И хоть ещё ничего не сказал Пётр Васильевич, но эти страшные хрипы, разрывающие лёгкие тёлки, не обещали ничего хорошего. Катерина почувствовала, что больше не может терпеть, и вышла из телятника.

Серенькие, пасмурные сумерки висели над деревней. Мягко, без блёсток белел снег, чистый,

ещё не глубокий. Седые ветки ивы висели неподвижно над тёмной прорубью.

Скрипнули ворота. Дед Антон и Пётр Васильевич вышли из телятника.

— Ну, что ж ты, голова, молчишь? — сказал дед Антон. — Говори уж!.. Нешто так можно? Ведь такая неприятность у нас!

— А для меня это приятность? — возразил Пётр Васильевич, вынимая папиросы. — Ведь я тоже за вас отвечаю!

— Ну, и что же?.. — жалобно спросил дед Антон. — Никак нельзя подсобить?

— Думаю, что нет. У неё уже было воспаление лёгких, это второй раз. Лёгкие слабые. Росла за печкой, чуть ли не в вате.

— Берегла её старуха... да...

— Берегла, да не так, как надо. Изнежила. Ну как такой изнеженный организм может сопротивляться? Оставили ворота открытыми, про сквозило — вот и всё. Другие ещё кое-как держали, а этой где же? Принцесса на горошине!.. Сотый и тысячный раз повторяю: тёленок должен расти в низкой температуре, в низкой и ровной... Тогда и простужаться не будет.

Катерина, внутренне дрожа, будто от холода, побежала в свой телятник.

— Низкая и ровная!.. — шептала она. — Низкая и ровная!..

И, войдя к телятам, сразу взглянула на градусник. Пять ниже нуля. Всё нормально. Низкая и ровная.

Телята глядели на неё из своих клеток. Коричневый лобастый бычок замычал тихонько и облизнулся.

— Маленькие мои! — сказала Катерина и улыбнулась сквозь слёзы. — Сейчас накормлю! Всех сейчас накормлю!

И, вытерев глаза, прошептала:

— Ах, бедная, бедная моя принцесса на горошине! Почему я раньше за тебя не боролась!

Круто пережила беду Марфа Тихоновна. Никому не пожаловалась, не поплакала. Только ещё суше стал её орлиный профиль и ещё суровей стали глаза. И никто не видел, как, оставшись одна в телятнике, она долго стояла у опустевшего стойла в горьком недоумении:

«Что надо? Что ей было надо? Другие бабы за детьми так не ходят, как я за ней!.. Прямо из рук ушла эта Золотая Рыбка, прямо из рук... Что хотите думайте, люди добрые, а я не повинна! Ведь я душу им отдаю... душу отдаю! Как же этр так получается, люди добрые?!»

Но наутро она с суровым достоинством заявила деду Антону:

— Поторопись с новым-то двором, Антон Савельич! Зима круто забирает, а балаган наш я

никак не могу патопить. Как бы нам ещё греха не нажить: тогда на меня не пеняйте.

Пезаметно, как снежинки по ветру, пролетали короткие зимние дни. Вот уже и ноябрь отсчитывал последние числа свои в календаре.

Как-то на ферму к деду Антону зашёл председатель Никита Степаныч. Увидев в кухне Катерину, которая мыла горячей водой бадейки, он весело спросил:

— Ну что, говорят, идут у тебя дела-то?

— Идут! — засмеялась Катерина. — Вон посмотрите, каких в старшее отделение сдала!

— Я уж видел, молодец! В районе о тебе докладывать буду.

Катерина не часто обращала внимание на похвалы. Но на этот раз она зарделась от удовольствия. Скуп, скуп на похвалы Никита Степаныч, а тут вон какие слова сказал!

— Тебе, Никита Степаныч, деда Антона позвать? — спросила Катерина, чтобы скрыть смущение. — Он тут где-то! Я сейчас!..

Через минуту появился дед Антон.

— Ты что?

— Пойдём-ка, на стройку зовут нас с тобой, — сказал председатель, — один важный вопрос решить надо.

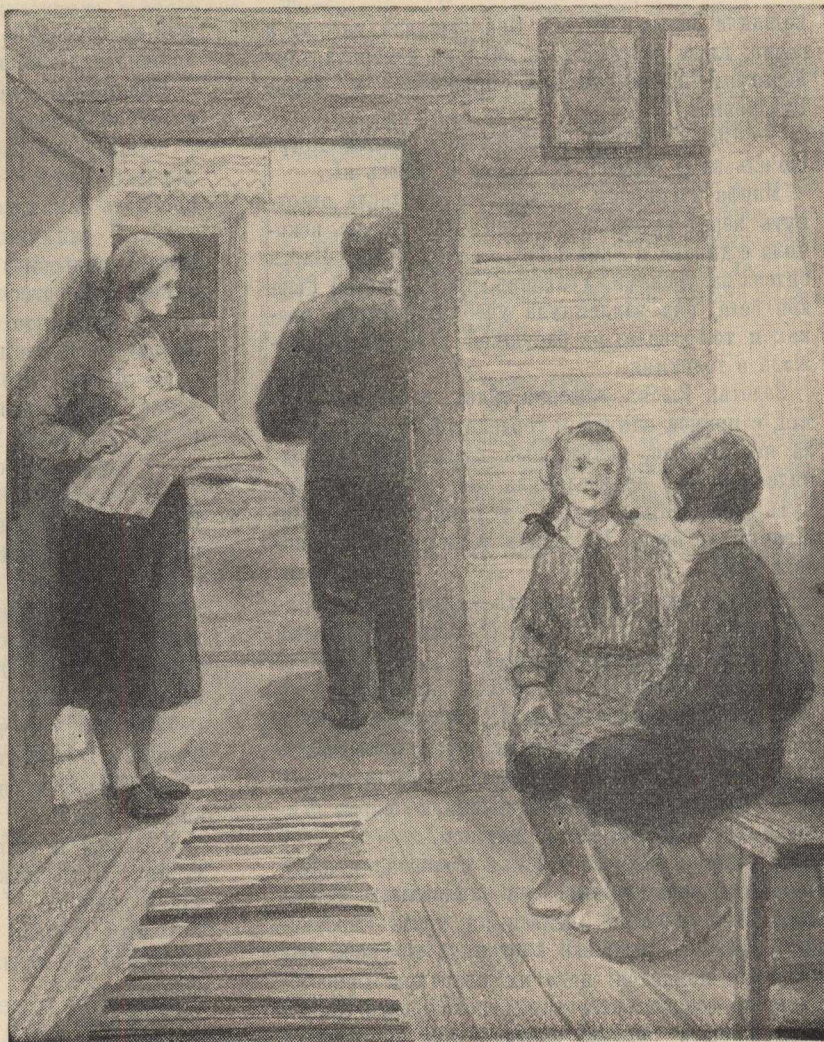
Дед Антон зорко поглядел на него:

— Насчёт печек, что ли?

— Вот именно. Ставить всё-таки печки в телятнике или нет? Слово за тобой.

Дед Антон и Никита Степаныч отправились на стройку. Телятница Паша, слышавшая этот разговор, побежала к Марфе Тихоновне. Марфа Тихоновна сунула Паше бадейку с пойлом, которую несла телёнку, вытерла руки, накинула полшубок и тоже поспешила на стройку.

Новый двор уже стоял под крышей. Светлая, чистая драпка казалась жёлтой на фоне лилово-серого зимнего неба. В одной секции были

Настя с Дуней Волнухиной сидели в горнице у тёплой печки и по очереди рассказывали друг другу сказки.

вставлены окна, они светились будто квадратные лужицы, покрытые льдом.

Марфа Тихоновна вошла во двор. И тут же услышала голос техника, руководившего строительством:

— Значит, в телятнике печки ставить не будем? Это твёрдо?

— Ну что ж, решили, значит, твёрдо, — ответил дед Антон.

Марфа Тихоновна подошла ближе.

— Что такое? — глухо спросила она. — Телятник без печки?

— Да, так решили, Марфа Тихоновна, — ответил ей Никита Степаныч, — опыт себя оправдал. Будем растить телят на холоде, отходов больше допускать нам невозможно.

— Значит, со мной уж совсем решили не счи-

таться, Никита Степаныч? Значит, отслужила, не нужна стала?..

— Эко, ты, голова!..—начал было дед Антон, но председатель прервал его:

— А зачем вы, Марфа Тихоновна, говорите эти жалкие слова? Ведите и дальше ваше хозяйство. Но принимайте наши поправки. Принимайте. Самовластия в колхозе нет и быть не может.

— Значит, плохо работала... Это не важно, что телятник из разлухи подняла, не важно, что ферму на первое в районе место вывела...

— Опять за своё! — дед Антон с досадой махнул рукой.

У председателя резче обозначились скулы и в глазах появился жёсткий, ледяной блеск.

— Всякого человека, который в работе своей идёт вперёд, мы уважаем. — сдержанно сказал он, — а если этот передовой человек начинает тормозить работу, мы его устраним.

— Спасибо!

Марфа Тихоновна низко поклонилась председателю, потом деду Антону и, величаво повернувшись, пошла со двора.

— А, домовый тебя задави! — рассердился дед Антон. — Ничего понимать не хочет!

Вечером, когда убрали после ужина со стола, Марфа Тихоновна села писать заявление об уходе. Крупные кривые буквы, выведенные рукой самоучки, медленно, но твёрдо вставали одна к другой.

Настя с Дуней Волнухиной сидели в горнице у тёплой печки и по очереди рассказывали друг другу сказки. Отец тут же в горнице сидел на диване, просматривая газеты.

Вошла мать и шепотом сказала отцу:

— Прохор, там мать какое-то заявление пишет. Случилось, что ли, что?

Прохор поднял брови:

— Не знаю!

Он отложил газету и вышел в кухню:

— Мать, ты что это? «Прошу меня уволить!..» Ты что, с работы уходишь?

— Ухожу, — ответила Марфа Тихоновна, — и с работы ухожу и из колхоза ухожу.

Прохор сел с ней рядом:

— Ну, с работы, конечно. Уж не молоденькая! И отдохнуть пора. Но вот из колхоза?.. Это что же означает?

Марфа Тихоновна, приподняв брови, устало глядела в сторону:

— То и означает. Без работы я жить не могу, а делать мне здесь больше нечего. К Нюше пойду, у неё дети маленькие. С ними нянчиться буду. А что мне здесь делать?

Прохор пожал плечами:

— В доме всегда дело найдётся!

Настя не подозревала, о чём разговаривают отец с бабушкой. А мать, делая вид, что читает газету, стояла у кухонных дверей и слушала. Тонкие чёрные брови её сошлись от напряжения, губы сжались.

Марфа Тихоновна подумала, помолчала...

— Нет уж, — сказала она, — не хочу. Не хочу я в этом колхозе оставаться. Пускай работают без меня. Пускай Катерина лучше сделает. А вот ещё что в районе им на это скажут, мы ещё посмотрим! Всё-таки на почётной доске я первая из всего района была!

Марфа Тихоновна взяла перо и снова начала ставить одну к другой крупные, твёрдые буквы.

— Ну, если ты с председателем не поладила, то мы-то тут при чём? — обиделся Прохор. — Почему же и от нас бежать? Даже перед народом совестно: что скажут...

— Мне всё равно, что скажут. А я уйду.

— Ну что ж, воля твоя... — Прохор встал. — Хочется к Нюше — иди.

— И уйду!

Дед Антон, услышав на другой день, что старуха Рублёва подала заявление об уходе, даже растерялся от неожиданности.

— Ты что это задумала? — закричал он, войдя в телятник. — Да с чего ж это ты?

— Поработала, хватит, — ответила Марфа Тихоновна.

И сколько ни уговаривал её дед Антон, сколько ни убеждал, ничего другого от неё не услышал.

Вечером к Рублёвым зашёл председатель.

— Что ж тебя вынуждает, Марфа Тихоновна, так круто поступать? — спросил он. — Давай поговорим, может, договоримся?

«Испугались!» — усмехнулась про себя Марфа Тихоновна. — Заговорили!»

Председатель подметил эту усмешку и нахмурился:

— Я работать тебя не неволю и задерживать не имею права, из годов ты уж вышла. Но думаю, что поработать ты ещё можешь, организатор ты хороший, чего ж дело зря бросать? Вот к новому году в новый двор переберёмся...

— В телятник без печек... — договорила Марфа Тихоновна. — Нет уж, — ответила она на все речи председателя, — нет уж, отпусти. Ничего у нас с тобой не выйдет. Вы по-моему работать не хотите. А я по-вашему не могу. Стара я уже. На покой пора. Ну, а если вам что от райкома будет, меня не вините!

Напоминание о райкоме словно ударило председателя. Он встал.

— Хорошо, — сказал он, — я сейчас зайду в правление, подпишу твою просьбу. И на собрании буду голосовать, чтобы тебя отпустили. За

то, что помогла нам в трудные годы, спасибо. А насчёт райкома, я думаю, райком сам разберётся, кто прав, кто виноват.

И, заметив Настю, которая стояла, прижавшись к притолоке, и слушала их разговор, улыбнулся ей:

— Ну что, шеф? Уходит бабка-то. Придётся тебе на смену выходить. А?

Настя хотела ему что-то ответить, но вдруг опустила голову и залилась слезами. Председатель искоса взглянул на Марфу Тихоновну: она сидела ещё более гордая, ещё более замкнутая, с горькой и насмешливой улыбкой в уголках тонкого рта. Никита Степанович понял, что старуха глубоко уязвлена его скорым согласием отпустить её и теперь сговориться с ней уже нет никакой возможности.

Миновало ещё несколько дней. И вот наступило утро, когда Марфа Тихоновна встала, как всегда, до зари, оделась и села на лавку, не зная, за что взяться. От работы её освободили, из колхоза отпустили... Живи, как душе хочется!

В доме ещё спали. Марфа Тихоновна неслышно вошла в горницу, задумчиво поглядела кругом. Так же неслышно вышла на улицу... Вся жизнь прошла в этом доме, под этими берёзами. И хорошее и плохое. Это был её дом, её двор, её палисадник...

После завтрака Марфа Тихоновна стала собирать свои вещи — платье в клеточку, которое надевала по праздникам, полотенце с широкими кружевами, кофты, платки...

Невестка, забыв, что на столе стоит немытая посуда, молча смотрела, как старуха увязывает свой узелок. Прохора не было: он пошёл за лошадью, чтобы отвезти мать. Настя была в школе. Тихонько напевал ветер в трубе, гудели за стеной электрические провода...

«Неужели и в самом деле уйдёт? — думала невестка. — Неужели решится?»

Но когда заскрипели у крыльца полозья пошевной и голос Прохора остановил лошадь, она вдруг поняла, что старуха действительно уходит из дому.

— Мамаша! Мамаша! — порывисто сказала она. — Да что же вы делаете? Да что вы, одумайтесь! Из своего дома!.. Из своего колхоза!.. Как будто выгнанная... на старости лет! Да бросьте вы это! Оставайтесь с нами.

Но Марфа Тихоновна уже надела своё новое синее с рыжей лисцей пальто. С каменным лицом, не глядя в глаза невестке, она поклонилась ей:

— Прощайте. Не поминайте лихом. А что ж мне колхоз? Там тоже колхоз есть. — И вышла на улицу.

Невестка, накинув платок, последовала за ней.

Стоя на крыльце, она долго смотрела вслед убегающим пошевням. Рядом с крупной, широкоплечей фигурой Прохора Марфа Тихоновна казалась маленькой, слабой... И что-то такое понурое было в её опущенных плечах и вдруг поникнувшей голове, покрытой большой тёмной шалью, что у невестки больно сжалось сердце.

— Ах, человек! — расстроено прошептала она. — Никогда, никогда она уступить не может! И людей и себя до смерти замучит... И прежде всего себя!

Настя пришла из школы. И сразу почувствовала какую-то неясную перемену в доме. Бабушкиного полотенца, которое всегда висело у двери, не было, шали её тоже не было... Только полусубок, в котором бабушка ходила в телятник, висел на гвоздике — старый и уже никому не нужный.

Мать что-то шила, сидя в кухне у окна.

— Доставай суп из печки, — сказала она Насте, — молоко в кринке на лавке.

Настя тревожно обернулась к матери:

— Мама, бабушка уехала?

— Уехала, — ответила мать.

— Совсем?

— Совсем.

— Как же... Как же это совсем? — у Насти задрожал голос. — Мама, что же ты её не уговорила?

Мать невесело усмехнулась:

— А разве нашу бабушку можно уговорить?

— Можно! — горячо возразила Настя. —

Если бы я дома была, я бы уговорила! Я бы ни за что её не отпустила, ни за что! А отец её повёз?

— Повёз.

— Ну зачем же он её повёз? Не надо бы!

— Ну, так она пешком ушла бы. Садись, обедай!

Настя нехотя поела. Она даже и не заметила, что суп её любимый — с грибами — и что в молоке плавают толстая румяная пенка.

— Мама, — сказала она, отставляя кружку с недопитым молоком, — а что если мне туда сбегать, а?

— Куда?

— Ну, к тётке Нюше! За бабушкой! А? Уговорию её, она и приедет обратно.

Мать подняла от шитья свои тёмные мягкие глаза.

— Сейчас ты её не уговоришь... А вот пройдёт несколько деньков, тогда и сходим...

— А ты думаешь, что соскучится?

Мать улыбнулась:

— Думаю, что соскучится... — И, вспомнив понурые плечи и опущенную голову сидевшей в санях Марфы Тихоновны, добавила: — Сердце-то у неё не каменное.

После обеда Настя вышла на улицу.

После обеда Настя вышла на улицу. Сверкал и блестел морозный денёк. Яркосинее небо, яркосиние тропки среди розовых сугробов, искристые огоньки на снегу...

Далеко видно кругом в ясный день. Улица лежит, озарённая солнцем, будто праздничная. Ребятишки катаются с горки, кричат, смеются... Промчался на Ласточке конюх Тимоша, снежные комья разлетелись из-под копыт...

На душе у Насти было тяжело. Уехала и не простилась со своей внучкой!

Настя долго стояла у калитки. Нужно было идти к Наде Черенковой, сговорились вместе делать уроки, но Настя почувствовала, что ей сейчас и не до Нади и не до уроков.

— Пойду к Катерине, — решила она, — расскажу ей...

Насте почему-то казалось, что именно Кате-

рина знает, как ей быть и как вести себя в такую тяжёлую минуту, и что именно Катерина скажет ей сейчас самые нужные слова...

Около нового двора собрался народ — доярки, телятницы... Тут же стоял председатель Никита Степанович, разговаривал с техником. А вот и Катерина вышла из телятника в накинута на плечи чёрной жакетке — белолицая, сероглазая, с морозным румянцем на свежих щеках. Увидев Настю, она приветливо улыбнулась ей:

— Редко, редко навещаешь нас, дорогой шеф! Пора бы за работу как следует браться! Это что ж такое? Пионеров в колхозе не сочтёшь, а животноводством никто не интересуется.

— Да нет, Катерина! — прервала Настя, и её тёмные, как вишенки, глаза засветились. — У нас теперь животноводов много! После моего доклада о Костроме — помнишь? — у нас много ребят записалось за телятами ходить... Но только мы пока занимаемся теорией — читаем, доклады делаем. Мы хотим подготовиться как следует, понимаешь?

— А практикой что же, не хотите заняться?

— А потом и практикой.

И мы всё бабушке доказали бы... Только вот, Катерина, как же теперь быть? — Настя заглянула в глаза Катерине. — Ведь бабушка-то ушла!

Катерина чуть-чуть нахмурилась. В словах Насти ей почудился упрёк, словно это она вышла из колхоза старую телятницу.

— Ну, что ж теперь делать? — возразила она. — И напрасно, конечно, ушла. Но ведь телята-то остались. К тётке Надежде приходите, теперь тётка Надежда вместо бабушки.

Телятница Надежда, услышав своё имя, обернулась. Худошавое лицо её было озабочено и заплакано.

— Ну, что ж, приходите, — сказала она, — дела найдутся. А помощь, конечно, нужна. Трудно будет, ох, боюсь! Трудно мне будет без Марфы Тихоновны. Твёрдая у неё рука была... А я — что там! Не знаю, и справлюсь ли!

— Ну, что ты, Надежда! — стараясь подбодрить её, сказала Катерина. — Да разве ты одна? У тебя вон Паша — опытная работница. И потом, как ты думаешь, не вернётся ли Марфа Тихоновна к нам обратно? Может, посмотрит, что у нас дела хорошо идут, увидит, что неправа была, поверит нам, да и вернётся.

У Насти заблестели глаза. Она взяла Катерину под руку и прижалась к ней.

— Вернётся? — Надежда покачала головой. — Ну, нет! Марфу Тихоновну знать надо. Хоть и увидит, что неправа была, так не вернётся. Характер не позволит.

— А мне кажется, что вернётся, — задумчиво сказала Катерина, — уж очень она горячо своё дело любит. Неужели она может так вот всё бросить и успокоиться? Не поверю, не поверю! Она теперь сгоряча умчалась. А пройдёт день — два — и начнёт думать и начнёт беспокоиться: а как-то там Белянка? А как там Атлас,

а как там Звёздочка? А ну, как их во-время не накормят да не напоят?.. Ну ты, Надежда, по себе посуди: разве сможешь ты от своего дела так вот взять да и отрешиться и всё забыть?

— Я-то не смогу, — ответила Надежда, — а, может, другие и могут.

— Только равнодушные люди могут, — возразила Катерина, — а такие, как наша Марфа Тихоновна, нет. Такие не могут!

Настя, крепче прижав к себе катеринину руку, снова заглянула ей в глаза:

— Катерина, ты правда думаешь, что бабушка вернётся?

— Правда, думаю, — твёрдо ответила Катерина. — Да, правда, думаю.

Все замолчали, задумались...

— Ну, что ж, приходите! — обратилась Надежда к Насте. — Приучайтесь, будьте нашей сменой!

НАША ОСЕНЬ

Куддус Мухаммади

Рисунки Ю. Кискачи

Вы видели ль, скажите мне,
Небес осенних синеву?
С лозы срывали ль «хусайне»,
А с ветки — светлую айву?

Сок виноградный молодой
Варили ль на большом огне?
Орехи радостной гурьбой
Сбивали ли, скажите мне?

Ну, ладно, бросим пустяки!
Скажите лучше: на полях
Вы хлопка белого тюки
Таскали ль на своих плечах?

Ах, осень! Вот уж каждый лист
Летит, то золот, то багров.
А ветки яблонь напряглись
Под тяжестью своих плодов.

Зерно повсюду на токах —
Какое чистое оно! —
На элеваторы в мешках
Всё будет в срок отвезено.

Вот солнца пылкий луч исчез...
Как дышится легко, когда
Зашепчется, скользя с небес,
Животворящая вода!

Перевод с узбекского
Ел. Благининой

ЗОЛОТАЯ КУРОЧКА

Михаил Стоян

С К А З К А

Рисунки И. Кузнецова

Было это давно, а когда,— всё равно.

На краю деревни в небольшой хатёнке жил бедный крестьянин с женой и дочерью. Златокудрая Лизавета славилась во всей округе своим прилежанием, да и отец с матерью работали от зари до зари, но толку было мало. Тяжело жилось крестьянину и его семье. Воины все-сильного и грозного властелина этих мест отбирали у окрестных крестьян всё, что тем удавалось заработать. Никому не давали они пощады. Недаром люди называли их повелителя Инима-Ря, что значит Злое Сердце.

Единственной птицей во дворе у отца Лизаветы была жёлтая, словно золото, курочка. Курочка эта была не простая: каждый день несла она по яичку, да по такому большому и вкусному, что вся семья досыта наедалась им. Другой еды у них почти и не было.

Юная Лизавета была искусная пряжа и ткачиха. Да только работать на себя ей не удавалось. Целыми днями трудилась она на жадного Инима-Ря. То и дело его слуги приносили Лизавете пряжу и заказывали напрямсть ниток, наткать полотна да отбелить его чисто-начисто. Но какой бы большой урок ни задавали ей, Лизавета всегда успевала его выполнить. Слух о необыкновенной мастернице дошёл до самого Инима-Ря, и захотелось ему своими глазами посмотреть, как это она так быстро справляется с работой.

И вот однажды рано утром, когда на траве ещё блестели капли росы, отправился Инима-Ря в путь. Отправился не в золочёной коляске, не на быстром коне, а пешком и один, без свиты.

Когда он добрался до хатёнки, в которой жила Лизавета, отец и мать её уже ушли в поле. Инима-Ря стал смотреть в окошко. А девушка в это время прибирала в доме: подметала пол, растапливала печь, мыла посуду и при этом ласково приговаривала:

— Ну-ка, метла, мети чисто и быстро, ведь ждёт меня небелёное полотно да пряжа. Ну-ка, огонёк,

загорайся пожарче, поярче, ведь ждёт меня небелёное полотно да пряжа.

Затем вышла Лизавета во двор, покормила собаку, погладила её, поздоровалась с курочкой, зёрнышек ей бросила и снова вернулась в хату.

Здесь ждали её небелёное полотно и пряжа.

Взяла Лизавета в руки веретено и сказала:

— Ну-ка, дружище, принимайся за дело. Видишь, сколько шерсти прислал нам злой владыка. Плохо нам придётся, коли не спяду я всё! Да споём давай, чтобы лучше работа спорилась!

И принялась Лизавета за работу, напевая:

Быстрей, веретено, вертись,
Потоньше, ниточка, прядись...

Зажужжало веретено, завертелось быстро-быстро. Потянулась тонкая, ровная нитка. Не успел Инима-Ря оглянуться, как вся пряжа была готова. А Лизавета взялась за небелёное полотно. Положила его в корыто, налила воды и стала приговаривать:

Своими костлявыми руками Инима-Ря считал золотые монеты.

Ну-ка, ну-ка, полотно,
Стань ты в миг один бело...

Не успел Инима-Ря глазом моргнуть, как полотно уже стало белым. И тогда решил он захватить чудесное веретено и корыто. Но только открыл калитку, как вдруг весь двор озарился ярким светом. Это курочка снесла яичко и вышла из курятника. Увидел Инима-Ря золотую курочку, схватил её и был таков. Даже про веретено забыл.

Собака услышала, как закудахтала курочка, бросилась на выручку, да было поздно. Тогда кинулась она в хату:

— Гав, гав, гав! Спеши, девушка! Забрался в наш двор злой человек, унёс нашу курочку!

Лизавета выбежала на крыльцо, приложила ладошку к глазам, посмотрела кругом и увидела вдалеке удалявшегося на запад Инима-Ря. Скоро он совсем исчез из виду.

Девушка вернулась в хату и быстро собралась в путь. Но только сделала она шаг к двери, как вдруг услышала тихий, шелестящий голосок:

— Милая девушка, возьми меня с собой, авось, я пригожусь тебе.

Это говорило полотно.

— Ладно,— сказала Лизавета,— возьму тебя.

Но только ступила она на порог, как раздался другой голосок, тоненький и звонкий:

— Возьми и меня, Лизавета. Я твоё верное веретёнце.

Взяла Лизавета и веретено.

Только вышли они на крыльцо, как собака залаяла:

— Гав, гав! И я с вами! Я пригожусь тебе, Лизавета!

— Хорошо, пойдём,— ответила девушка.— Только надо спешить.

Собака вильнула хвостом, и все отправились в путь.

Долго ли, коротко ли шли они, но вот собака заметила на краю дороги золотое пёрышко курочки, а дальше на траве ещё и ещё...

— Это курочка нарочно роняла пёрышки, чтобы мы могли найти её,— сказала Лизавета.

Ускорив шаг, свернули они с дороги, пошли по следу. И вскоре увидели впереди высокую гору. У подножия её текла широкая бурная река, а на вершине, как

серебро, сверкал в солнечных лучах неприступный замок.

— Это, должно быть, и есть замок Злого Сердца,— сказала своим спутникам Лизавета.— А вон и пёрышко нашей курочки на берегу. Но как переправиться нам через реку?

Тут полотно развернулось, расстелилось, и девушка, собака и веретено, как по мосту, перебежали по нему на другой берег.

Прямо перед ними вздымались теперь крутые, неприступные скалы, на вершине их сверкали стены замка. Но как туда добраться?

Вдруг веретено закружилось, обернулось несколько раз вокруг себя и взметнулось ввысь, а за ним потянулась крепкая шерстяная нить.

— Держитесь за нитку и лезьте вверх! — крикнуло веретено, продолжая кружиться и подниматься всё выше и выше.

Так добрались наши путники до входа в замок. У ворот сидело вокруг костра несколько воинов. Лизавета и её спутники остановились.

Веретено и говорит:

— Теперь вы заткните уши, не слушайте меня и не засыпайте!

Завертелось веретено, закружилось, запело колыбельную песню. Лизавета и её спутники сразу стали зевать, но не поддались сну. А воины уснули. Они спали, опираясь на копыта или уткнув подбородки в колени. У одного из них дымилась в зубах зажжённая трубка, у другого застыл в руке недопитый стакан.

Наши друзья переступили порог и вошли в замок. Они очутились в огромном зале. Здесь царила полутьма, только в глубине видно было огромное кресло, в котором восседал Инима-Ря. Своими костлявыми руками он считал золотые монеты. У ног его сидел прикованный цепью к креслу кот.

Прячась за каменным столбом, наши друзья искали глазами золотую курочку. Но её нигде не было видно. Вдруг послышалось кудахтанье.

Инима-Ря бросил мешок с деньгами, вскочил с места и отодвинул тяжёлый занавес. За ним видна была клетка с курочкой.

Злое Сердце поглядел на клетку и заворчал:

— Не хочешь нести яиц, зарежу тебя!

— Ну, а теперь нам пора домой, — сказала Лизавета.

Он вытащил нож, но тут кот замыкал и толкнул лапкой мешок с деньгами. Монеты зазвенели. Инима-Ря кинулся назад и стал бить кота арапником, приговаривая:

— Ты хочешь мои деньги украсть, мои деньги украсть?

Первой бросилась на помощь коту собака.

Инима-Ря повернулся к ней и поднял арапник. Но Лизавета крикнула:

— Помогите нам, полотно, умири это чудовище!

И полотно в тот же миг обернулось вокруг Инима-Ря и спеленало его туго-натуго.

А веретено закружилось, взвилось вверх и изо всей силы ударило злодея по макушке. Инима-Ря свалился без чувств.

Тогда кот заговорил:

— На поясе у Инима-Ря висит связка ключей. Возьмите самый маленький из них и отомкните мою цепь.

Лизавета повернула ключ в замке, цепь упала. Кот встряхнулся, перевернулся три раза через голову, и перед Лизаветой очутился добрый молодец с ясными глазами.

— Здравствуй, красавица, — сказал

он. — Знай, я вольный певец. Инима-Ря превратил меня в кота за то, что я в своих песнях изобличал его злодейства и призывал людей к восстанию. Скажи, чем могу я тебя отблагодарить?

Девушка улыбнулась приветливо и сказала:

— Скажи мне, какой ключ открывает клетку, где томится золотая курочка?

Юноша подал ей серебряный ключик, и курочка была освобождена.

— Ну, а теперь нам пора домой, — сказала Лизавета.

— Нет, у нас ещё есть дело в этом замке, — ответил юноша. — Пойдёмте со мной.

Собака осталась сторожить Злое Сердце, а остальные пошли за юношей. Они открыли тяжёлую железную дверь и, спустившись по ступенькам, очутились в подземелье. По обе стороны подземного коридора были огромные клетки.

— Видишь, моя красавица, — сказал юноша, — в этих клетках томятся те, кто боролся против злого владыки или отказывался платить ему подати. Самый большой ключ открывает эти замки.

С радостью схватила Лизавета золотой ключ и стала отпирать клетки одну за другой. Решётки распахивались, и из клеток выходили люди, измождённые, в лох-

мотях, с жёлтыми, как воск, лицами. Все они благодарили девушку за спасение.

Распахнулись тяжёлые ворота, опустился подъёмный мост, и наши друзья вместе с освобождёнными пленниками покинули замок.

Только перешли они на другой берег, как вдруг раздался страшный грохот. Все обернулись и увидели, что замок рухнул, задавив Злое Сердце и его слуг.

Отец и мать Лизаветы лили горькие слёзы, считая, что дочь их погибла. И вдруг видят они вдаль, словно облачко, закружилась пыль. Вот облачко приблизилось, и раздалось радостные песни. Появилась толпа народа, впереди шла Лизавета с золотой курочкой, а рядом с ней бежала собачка, закрутив хвостик бубликом.

Обрадовались люди, узнав о смерти Злого Сердца. И начались тут пляс и веселье. Лизавета и отважный певец лучше всех плясали, а старики сидели и глаз с них не сводили: уж очень приятно было на них смотреть.

Говорят, что вскоре Лизавета с юношей поженились и, если не умерли, то и ныне живут припеваючи.

Перевод с румынского
М. Розенфельда

Комиссар «Юной гвардии» Ли Бен Сам.

ЮНАЯ ГВАРДИЯ

Рассказ корейского пионера
Ли Бен Сама

Это было в Корее, в небольшом шахтёрском городке Анчжу, где я родился и рос.

Я помню нашу школу на тихой улице, заросшей высокими, развесистыми деревьями. Дорожка, посыпанная жёлтым песком, вела через двор к двухэтажному дому. Его строили все жители города.

Американцы сожгли нашу школу. Она сгорела в тот самый день, когда в город ворвались американские танки. Школу сожгли напалмом — вязкой маслянистой массой, которая испепеляет всё, что способно гореть.

Никто из наших мальчиков не забудет этого страшного дня — 20 октября 1950 года...

...Бой шёл где-то за городом, на берегу реки Чанчонген. По улицам громылали американские танки, и на башне одного из них мы увидели голубое знамя Организации Объединённых На-

ций — знамя ужаса и смерти... В этот день в школьном саду, под яблоней, мы закопали наше пионерское знамя и значки «Отличный пионер», которыми были награждены многие наши ребята.

По городу рыскали американские солдаты в их лисынмановские лакеи, арестовывая мирных жителей. В каждом доме плакали. Каждый дом посетило горе.

Город горел. Удушливый жёлто-коричневый дым поднимался к небу. И только изредка сквозь это горькое марево виднелись чёрные копры шахт.

Шахты были пусты: корейцы-шахтёры погляделись, что никто из них не станет работать на американцев.

НА БЕРЕГУ РЕКИ ЧАНЧОНГЕН...

Прошло двое суток с того дня, как американцы заняли город. Ночью меня разбудил лёгкий стук в окно. Я сел на постели и прислушался. Стук повторился. Нет, я не мог ошибиться — так стучит только Ким Де Хан. Сколько раз по утрам он вызывал меня этим стуком, чтобы вместе идти в школу!

Я оделся и, чтобы не будить домашних, через окно вылез на улицу. Ким Де Хан ждал меня, прятаясь в тени забора.

— Что случилось? — спросил я.

— Идём, — проговорил Ким Де, взяв меня за руку.

Мы пошли глухими переулками. Вот уже осталась позади крайняя хижина, вот берег Чанчонгена, где несколько дней назад шли бои. Мы поднялись по крутому откосу, заросшему кустарником.

— Они ищут меня, — сказал Ким Де Хан, — а если поймают, убьют, но я им не дамся.

Что-то новое, незнакомое было в его лице, в том, как он говорил. Глядя куда-то в сторону, Ким Де рассказал мне о том, что произошло с ним за эти два дня.

...Ночью их дом окружили американские солдаты. Они пришли за Ким Де Ре, старшим братом Ким Де Хана, членом Трудовой партии.

Бежать было поздно. Ким Де Ре передал брату пистолет и две гранаты и назвал адрес, куда надо было отнести оружие.

...Дверь рухнула под напором. В комнату ворвались американцы. Начальник городской жандармерии лисынмановец Сон Ен Сеп кинулся к матери.

— Почему не открывала?! — закричал он. — Где сын, говори!

Тут они заметили Ким Де Ре, стоявшего в глубине комнаты. Четверо американцев навалились на него и скрутили ему руки.

— Ты видишь, кто там, Ли Бен, ты видишь? — прошептал Ким Де Хан.

Воспользовавшись тем, что на него не обращают внимания, Ким Де Хан проскользнул за дверь, но его тут же остановили.

— Куда бежишь, говори, куда? — спросил полицейский.

Ким Де Хан молчал.

К полицейскому подошёл Сон Ен Сеп; яркий луч карманного фонаря ударил в глаза Ким Де Хана.

— А, это мальчишка, — разочарованно сказал Сон Ен Сеп, — отпустите его, он просто испугался.

Во время допроса в жандармерии Ким Де Ре не сказал ни слова, и ранним утром в хижину снова пришли солдаты. На этот раз они увели в жандармерию мать и Ким Де Хана.

В большой комнате, расположенной на втором этаже, где американцы и лисынмановцы допрашивали арестованных, Ким Де Хан увидел своего брата. Ким Де Ре уже не мог сидеть, и его привязали ремнём к стулу.

За столом сидел американский офицер. Он сказал что-то по-английски, и Сон Ен Сеп поспешно перевёл его слова.

— Американский начальник, — сказал Сон Ен Сеп, обращаясь к матери Ким Де Ре, — советует тебе повлиять на твоего сына. Ты должна убедить его, что с нами шутки плохи. Пусть он говорит, иначе мы вышибем из него дух! Понятно?

Мать хотела подойти к сыну, но между ней и Ким Де Ре встал американец.

— Говори издали, — пояснил Сон Ен Сеп, — говори издали, он ещё слышит.

Но она не сказала ни слова, она сделала шаг вперёд и с силой ударила по лицу американского офицера. Все находившиеся в комнате застыли в оцепенении. Схватившись за щеку, офицер дрожащими пальцами расстегнул кобур и в упор выстрелил в женщину. Ким Де Хан видел, как его мать, даже не вскрикнув, медленно опустилась на пол.

Страшная, гнетущая тишина стояла в комнате. И вдруг Ким Де Хан схватил бутылку рома, стоящую на столе, и запустил её в голову американца. Потом он оттолкнул Сон Ен Сеп, вскочил на подоконник и, выдавив плечом стекло, прыгнул со второго этажа вниз, на клумбу. Раздалось несколько выстрелов, но Ким Де Хан уже исчез за поворотом улицы.

...Ким Де Хан замолчал. По его щекам бежали слёзы. Я не знал, что сказать ему, как его утешить.

— Не надо, Ким Де, не надо, — говорил я, и больше у меня не было других слов.

Он долго молчал, а потом сказал тихо:

— Ты не успокаивай меня, я всё равно отомщу им. Она была очень хорошая, моя мама!

Светало... И тут мы увидели, как к противоположному берегу подъехала грузовая машина. Солдаты прикладами стали сталкивать с кузова связанных людей.

— Ты видишь, кто там, Ли Бен, ты видишь? — прошептал Ким Де Хан.

— Вижу, — ответил я, — вижу, вон товарищ Мун Му Сур, вон Ким Бен Гер, а рядом... — дальше я не мог продолжать.

— Рядом мой брат Ким Де Ре! — закончил за меня Ким Де Хан.

Я обнял товарища и прижал его голову к груди. — Отвернись, отвернись, не будем смотреть! — говорил я.

— Нет, мы будем смотреть, — медленно сказал Ким Де и повторил ещё раз: — Мы будем смотреть.

Сухой треск винтовочных выстрелов рассеял спокойную тишину утра. Американские палачи расстреляли шахтёров.

— Ты подожди меня здесь, — сказал Ким Де Хан, доставая из кармана гранату. — Ты подожди меня, я скоро вернусь.

Но я остановил его:

— Нет, нет! Не сейчас, в другой раз, Ким Де!.. Ты помнишь, мы читали... Краснодар, ночь, вот так же всё было... Там немцы убили шахтёров... А потом возникла «Молодая гвардия»... Ты понимаешь, к чему я это говорю, Ким Де, понимаешь?

ЛИСТОВКИ ЗОВУТ К БОРЬБЕ...

— «Мы будем смело бороться, как боролись Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, как боролись герои-краснодонцы. Мы будем бороться, пока наша Корея снова не станет свободной...» — читаю я слова торжественной партизанской клятвы, и товарищи повторяют её за мной. На моём дворе, в противовоздушной щели, ночью собрались на первое заседание члены будущего штаба нашей организации. Нас было пятеро: Ким Де Хан, Ким Пен Пал, Ли Чан Пок, Сон Бен Хан и я.

Мы приняли торжественную клятву, мы решили бороться. Свою организацию мы назвали «Юной гвардией» в честь молодогвардейцев Краснодона. Командиром мы избрали Ким Де Хана. Он был самым старшим из нас. Ему исполнилось 16 лет, он был уже членом Союза демократической молодёжи. Остальные четверо членов штаба были пионерами.

Комиссаром товарищи выбрали меня.

Прежде всего мы решили разыскать партизан. Ким Де Хан помнил адрес явки, который перед арестом сообщил ему брат, и мы отправились по этому адресу. Подпольщики провели нас на шахту, и там, глубоко под землёй, в забое, с нами разговаривал руководитель подполья Трудовой партии. Мы рассказали ему о своих замыслах, и он одобрил их. Потом мы наметили план будущих действий «Юной гвардии», договорились о том, как будем держать связь.

...В октябре холодные ночи. В октябре дует свирепый ветер, который пронизывает до костей. От холода сводит судорогой пальцы, и кажется, вот-вот выскользнет из рук тяжёлое ведёрко с клеем...

Мы с Ли Чан Поком крадёмся пустыми, безлюдными переулками. За пазухой у нас свежие листовки. Текст листовки мы получили накануне от подпольщиков и переписали его от руки в десятках экземпляров. Листовки звали к борьбе, рассказывали страшную правду об американских интервентах.

Город спит. Только по главным улицам, стуча подкованными сапогами, расхаживают по двое комендантские патрули. После восьми часов жителям запрещено выходить за ворота. Нарушителей этого приказа расстреливают тут же, на улице.

Прячась в тени стен, мы выходим на главную улицу. Прислушиваемся. Шаги патрулей замирают где-то вдаль. Можно действовать. Я достаю листовку, Ли Чан Пок проводит кистью по забору. Спустя секунду на тёмном фоне забора уже выделяется белый листок. До рассвета мы благополучно расклеили все наши листовки. Это первая вылазка, и нам радостно, что всё сошло благополучно.

Утром специальные наряды лисынмановской полиции ходили по улице и сдирали со стен наши листовки. Это оказалось не таким уж простым делом: клей мы сварили хороший. Казалось, листовки приросли к стенам.

Следующей ночью Ким Де Хан с Ким Пен Палом расклеили новую партию листовок. А утром Ли Чан Пок отправился посмотреть, читают ли наши листовки жители. На одном из перекрёстков он увидел толпившихся у забора людей. Ли Чан протиснулся вперёд и стал читать листовку вслух. Разгорячившись, он произнёс целую речь. Потом выступил старик-шахтёр, за ним — какалто женщина. Этот неожиданный митинг продолжался до тех пор, пока его не разогнали полицейские.

На заседании штаба мы похвалили Ли Чан Пока и постановили, что с этого дня мы все будем поступать так, как он. Листовки нам помогали сочинять наши старшие товарищи-подпольщики. Мы переписывали принятые по радио выступления Ким Ир Сена, сводки Главного командования Народной армии, рисовали карикатуры на американских «завоевателей». Лучше всех это делал Ли Чан Пок...

ДОЛОЙ АМЕРИКАНСКУЮ СВЯЗЬ!

От здания американского штаба в разные стороны расходились провода. Американцы за несколько секунд могли связаться с самыми отдалёнными пунктами: отдать приказ, получить распоряжение, передать оперативную сводку. Мы решили уничтожить вражескую связь.

Ночью мы прошли по городу и перерезали все телефонные провода, которые встретились нам по дороге. Мы были очень довольны, что всё сошло благополучно. Но наша радость оказалась преждевременной. Ранним утром американские связисты в течение одного часа соединили вновь все места разрывов.

Через несколько дней Сон Бен Хан с Ким Пен Палом, отправившись в свой ночной рейд, выре-

Вспыхнул бензин. Обе машины загорелись.

зали в четырёх местах по несколько метров телефонного провода и унесли его с собой. И всё же к полудню связь снова была восстановлена.

Тогда мы придумали новый способ. Мы выяснили, где пролегает главный телефонный кабель, и перерубили его в трёх местах. В трёх местах мы извлекли из кабеля по метру металлического стержня и вновь соединили уже пустые концы провода, тщательно замаскировав места разрыва. Американские связисты выбились из сил, разыскивая места аварии, но так и не нашли их. Пришлось заменить весь кабель. Но мы не успокоились на этом.

На берегу Чанчонгена были сложены огромные катушки запасного кабеля. Как-то вечером мы осторожно скатили их в реку, а потом снова перерубили телефонный кабель в нескольких местах. Связь бездействовала трое суток, пока не подвезли новый кабель.

«ЁЖИКИ»

Жители Анчжу гордились своей дорогой: они сами строили её. Дорога проходила через город и терялась среди сопки. Она вела на север. Теперь днём и ночью по ней на большой скорости мчались американские машины, гружённые снарядами, патронами, минами.

Нам очень хотелось нарушить размеренный ход машин, оборвать эту бесконечную грохочущую ленту. Но что мы могли сделать? Конечно,

хорошо было бы инвентаризировать под колёса связку гранат или заминировать дорогу, но у нас не было ни гранат, ни мин.

И вот Ким Пеп Пал предложил очень простой способ: положить поперёк дороги обыкновенную широкую доску с винтами в неё длинными гвоздями. Мы называли потом эти доски «ёжиками». Как только колёса «студебеккера» или «доджа» коснутся такого «ёжика», баллоны тотчас же спустят воздух — и машина остановится, как вкопанная.

...Мы лежали в кустах у дороги. Нас было пятеро. Никто из нас не захотел отказать себе в удовольствии своими глазами увидеть, как сработает наш «ёжик».

Ночь была тёмная, машины шли одна за другой, освещая путь синими подфарниками. Я пополз к дороге, осторожно толкая перед собой доску с гвоздями. Вот на какое-то мгновение дорога опустела. Я слышал приближение автоколонны, но головная машина находилась ещё далеко. Я выполз на дорогу и положил поперёк неё наш «ёжик», потом вскочил на ноги и, пригнувшись, побежал

обратно в кусты.

...Первым шёл бензовоз. Машина резко дёрнулась и встала, сзади в цистерну врезался «студебеккер». Вспыхнул бензин. Обе машины загорелись. Солдаты, соскочившие с задних машин, стали стрелять из автоматов в темноту.

Наш «ёжик» сработал на славу!

САМОЛЁТ ВРЕЗАЕТСЯ В СОПКУ

В городе только и разговоров, что о «летающей крепости», которая этой ночью врезалась в сопку. Говорят, что это — дело рук разведчиков Народной армии, побывавших ночью на аэродроме. Поговаривают и о том, что на аэродром был сброшен десант и до самого рассвета там не умолкал бой.

Мы ходим по городу и прислушиваемся ко всем этим разговорам; мы-то хорошо знаем, что произошло на аэродроме.

...Снежной декабрьской ночью мы вышли за город и пробрались к американскому аэродрому. Сыпал снег, и крупные хлопья кружились в мощном луче прожектора, расположенного в центре посадочной площадки. Прожектор служил ориентиром для ночных бомбардировщиков. Этот ориентир мы решили уничтожить.

Мы проползли под колючей проволокой, которой был огорожен аэродром. Ползком, в маскировочных халатах, сшитых из простыней, мы пере-

секали лётное поле. До прожектора оставалось метров двести. Возле него, стараясь согреться, приплясывал американский часовой. Мы замерли, припав к земле, а Ким Де Хан, вынув нож, осторожно пополз к часовому.

Мы ждали. Мигнул огромный глаз прожектора — это был условный сигнал. Всё в порядке, можно двигаться дальше.

...Часовой лежал на снегу, лицом вниз, широко раскинув руки. Ким Де Хан, присев на корточки, ощупывал кабель.

— Скорей, Ли Бен! — сказал он. — Нельзя терять ни минуты!

Я скинул с себя куртку и накрыл ею прожектор. Потом на мгновение открыл его и снова закрыл. Так я сделал несколько раз, чтобы у охраны аэродрома создалось впечатление, что перегорела лампа. Ким Пен Пал привычным движением перерубил кабель. Прожектор погас.

...Мы взвалили на плечи тяжёлый прожектор и поспешили выбраться с аэродрома. Только через пятнадцать минут американцы поняли, что произошло. Мы были уже далеко, когда послышались свистки и автоматные очереди. Вскоре воздух наполнился знакомым гулом самолётов, возвращавшихся с бомбёжки. Вдруг раздался резкий треск, и к небу взметнулся столб пламени. Американский самолёт врезался в сопку. Мы узнали на следующий день, что это была «летающая крепость».

СОН КЕН ХАН УМИРАЕТ ГЕРОЕМ

Американцы и лисынмановцы в ярости арестовывали ни в чём не повинных людей, надеясь, что им как-нибудь посчастливится напасть на след участников этой операции. И хотя к тому времени в «Юной гвардии» уже насчитывалось немало новых членов, никто из нас не попался в руки врага. Попрежнему мы продолжали расклеивать листовки, нарушать связь, устанавливать «ёжики» на дороге.

Было у нас теперь и своё оружие. Мы раздобыли его на городском стадионе, где штабелями были сложены ящики с патронами, гранатами и минами.

Однажды мы поручили проникнуть на стадион Сон Кен Хану. Сон Кен Хан не раз участвовал в таких операциях, но всегда он ходил на стадион вместе с товарищами, а теперь он один должен был выполнить это опасное поручение.

Утром Сон Кен Хан явился на заседание штаба с пустыми руками. Он струсил и не выполнил задания.

Это был первый случай, когда приказ организации оказался невыполненным, и мы подошли к нему со всей строгостью нашего боевого устава. Ким Де Хан предложил судить Сон Кен Хана товарищеским судом, исключить его из пионерской организации и вывести из состава штаба.

Тогда Сон Кен Хан, чтобы снять с себя обвинение в трусости, сказал, что он сейчас же, днём, отправится за город и в двух местах перережёт кабель.

Сон Кен благополучно перерезал кабель и благополучно возвратился в город. Но когда он проходил мимо здания американского штаба, он заметил «джип», нагруженный ящиками с патронами.

Кабина шофёра была пуста, вокруг тоже не было ни души, и Сон Кен Хан решил выполнить то, что он не решился сделать вчера.

Он схватил с машины ящик... И тут его заметили. Сон Кен Хан бросился бежать. Но ему не удалось уйти от лисынмановца.

Мы узнали об этом утром, когда лисынмановцы объявили в городе, что им удалось напасть на след подпольной организации. Мы переживали

Я скинул с себя куртку и накрыл ею прожектор.

тревожные дни. Переменяли все явки, на неделю прекратили всякие действия. Но Сон Кен Хан умер под пытками, не сказав ни слова.

ИМЕНЕМ СВОБОДНОЙ КОРЕИ...

Мы отомстили за смерть нашего товарища.

Начальник городской жандармерии, предатель и враг корейского народа Сон Ен Сеп, хвастливо заявил, что он из-под земли достанет сообщников Сон Кен Хана. Много патриотов погибло от рук Сон Ен Сеп. Фамилии тех, кто был казнён по его доносу, этот убийца аккуратно записывал в специальную книгу. На досуге, в кругу друзей, он перечитывал свои записи. В книге Сон Ен Сеп стояла и фамилия Ким Де Ре — брата Ким Де Хана.

На заседании штаба «Юной гвардии» мы заочно судили предателя Сон Ен Сеп.

— Я предлагаю приговорить Сон Ен Сеп к смертной казни, — глухо проговорил Ким Де Хан. — Приговор предлагаю привести в исполнение немедленно.

Четыре руки, не дрогнув, поднялись вверх. Товарищи из подполья утвердили наш приговор. Привести приговор в исполнение штаб поручил Ким Де Хану, Ким Пен Палу и мне.

Мы проследили, когда Сон Ен Сеп возвращается из жандармерии домой. В глухом переулке мы окружили его.

— Ты мечтал напасть на наш след, — сказал Ким Де Хан, — твоя мечта сбылась: мы перед тобой — члены штаба «Юной гвардии». Именем свободной Кореи ты приговорён к смерти, предатель! — И Ким Де Хан выстрелил.

К трупу Сон Ен Сеп мы приколотили записку: «Он расстрелян по приговору справедливого суда народа. Такая же

участь постигнет всех предателей». Рядом мы поставили дощечку с надписью: «Заминировано». До самого вечера, пока из соседнего гарнизона не приехали сапёры, американцы боялись подойти к телу Сон Ен Сеп. За это время нашу записку прочитали почти все жители Анчжу.

Спустя два дня трое жандармов-лисымановцев бежали из города, испугавшись народной мести.

* * *

...Так мы жили, так боролись. Мы мечтали о том дне, когда под ударами Народной армии побегут назад американские захватчики и в город снова возвратится наша родная власть.

И вот пришёл конец американскому владычеству: доблестные народные войска принесли нам свободу.

Когда войска входили в город, все увидели, как высоко в небе, на пожарной каланче, взвилось государственное знамя Корейской республики. Это Ким Пен Пал выполнил приказ штаба.

О делах «Юной гвардии» узнал наш любимый вождь Ким Ир Сен. Мы получили от него приветственное письмо. Все члены штаба были удостоены боевых наград, а нашего храброго командира правительство наградило орденом Государственного знамени второй степени.

Наш город снова свободен, но на корейской земле попрежнему продолжается война. Американские интервенты попрежнему разрушают города, сжигают дотла сёла, убивают мирных жителей.

Но мы верим: никогда захватчикам не удастся поставить на колени народ, который весь поднялся на священную борьбу во имя того, чтобы не было больше войн, чтобы мир наступил на всей земле!

Высоко в небе, на пожарной каланче, взвилось государственное знамя Корейской республики.

Записал

Д. Храбровицкий

КАК МЫ ХОДИЛИ НА ЗАВОД

Однажды наш учитель географии Антон Петрович Скворцов сказал нам:

— Сегодня я выполняю своё обещание: вы пойдёте на экскурсию на вагоноремонтный завод.

Ребята очень обрадовались, но больше всех радовался пионер Гена Разумов. Он очень интересуется техникой — и вдруг идёт на настоящий завод!

Вот мы пришли на завод. С большим интересом проходили ребята между ровными рядами станков. Мы с уважением смотрели на рабочих, стоящих у станков, старались рассмотреть всё подробно и запомнить каждую деталь в станке.

Когда пришли в кузнечный цех, Гена остановился около парового молота и с восхищением смотрел, как сильно бьёт молот. Здесь работало двое: рабочий щипцами клал раскалённый брусок на наковальню, а работница поворачивала рычаг, — и тогда громадный молот с силой опускался вниз.

Гена смотрел, смотрел и вдруг спросил:

— Почему нельзя этот рычаг перенести под наковальню? Тогда один человек

мог бы управлять молотом, а второй перешёл бы на другую работу.

Тут подошли мы все вместе с экскурсоводом, который стал рассказывать нам, как работает молот. Ребята задали несколько вопросов. Задал свой вопрос о переносе рычага и Гена Разумов.

Экскурсовод задумался над этим. А тут подошёл инженер, начальник цеха. Узнав, о чём спросил Гена, он улыбнулся.

— Да, это совершенно правильная мысль! — сказал он. — Перенести рычаг под наковальню вполне можно, и мы уже сами думали об этом. Но сделать это не так уж просто. Вот когда мы произведём расчёты, изготовим детали, тогда здесь вместо двух человек будет работать один.

Вскоре мы узнали из областной газеты, что кузнечный цех вагоноремонтного завода перевыполнил задание, и мы подумали, что на заводе, наверно, уже переделали рычаг.

Владимир Степанищев,

ученик 7-го класса
Суворовского училища. Город Воронеж.

СТРАННАЯ

СЕМЕЙКА

У меня есть кошка, собака и заяц.

Собака принесла щенков, но все они родились мёртвыми, и бедняжка очень тосковала. Она даже перестала есть. Так продолжалось несколько дней.

Однажды, когда я вернулся из школы, собака встретила меня весёлым лаем и

визгом. Войдя в комнату, я увидел, что у кошки четверо котят. Собака прыгнула на диван и стала облизывать их. С тех пор котят кормили и кошка и собака.

Потом у зайчихи появились три хорошеньких зайчонка. Зайчиха почему-то не стала их кормить.

Что делать? Ведь жалко, если они погибнут с голода! Я долго думал, а мама посоветовала выкупать собаку и в той же воде вымыть зайчат и котят. Я и сделал, как мама научила.

После этого собака сама нашла зайчат

и перетаскала их на диван. Теперь у моих котят и зайчат две матери: кошка и собака. Обе их кормят и любят.

Борис Курников,

6-й класс «Г», школа № 15.
Город Иваново.

Скульптуры из глины Игоря Васильева

Летом этого года в Москве была открыта областная выставка детского творчества. Среди многих экспонатов были там и скульптуры Игоря Васильева, ученика 5-го класса 1-й средней тушинской школы. Игорь очень любит русские народные сказки, и это сразу чувствуется в его работах. Посмотрите на эти скульптуры: вы, наверно, узнаете здесь героев «Сказки о рыбаке и рыбке» и «По щучьему веленью».

НАШИ МАЛЕНЬКИЕ ДРУЗЬЯ

Наш отряд шефствует над ученицами первого класса. Там учатся сорок две маленькие девочки. Мы подружились с ними сразу, как только пришли к ним.

С тех пор мы в этом классе бываем каждый день — на большой перемене и после уроков. На перемене играем с девочками, а после уроков приходим зани-

маться с теми, кто плохо читает и пишет. Сначала из нашего отряда к малышам ходило несколько пионеров, а потом захотелось ходить почти всем: ведь заниматься с маленькими очень интересно. Чтобы из-за этого не поссориться, мы разделились на три группы и теперь ходим по очереди. Своих маленьких друзей мы научили играм «Рыбак-рыбачок», «Со-

вушки» и «Мяч — капитану». Мы читаем малышам сказки и поём с ними новые песни.

Сейчас мы готовимся к новогодней ёлке, делаем для своих подшефных ёлочные игрушки.

Люда Горячева, Витася Тукай,
Эля Чикина,
ученицы 6-го класса «А»
446-й школы, Город Москва.

КАК Я ПАС КОРОВ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ

Летом всех наших ребят из шестого и седьмого классов прикрепили к колхозным бригадам, чтобы мы приучались к труду. Все ребята просились в полевые бригады к лошадям и машинам, а я хотел попасть на гидростанцию, потому что очень люблю электричество. Но меня и ещё троих ребят послали к пастухам. Я расстроился: какое же в стаде электричество? Но всё-таки пошёл, а потом не жалел об этом.

В нашем колхозе большое стадо. Для такого стада надо много корма. И колхоз каждый год засекает выгон кормовыми травами.

Пастухи часто говорили между собой о том, как лучше пасти стадо, чтобы коровы не всё пастбище вытаптывали. И однажды комсомолец Леонид Прозоров, в помощники к которому я попал, сказал:

— Я читал в одном журнале, как надо правильно использовать пастбище. Мы это устроим с Виктором.

И вот мы с ним разбили пастбище на участки приблизительно в гектар величиной. Один из них огородили кольями с изоляторами, натянули на них электри-

ческий провод, присоединили его к аккумулятору от мотоцикла и сделали заземление. У нас получился загон, огороженный электрическим проводом с током слабого напряжения.

Коровы в загоне сначала смело подходили к загородке, намереваясь перешагнуть через неё. Но, прикоснувшись к проводу, они сразу отскакивали. Потом они уже не подходили к проводу и спокойно паслись в загоне.

Когда стадо съедало всю траву на одном участке, мы обносили проводом другой. А на первом вскоре снова вырастал сочный молодой клевер.

Каждое утро я проверял, не порвался ли где провод, не опустился ли он на землю, а после этого Геля Бахрушев, Андрей Чемоданов и Геля Антонов пригоняли коров.

Так вчетвером мы и пасли всё лето колхозное стадо. А двадцать три пастуха освободились для другой работы в колхозе.

Виктор Галкин,

Колхоз «Красный Октябрь»,
Вотгальский район, Кировская область.

Елена Богушевская

Рисунки В. Таубера

Польские дети хорошо знают и очень любят Елену Богушевскую, одну из старейших писательниц современной Польши. Конечно, и вы, ребята, горячо полюбите её правдивые, душевные повести и рассказы. Повесть «Красные ужи», которую вы здесь прочитаете, написана ещё до второй мировой войны и показывает тяжёлую жизнь трудящихся в старой, панской Польше. Эта повесть рассказывает о мужественной борьбе польских рабочих за свои права, о классовой солидарности и помощи, которую рабочие оказывали друг другу в тяжёлые дни безработицы, в дни забастовки.

ПОТУХШИЕ ПЛАВИЛЬНЫЕ ПЕЧИ

Мать сидела на краешке кровати и смотрела куда-то в угол.

— Не хочется отправлять ребёнка так далеко. Очень не хочется...

— Ну что ж! Если ребёнку там будет лучше... — сурово сказал отец и пожал плечами. — Мне тоже не хочется, — добавил он помягче. — Но как только подумаю, что неизвестно, сколько ещё всё это продлится... — Он мрачно смотрел в окно, как будто видел там опустевший завод и потухшие плавильные печи.

— Вы можете быть совершенно спокойны: Владке там будет очень хорошо, — сказала представительница комитета. — А как только кончится забастовка, она вернётся... И даже раньше, если вы захотите.

— Я и не беспокоюсь, что ей будет плохо: если рабочая семья берёт ребёнка, чтобы помочь бастующим, то уж его там не обидят. Об этом я не беспокоюсь, — медленно говорила ма-

ма, — мне просто тяжело отпускать Владзю так далеко. Но пусть будет так. Раз комитет хочет нам помочь, пусть едет...

Мама была такая грустная, что Владка не знала, радоваться ли ей тому, что она отправляется в далёкое путешествие. Она растерянно смотрела то на маму, то на представительницу комитета, пока мама не сказала уже своим обычным, решительным тоном:

— Беги, Владка, к тётке, скажи, что я прошу её прийти помочь нам собрать тебя в дорогу.

Владка помчалась через грязный двор, вдоль заборов, вдоль стен затихшего, бездействующего завода. Запыхавшись, пробежала она по ещё одному грязному двору, по кривым ступенькам, по тёмному коридору, распахнула дверь и, забыв даже поздороваться, закричала:

— Тётя! Мама просит вас прийти к нам, помочь ей: у неё очень много работы, я еду в город Лодзь!

— Что ты говоришь! — тётя вытерла фартуком руки — она занималась уборкой, когда пришла Владка, — и сразу же принялась искать свой большой чёрный клетчатый платок. — Что ты говоришь? Значит, мама всё же согласилась? Ей ведь не хотелось отпускать тебя так далеко...

— Она говорила об этом с отцом и с представительницей комитета. — Владка почувствовала себя вдруг важной особой: вокруг неё велось столько разговоров. — Я расскажу вам всё по дороге, пойдёте скорей, пойдёте! — Владка не могла усидеть на месте, ей было весело: она отправляется в такое далёкое путешествие!

Дома всё время, пока мама с тётей стирали, штопали, чинили бельё, они только и говорили о том, что надо Владку получше снарядить в дорогу, пусть в Лодзи не думают, что металлурги живут по-нищенски. Владка на самом деле стала «важной особой» в доме: все говорили о ней, всё делалось для неё.

Но вот уже синее платье, вычищенное, выглаженное, как новое, висит на спинке стула, тут же два белых воротничка, две пары заштопанных чулок и одна новая, две сорочки, два полотенца...

Наступил вечер, последний вечер дома. Владка лежала, как всегда, на маминной кровати у стены.

— Спи, Владзя, спи, надо выспаться перед дорогой...

Владка зажмуривает глаза и видит сквозь ресницы маму и тётю; они рассматривают старый тёмнокрасный свитер и обсуждают, как

переделать его для Владзи. И так, с образом мамы перед глазами, она засыпает. Но вдруг просыпается, вся содрогаясь. Очевидно, спала она всего несколько минут, потому что мама с тётёй всё ещё разглядывают свитер, подняв его высоко, к лампе. Владка вспоминает, что завтра она будет уже далеко от мамы, и плачет, как маленькая.

Мама наклоняется над ней, утешает её:

— Не плачь, Владзя. Увидишь, как тебе будет хорошо. Ты будешь играть с детьми, ведь у них двое детей, у Станьчаков!

И Владка удивляется, что до сих пор не спросила, к кому она едет. Так, значит, к Станьчакам? И у них двое детей? Ах, её теперь ничто не интересует, кроме того, что там не будет мамы... И она плачет ещё сильнее.

Мама знает, как утешить дочку.

— Забастовка скоро кончится, — говорит она, — и мы сразу же напишем, чтобы ты возвращалась домой.

Понемножку Владка успокаивается и засыпает.

Но на следующий день утром на вокзале она снова не могла сдержать слёз. Да и другие дети плакали, хотя раньше радовались поездке так же, как Владка. Наступила минута, о которой они раньше не думали: поезд тронулся, они уезжают, а родители остаются и должны будут вернуться в опустевшие квартиры. Забастовка продолжается, в плавильных печах нет огня. И, чтобы ещё раз увидеть эти потухшие печи, дети металлургов, всё ещё всхлипывая, столпились у окон увозящего их поезда.

В ГОРОДЕ ЛОДЗИ

Как только у Станьчаков начались разговоры о забастовке металлургов и о том, что надо бы взять на это время к себе кого-нибудь из ребят бастующих, Сабина решила, что должна приехать девочка. Ей казалось, что девочка будет похожа на Метю, её младшую сестру, которая вот уже скоро два года, как умерла от scarlatины. Сабина с Метей были очень дружны, — они всюду ходили вместе, вместе учились, вместе играли в куклы. У них был общий пенал с ключиком. Из-за этого-то ключика, который они носили по очереди на тесёмке, и произошла у них ссора. Метя потеряла этот ключик, потому он нашёлся. Но если бы Сабина знала, что её сестра умрёт от scarlatины, она никогда не ссорилась бы с ней, даже если бы ключик совсем пропал! И теперь ещё, когда она смотрит на этот ключик, спрятанный на дне деревянной шкатулки, она не может удержаться от слёз...

Сабина решила, что неизвестная девочка, дочь бастующего металлурга, должна быть похожа на её сестру, на Метю, что она будет играть с ней в куклы, как с Метей. С Адамом нельзя было играть: он постоянно что-нибудь мастерил. Зато мебель для кукол он делал замечательно...

Так размышляла Сабина в тот день, когда отец её должен был окончательно договориться в комитете о ребёнке. Она едва дождалась конца уроков: боялась, что не успеет домой до того, как отец ляжет спать после работы. Но когда она влетела, чуть дыша — до дому было довольно далеко, — все сидели за столом, обе-

дали и говорили как раз о том, что вечером к ним приедет Владзя Марковская и что надо кому-нибудь пойти за ней в комитет.

— Я посплю до семи, а потом пойду, — сказал отец.

Но мама не согласилась:

— Ты и вчера спал всего каких-нибудь три часа. Так никого надолго не хватит. Я сама пошла бы, да дома ещё много дела: надо принести от тётки кровати, переставить мебель, чтобы и в этой тесноте у Владзи оказался свой уголок; пусть девочка не чувствует себя у нас, как у чужих.

— Может, мне пойти? — предложила Сабина.

Но мама решила, что за Владзей пойдёт Адам, а Сабина поможет дома подготовить всё к приходу Владзи. Отец, прежде чем ляжет спать, подвинет шкаф поближе к водопроводу. Сабина отгородит освободившийся уголок занавеской и натрёт пол, а Адам, конечно, успеет перед уходом принести кровать.

— Хорошо, — сказал Адам баском и попросил ещё щей.

Адам держался, как взрослый, говорил, как взрослый, хотя ему было всего тринадцать лет. У него были серьёзные голубые глаза, детское лицо и большие сильные руки. «Как у настоящего рабочего», — с гордостью говорил он о них.

— Хорошо, — повторил Адам покорно. — Жаль только, что это не мальчик.

Сабина опять заволновалась:

— К нам приедет девочка? Да, мама, наверно девочка?

А отец рассмеялся своим обычным смехом, от которого всем становилось весело.

— Не бойся, Адаму не удастся обменять по дороге девочку на мальчика, как бы ему этого ни хотелось. А почему тебе хочется, чтобы это был мальчик? — спросил он у Адама. — Что Сабина ждёт девочку, это мне понятно. — Отец, повидимому, подумал о Мете, да и все о ней подумали, и мама сразу сделала грустной.

— Мальчик рассказал бы мне толком о том, что делают на металлургических заводах, — сказал Адам, — а девочка, я уверен, ничего не знает о машинах...

Отец улыбнулся. Его радовало, что Адам интересуется машинами. Отец и сын посмотрели друг на друга, и Сабина впервые заметила, как похожи они, оба большие, голубоглазые. Она подумала, что они и улыбаются одинаково. Но тут мама прикрикнула на Сабину:

— Что ж ты стоишь? Пора приниматься за работу!

И Сабина стала натирать пастой пол там, где раньше стоял шкаф.

Закончив всё, они остановились с матерью посредине комнаты и огляделись. Комната была тесная, вся заставлена мебелью: шкаф, стол, две большие кровати, кухонный стол у печки, столик для швейной машины у окна, железная печка с трубой... Плетёная кроватка выделялась среди старой, тёмной мебели светлым пятном, и вообще весь «владзин уголок» казался таким весёлым!

— Интересно, понравится ли здесь Владзе? По-моему, должно понравиться; вот и пеларгония на окне зацвела, будто нарочно для неё, правда, мама?

— Правда, дочка!

Сабина переставляет горшок на окне, легонько касается круглых зелёных листьев с темно-

ватой серединой, поглядывает на постель, не видит ли отец, как они всё хорошо устроили. Но отец спит так, что ни разговоры, ни перестановка мебели не могут разбудить его. И Сабина принимается за своих шитых из тряпок кукол. Их пришлось засунуть под плетёную кровать, потому что другого места не осталось. Но это пустяки: зато Сабина теперь будет играть в куклы с Владзей. Девочка уселась на полу и стала расставлять коляску, комод из спичечных коробок, сделанный Адамом, коробки с кукольными платьями.

А мама села за машинку. У неё сегодня ещё много работы: надо починить груды белья, иначе нечего будет переодеть в воскресенье. И всё же она не так спешила, как владзина мама в прошлую ночь там, далеко отсюда! Усталая от работы на фабрике и от всех домашних дел, мать Сабины опустила руки на колени и, отдыхая, смотрела на дочку: её большая Сабина, ученица третьего класса, забавлялась, как маленький ребёнок. Она складывала какие-то тряпочки, долго вертела каждую вещь в руках, раздумывая, что отложить в сторону, а что под кровать.

— Что это ты откладываешь? — спросила её мама.

— Это ничего, мама, это мои образцы, — ответила Сабина и смутилась, так как поняла, что мать давно уже смотрит на неё.

ЖЕЛЕЗНЫЙ СЛОНИК

Всё быстрее вертелись колёса поезда, всё быстрее убегали за окнами вагона белые, занесённые снегом поля с рыжими заплатами уже проглянувшей кое-где голой земли. Погасшие пламенные печи скрылись из виду. Слёзы уже высохли на щеках ребят, а глаза, ещё так недавно заплаканные, с любопытством оглядывали всё вокруг.

Вскоре между ними завязался разговор.

— Откуда ты? Из какой школы?

— А где работает твой папа?

— А у тебя много вещей?

— У меня? Деревянный сундучок и корзину. А у тебя?

— У меня чемоданчик, — хвастается кто-то.

— У меня две смены белья, — рассказывает Владке девочка, её соседка. — Платье, которое на мне, вязаная кофточка и ещё одно праздничное платье. А у тебя?

— У меня то же самое. И два полотенца. И розовый зубной порошок. И новая зубная щётка с красной ручкой.

— А у меня белый порошок, и щётка тоже белая, и гребешок белый.

— А ещё тётя мне подарила брошку для воротничка, — добавляет Владка, показывая что-то крохотное, завернутое в бумажку.

— Покажи, покажи! — протягиваются руки. — Почему же ты не убрала её вместе со всеми вещами и держишь в руке?

— Тётя дала мне её только на вокзале. Она хотела сделать сюрприз.

Маленький тёмный железный слоник кочует из рук в руки. Он всем нравится, и каждому хочется подержать его. Владка смотрит с гордостью и с некоторым беспокойством. Она сразу полюбила этого слоника, он кажется ей необыкновенным, таинственным, она уверена,

что с тем, у кого этот слоник, ничего плохого не может случиться даже на краю света, даже в чужом городе, в Лодзи, далеко от мамы. Владка любит такие вещи, раньше она постоянно носила в кармане зелёное стёклышко, похожее на сердечко, и никогда с ним не расставалась. Но слоник, конечно, лучше. И Владка с беспокойством смотрит, как далеко ушёл её слоник: он теперь в самом конце вагона. Он и в самом деле всем нравится, но Владка предпочла бы, чтоб он нравился меньше: вот уж какой-то мальчик говорит, что ему хочется иметь такого слона и что он его Владке не отдаст, — он даже приколот его к куртке.

Владка знает, что это шутка, но всё же облегчённо вздыхает, когда слоник возвращается к ней.

Рассмотрев слоника, дети занялись едой. Интересно, что кому дали на дорогу. Ребята выкладывают все свои запасы, угощают друг друга. А запасы у них такие, словно они едут в бог весть какое далёкое путешествие. Одной девочке дали в дорогу даже апельсин! Зато какими скудными будут обеды дома после их отъезда! Наверно, один картофель... Дети знают это, и многим из них становится грустно.

Но могут ли дети долго грустить, когда перед ними столько нового, интересного и они едут далеко, одни, как взрослые, с собственным багажом!

Девочки собрались в одном отделении, познакомились друг с другом, рассказали, где кто живёт, и какая у них семья, и кто в какой школе учится, и у кого они будут теперь жить. Почти все довольны, что едут в Лодзь и увидят много нового. Потом разговор перешёл на путешествие вообще. А когда и эта тема была исчерпана, решили спеть хором. Девочки долго стеснялись, уговаривали друг друга, спрашивали: «А это ты знаешь?» — и тихонько мурлыкали песенку, но когда замечали, что другие прислушиваются, умолкали... Наконец они всё же договорились и запели, сначала робко, затем всё громче:

Возле брода-перевоза

Стынет речка от мороза.

Не течёт — стоит без шума.

Лишь полна такую думой:

Где весна её?

Где зори?

Где её дорога

В море?

А потом всем взгрустнулось, и кто-то предложил снова поесть всем вместе, а апельсин разделить на столько частей, сколько в отделении девочек. Но тут пришёл мальчик из другого отделения, пошептался с одной девочкой, и сразу стало известно, что у маленького Яся совсем нет еды, что дома у них очень плохо, мать больна и некому было собрать Яся в дорогу. Но на то они и девочки: засуетились, захопотали — и вот уже для Яся готов целый пакет провизии: три булки, колбаса, яйцо... И апельсин они отдали ему, потому что он самый маленький, потому что у него мама больна и он дома натерпелся вдоволь горя. Как хорошо, что апельсин ещё не успели съесть! Оказалось, что у Яся большие дыры на пятках, что куртка его протёрта на локтях и ра-

зорвана возле карманов: ничего удивительного, если мать уже третью неделю лежит больная! Но разве дети металлургов могут показаться чужим людям в таком виде?! И вот Ясь сидит на скамейке, поджав ноги, укутанный в чьё-то пальто, а девочки шьют, и штопают, да ещё вдобавок рассказывают сказки, чтобы Ясю не было скучно...

На поля за окнами уже легли вечерние сумерки.

— Скажите, пожалуйста, скоро ли будет Лодзь? — всё чаще спрашивают дети у представительницы комитета.

Маленький Ясь, в заштопанных чулках и починенной куртке, наевшись досыта, дремлет, прислонившись к одной из старших девочек. В руке у него апельсин: Ясю жалко было есть его; лучше уж он привезёт апельсин тем детям, к которым едет.

— Вот что, — сказала представительница комитета, — чтобы время прошло быстрее, пусть кто-нибудь прочтёт стихи, хорошие стихи.

Мальчик чуть побольше Яся, взобравшись на скамью, стал читать медленно, с выражением:

Да, все говорят нам, что мы ещё дети, —
Ну, что же, немного мы прожили лет.
Но мы уже знаем, что зло есть на свете,
Что труд нас ведёт по дороге побед,
Что мы для того появились на свет,
Чтобы жизнь перестроить на нашей планете...

За окном было уже совсем темно. В соседнем отделении тоже стали читать стихи, и девочки столпились в проходе, чтобы послушать.

Мальчик стоял у окна и читал солидным детским баском:

Мы видим, как много богатства кругом,
Но знаем, что создано это трудом,
Что создано нашими это отцами,
Что каждое здание, фабрика, дом
Воздвигнуты их трудовыми руками,
Что хлеб и железо, машины и сталь,
Мосты, по которым вагоны грохочут,
И аэропланы, летящие вдалёк,
Создал простой, как отец наш, рабочий...

Владка слушала с гордостью и с восхищением. Она победила в своём отделении, достала карандаш и бумагу и попросила мальчика, чтобы он продиктовал ей стихотворение. Мальчик стал диктовать Владке, наклонившись к самому её уху, так как в вагоне было сейчас очень шумно: вначале все стеснялись, а теперь каждый читал, что знал. Шум стоял невообразимый... И все были очень удивлены, когда представительница комитета сказала, что пора собираться, так как они подъезжают к Лодзи.

ОБРАЗЦЫ

Комната была большая. Вдоль стен стояли скамейки. Когда дети с металлургического завода вошли в эту комнату, там было уже много людей, ожидавших их. Детей быстро разбирали. Ежеминутно раскрывались двери, входили всё новые и новые люди и вводили ещё кого-нибудь из детей. И каждый раз Владка чуть не умирала от страха: наверно, это за ней пришли, а через минуту она волновалась сно-

И вот Ясь сидит на скамейке, поджав ноги, укутанный в чьё-то пальто.

ва: а вдруг за ней вообще никто не придёт? Ах, зачем, зачем она уехала из дому!

Опять раскрылась дверь, но отчаявшаяся Владка уже никого не ждала, а мальчик, который вошёл, не взглянув даже на неё, подошёл к человеку, сидевшему за письменным столом, поздоровался и спросил, кто здесь Марковская Владислава. Может ли отчаяние так быстро смениться любопытством?! Человек за письменным столом посмотрел в бумаги и спросил у мальчика, как его фамилия.

— Адам Станьчак. Радванская, 82.

— А как зовут отца?

— Мечислав Станьчак. Работает у Шрайбнера.

Человек встал из-за письменного стола, взял Владку за руку и подвёл её к мальчику. Теперь они стояли друг против друга, Владка и Адам Станьчак, и не знали, что сказать. Они пожали друг другу руки. Адам спросил, есть ли у неё какие-нибудь вещи. Владка смутилась и указала на свою картонку, перевязанную верёвкой. Адам подхватил её легко, будто она ничего не весила, и они пошли к выходу.

На улице было светло. Грохотали трамваи.

— Ты первый раз в Лодзь? — спросил Адам только для того, чтобы что-нибудь сказать. И добавил, что она, наверно, устала с дороги. Но Владка ответила, что ничуть не устала. Всё, всё отдала бы она в эту минуту за то, чтобы очутиться дома и хоть на мгновение увидеть маму или по крайней мере тётю. Она засунула руку под пальто и прикоснулась к железному слонику. Слово сквозь сон слышала она вопросы Адама.

— А там, где ты живёшь, большой город? Трамваи есть?

Они шли теперь по тихой и узкой улице.

— В Катовицах есть трамваи, но я живу при заводе.

Они шли теперь по тихой и узкой улице, зажатой между двумя высокими фабричными стенами с большими, ярко освещёнными окнами.

— Работают? — удивилась Владка.

— В две смены, а некоторые фабрики — даже в три смены. Мой отец работает в третьей. А твой?

— Мой отец теперь совсем не работает, потому что забастовка, — грустно ответила Владка.

И Адам рассердился на себя, как мог он задать этот вопрос!

— Здесь работает моя мама, — сказал он, когда они проходили мимо больших фабричных ворот. Владка, сама не зная почему, внимательно огляделась по сторонам и спросила, далеко ли ещё.

Нет, было уже недалеко. Они свернули во

двор, поднялись на тёмную лестницу. Адам быстро шёл по коридору, Владка едва поспевала за ним.

— Здесь, сейчас направо, — сказал Адам, но не успели они дойти, как двери раскрылись и свет ударил им в лицо. Владка вошла ошеломлённая, почти ничего не видя в первую минуту.

— Здравствуй, Владка! Долго пришлось тебе ждать его? — спросила мать Адама. Она сразу понравилась Владке, лицо у неё было милое и молодое, но бледное и утомлённое.

— Нет, не долго, только одну минуточку, — вежливо ответила Владка и вдруг услышала храп и увидела, что на большой кровати кто-то спит.

— А Сабинка не могла уже вас дожидаться. Ну, Сабинка...

Сабинка подошла. Она, как и Адам, очень удивилась, что Владка такая маленькая и такая худая. Девочки протянули друг другу руки,

смущённо поцеловались, не зная, что сказать. Но тут храп прекратился, и весёлый голос сказал:

— Ага, уже приехала, уже приехала наша маленькая гостья!

Владка сразу узнала, что это отец Адама: так похожи они были друг на друга... И вдруг она вспомнила.

— Мои родители кланяются вам, шлют сердечный привет и очень благодарят за то, что вы были так добры и взяли меня к себе на время забастовки, — произнесла Владка, как по-писанному.

А ночью, когда все спали, Владка долго плакала на своей белоснежной постельке.

Утром её разбудили чьи-то голоса. Кто-то рассказывал, что какое-то суровьё сгорело в палилке. Какое суровьё? В какой палилке? Пожар был, что ли, испугалась Владка. Может быть, она ещё спит?

Нет, не спит. Это Адам с отцом сидят за столом, пьют кофе и разговаривают. Сабина молча складывает книги, готовит завтрак и то и дело поглядывает на плетёную кровать. Владка закрывает глаза — она спит.

После ухода детей Станьчак, весело насвистывая, принимается за уборку комнаты, стелет кровать и вообще занимается «маминой» работой: чистит картошку, приносит уголь, растапливает печь. Когда Владка встала, он налил ей ржаного кофе, положил перед ней хлеб с салом.

— Если заскучаешь, — говорит он, — потерпи немного, вернутся дети из школы — и тебе станет веселей.

Вскоре приходит с фабрики Станьчакова. Она очень устала, у неё не клеилась сегодня работа, говорит она, всё время рвались нитки, потому что основа была плохая. Что это за основа? Владка ничего не понимает. Потом приходят дети, но Владке не становится легче: они говорят о школе, о каких-то своих делах, которых Владка не знает. Все добры, и все хорошо относятся к Владке, но она чувствует себя чужой. У каждого своя работа, каждый уходит, возвращается, а она сидит — и больше ничего.

Станьчакова погладила Владку по голове, она, конечно, понимает владкино состояние, но она приходит с фабрики такая усталая и дома её ждёт так много работы! Сабина всё время поглядывает на Владку, словно хочет сказать ей что-то, но ничего не говорит, и получается, будто она её дразнит.

— Мама, — шепчет она, — мама, она совсем не похожа на Метю!

— Молчи, — говорит мама, но Владка чувствует, что речь идёт о ней, она не знает, кто эта Метя, и ей снова становится как-то не по себе, словно она виновата, что непохожа на какую-то Метю.

Но тут раздаётся весёлый голос Станьчака: — А ну, Владка, не падать духом!

Адам рассмеялся, Владка смутилась, а Станьчак сказал, что надо будет придумать с понедельника для Владки какое-нибудь занятие, чтобы ей не было скучно.

Но к понедельнику всё изменилось, всё уже было по-другому, и Владка перестала скучать. А произошло вот что.

В воскресенье Владка вынула из своей картонки синее платье и белый пикейный воротничок заколола его своей брошкой-слоником —

и настроение её немного поднялось, потому что слоник всем понравился. После обеда Станьчак отправился на «массовку» в свой профсоюз, а Станьчакова пригласила отдохнуть. Адам читал взятую в библиотеке книгу. Сабина потащила Владку в угол между плетёной кроватью и шкафом, показала ей кукол, коляску, кукольный шкаф и комод. Но игра не клеилась: Владке снова взгрустнулось, потому что в воскресный день ещё сильнее одолевают мысли о доме; она рассматривала игрушки без всякого интереса, и у Сабины пропала охота играть с ней. Вдруг Владка заметила под кроватью что-то тёмное и равнодушно протянула руку.

— Что это? — спросила она.

— Это? Это образцы тканей, — так же равнодушно ответила Сабина и подумала при этом, что Владка ничуть не похожа на Метю и что играть с ней неинтересно.

Но Владка держала уже образцы в руках, и её потускневшие глаза сразу засияли, едва она глянула на эти цветы, красные, оранжевые, жёлтые, на эти узоры, синие с зелёным, на эти голубые треугольники и листья, на лиловые колокольчики на чёрном фоне... Образцы? Так это называется образцы, эта волшебная вещь, этот альбомчик с наклеенными на серые картонки цветами, всеми цветами, какие только расцветали когда-нибудь на ситце, батисте или миткале?

— Образцы! — прошептала восхищённая Владка, а Сабина смотрела на неё с удивлением. Она никогда не видела её такой.

— Где же делают такие альбомчики? — спросила Владка.

— Как где? — ещё больше удивилась Сабина. — Конечно, на фабрике. Ты разве не знаешь, что в Лодзи много текстильных фабрик? Моя мама работает на фабрике в ткацкой, а папа — в набивной, и дедушка работал, пока не умер, и бабушка до сих пор работает «на промывке», и тётя тоже. И я буду работать и Адам, — перечисляла она. — Разве ты не знала этого? А когда товар уже готов, от него отрезают маленькие лоскутки, наклеивают на картон и посылают покупателям, чтобы они могли выбрать то, что им понравится...

— Где же делают такие альбомчики? — спросила Владка.

Знала ли Владка всё это? По всей вероятности, знала. Разве она не слышала, что в Лодзи много фабрик? Разве она не слышала, как о материях говорили, что они «лодзинские»? Но только теперь она поняла, что её синее праздничное платье, и то, другое, красное в чёрный горошек, и мамино в жёлтых узорах на чёрном фоне — всё это делается там, откуда пани Станьчак возвращается утром, а пани Станьчакова к обеду...

Она не заметила, что Адам уже не читает книгу, а стоит возле них, заложив руки в карманы, важный, радостный, гордый.

И теперь только развязались у детей языки: они начали рассказывать, перескакивая с одного на другое, о том, как на фабрику привозят тюки хлопка, похожего на грязную вату, понимаешь? А потом в прядильной из него скручивают длинные валики, сначала толстые, понимаешь? Потом их вытягивают на разных машинах и наматывают на шпульки. Валики делаются всё тоньше и тоньше и, наконец, превращаются в нитки.

Адам вынул из своего ящика одну такую шпульку, похожую на картонную трубку, и показал её Владке. Отличная вещь для игры.

— А потом из ниток делают основу, понимаешь? Основа поднимается, уток опускается, вот так. А потом основа опускается, а уток поднимается, вот так, понимаешь?

Нет, теперь Владка уже совсем ничего не понимает. Всё перепуталось у неё в голове. Но Адам продолжал с азартом: он показывал Владке, как вертятся шпульки в прядильной, как бегают челнок в ткацкой, между основой и утком... Наконец, Сабина остановила его:

— Оставь Владку в покое, у неё всё перепуталось в голове... А наша мама работает в ткацкой! — закричала она вдруг, но тут же зажала рукой рот и испуганно поглядела на кровать, не разбудила ли она маму, такую уставшую после тяжёлой недельной работы.

Станьчакова и в самом деле открыла глаза и ласково сказала дочке:

— Подложки-ка, Сабинка, дров в печку и подогрей кофе...

Сделав то, что велела мама, Сабина попросила Владку рассказать им о металлургическом заводе и о том, как работает её папа. Но Владка растерялась, она так мало знала о заводе.

— Я лучше прочту вам стихотворение, которое я выучила в вагоне. Это очень хорошие стихи, в них говорится и о моём отце.

Девочка встала посреди комнаты и начала читать стихи, как тот мальчик в вагоне, медленно и торжественно:

Мы в будние дни с ним встречаемся редко,
Придёт, наспех с матерью поговорит,
Расспросит про наши уроки, отметки
И снова к машине своей побежит.

Скрипнули двери. Вошёл Станьчак и тихонько уселся возле печки.

— Читай дальше, Владка! — прошептал он. И Владка продолжала с бьющимся сердцем:

Но в праздничный день всё совсем по-иному,
Он с нами подолгу сидит за столом,
Он часто смеётся, с ним заодно мы,
И весело нам с нашим добрым отцом.
Когда ж он гулять отправляется с нами,
Мы видим, как много богатства кругом,

Но знаем, что создано это трудом,
Что создано нашими это отцами,
Что каждое здание, фабрика, дом
Воздвигнуты их трудовыми руками,
Что хлеб и железо, машины и сталь,
Мосты, по которым вагоны грохочут,
И аэропланы, летящие вдаль,
Создал простой, как отец наш, рабочий...

Владка замолчала, и все молчали.

В этот вечер, ложась спать, Адам подумал, не лучше ли ему стать металлургом, а не текстильщиком.

ПИСЬМО

Дома было тихо, спокойно. Адам и Сабина ушли готовить уроки. Станьчакова отправилась за покупками, а Станьчак спал после ночной работы. Владка расстелила на столе газету, положила на неё бумагу, обмакнула перо.

Ей так много надо рассказать своим. Почему же она так долго раздумывает над каждым словом? Как лучше написать: «Дорогие родители» или «Дорогая мамочка и дорогой папочка»?..

Подумав, она написала:

«Дорогие родители! В первых строках моего письма сообщаю вам, что ехала я хорошо. Всё время смотрела в окно. А потом мы все читали стихи и пели хором. И время прошло быстро. А провизии, которую вы мне дали, хватило на всю дорогу, даже ещё осталось. Я угощала других детей, и они угощали меня. Спасибо тебе, мамуся. Сейчас так трудно, а ты мне столько всего приготовила... Когда мы приехали в Лодзь, за мной пришёл в комитет Адам. Первое время я очень скучала, а теперь уже не так скучаю, потому что... — Владка задумалась. Почему? И, поразмыслив, продолжала: — Потому что я теперь занята. Хожу в лавку за покупками и помогаю пану Станьчаку по хозяйству. А пани Станьчакова уходит на работу в пять утра...»

Теперь уже Владка писала без остановки.

«Для меня была приготовлена плетёная кроватка. По воскресеньям её застилают зелёным с золотыми узорами покрывалом. Я в воскресенье надела синее платье и белый воротничок и брошку со слоником. Брошка всем очень нравится. Мы играем с Сабинкой...»

— Владзя, ты чем пишешь: языком или пером? — раздался весёлый голос.

Владзя смутилась и спрятала язык, а потом рассмеялась: этот пан Станьчак всегда что-нибудь смешное скажет. А он встал с кровати, потянулся и продолжал весело:

— Родителям пишешь? Передай им большой привет от меня, от старого текстильщика. И моё пожелание, чтобы у них всё окончилось благополучно.

Перо ещё быстрее забегало по бумаге. Владка старательно повторяла слова:

«Все меня любят. Пан Станьчак только что проснулся и просит передать вам большой привет от старого текстильщика. И пожелание...»

Тут вернулась Станьчакова из магазина. Она присела, усталая, у стола:

— Поклонись хорошенько, Владзя, от меня родителям и напиши, что мы благодарим их за то, что они доверили нам тебя на время забавы.

КОРЗИНА С ЗАВТРАКОМ

Что это? Владка глядит испуганными глазами в темноту.

— Спи, Владка, спи, — слышит она тихий шопот Станьчаковой.

Ах, значит это будильник разбудил Владку! Ведь пани Станьчакова говорила вчера, что у неё много работы и что ей нужно встать пораньше. Сколько раз собиралась Владка встать вместе с ней, разогреть кофе, приготовить ей завтрак! Но ни разу ещё Владка не могла проснуться так рано. А сейчас она обязательно встанет. Полежит ещё немножко, одну минутку, и встанет.

— Который час? — спрашивает Владка у Станьчаковой.

— Ещё рано, половина четвёртого, спи, спи!..

Владка смотрит на Станьчакову полузакрытыми глазами. Какая бледная сегодня пани Станьчакова! Она суетится у плиты, наклоняется над корыттом с бельём, а потом рассматривает у лампы рукав рубашки Адама... Кто это разглядывал так же у лампы рукав красной кофточки? Мама! Как давно это было! Владка закрывает глаза, думает о маме, о доме и снова засыпает...

Когда Владка проснулась, Станьчаковой уже не было дома. Владка снова проспала и не приготовила завтрака! Она смотрит на будильник, стоящий на шкафу, — половина шестого. А что это на столе? Корзинка. Это пани Станьчакова забыла свой завтрак и будет теперь работать голодная.

Владка неслышно вскакивает и, не спуская глаз со спящей Сабины, быстро одевается. Только бы не разбудить никого! Адам спит крепко, как убитый, а Сабина чуткая. Владка надевает пальто, шапочку. Берёт корзинку со стола, проверяет, всё ли в ней лежит. Ботинки она наденет у дверей, потому что они скрипят... Девочка, пятясь, выходит в коридор и осторожно прикрывает за собой дверь.

Потом Владка начинает соображать: пани Станьчакова работает на фабрике, мимо которой они проходили с Адамом в день приезда Владки. Адам сказал: «Здесь работает моя мама». Владка внимательно посмотрела тогда на ворота, но теперь она не помнит, какой это номер: двести семьдесят шесть или сто семьдесят шесть?

И всё-таки Владка нашла этот дом. Вот она стоит перед запёртыми воротами, на которых написано: «Посторонним вход воспрещается». Да, это те самые ворота. Но что же ей делать? Если она позвонит, то сторож всё равно её не впустит да, пожалуй, ещё накричит на неё. Детей на фабрику не пускают.

В это время к воротам подъехали огромные телеги. На них лежали тюки в толстой коричневой бумаге. Телеги въехали в ворота. Одна из них застревает в воротах. Все заняты телегой, и никто, конечно, не обращает внимания на Владку. Хорошо, что она такая маленькая и худая. Она прошмыгнула, как мышка, на фабричный двор. Во дворе, окружённом красными кирпичными зданиями, множество людей, но все они торопятся, все заняты.

Вот навстречу идёт какая-то женщина с корзиной в руках.

— Что ты здесь делаешь, девочка? — обрати-

лась она к Владке. — Детям сюда входить нельзя!

Владка объяснила, что она принесла пани Станьчаковой завтрак, который та забыла дома.

— А где эта Станьчакова работает? Здесь много Станьчаковых.

Владка неуверенно ответила, что в ткацкой.

— Ткацкая вот здесь, напротив, — сказала старая женщина, поставив корзину на пол. — Пооди, девочка, туда, в ткацкую, может быть, кто-нибудь передаст завтрак Станьчаковой. Только не входи в цех...

Женщина взяла корзину и, пройдя несколько шагов, открыла какие-то двери. Владка успела рассмотреть длинный ряд женщин, сидящих друг против друга и разделённых какой-то рамой. Откуда-то доносился однообразный глухой шум.

— Чего же ты стоишь? Иди! — строго сказала та же женщина. Она вышла уже с новой корзиной. — Иди же!

Владка не стала больше медлить. Она прошла по какому-то коридору, где были установлены в ряд огромные шпульки, побольше, пожалуй, чем она сама, и остановилась у больших раскрытых дверей, оглушённая однообразным непрерывным шумом. Только потом она разглядела два ряда станков, между которыми двигались работницы. Владка не решалась идти дальше и стояла у дверей, рассматривая ближайший станок. Что-то с однообразным жужжаньем поднималось вверх, а что-то другое опускалось вниз, и между ними бегало, как безумное, что-то третье... «Основа поднимается, уток опускается», уток поднимается, основа опускается». Наверно, об этом рассказывал Адам. А сейчас, верно, что-то оборвалось; пожилая женщина, та, что ближе всех к Владке, ловит оборвавшуюся нитку и завязывает её.

Вдруг перед девочкой вырос какой-то старик; он говорит ей что-то, но Владка ничего не слышит. Она видит, что он сердится на неё. Владка протягивает старику злосчастную корзинку с завтраком и пытается объяснить что-то, но старик не слышит её. Так стоят они друг против друга: сердитый старик и маленькая худенькая Владка с испуганными глазами. Заметив её испуг, старик улыбается, наклоняется к ней, и Владка кричит ему прямо в ухо, едва ворочая одеревенелым языком, что это завтрак Станьчаковой. Старик удивляется, но всё-таки берёт корзинку и, махнув Владке рукой, чтобы она скорее уходила, идёт меж станков.

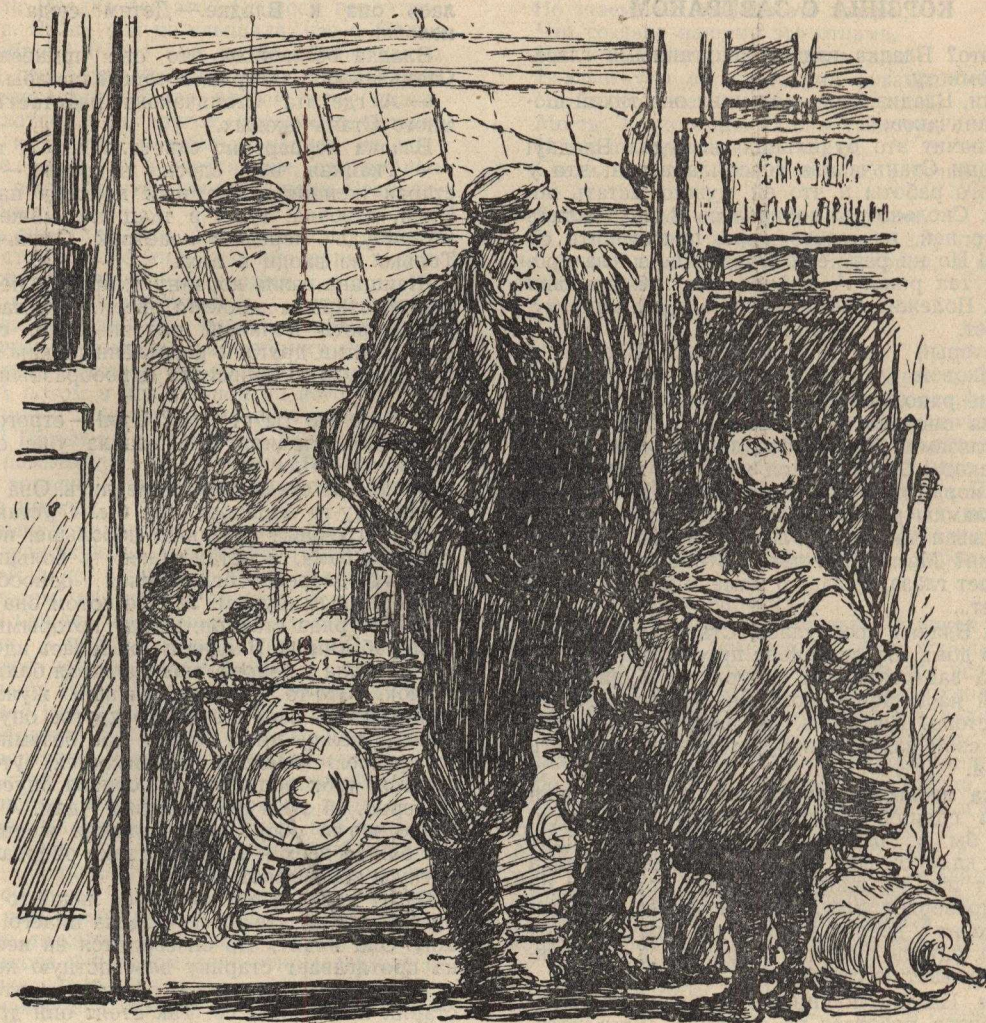
Владка в одно мгновение очутилась во дворе. Как хорошо, что телеги ещё не уехали и ворота открыты! Владка снова прошмыгнула в ворота, и вот она уже на улице.

Владке делается очень весело, хочется смеяться, хочется крикнуть прохожим: «Вы знаете, где я была? Я была в ткацкой!..» Она мчит по улице, и ей так легко, как будто, отдав маленькую корзинку, она освободилась от тяжёлого груза...

В коридоре, возле дверей, она остановилась. Прислушалась — в комнате тишина. Адама и Сабины давно уже нет дома. Станьчак убирал комнату. Увидев возвратившуюся Владку, он сердито спросил:

— Где ты была? Что случилось?!

— Я бегала на фабрику. Надо было отнести завтрак пани Станьчаковой: она забыла его дома, — быстро ответила Владка.

Так они стоят друг против друга — сердитый старик и маленькая худенькая Владка.

— Что?!

Владка радостно и гордо рассказывает обо всём: как она прошла во двор фабрики, что она видела в ткацкой, как ходят основа и уток, как бегают челнок... Говорить об этих вещах, таких непонятных и таинственных раньше, для неё теперь так же просто, как съесть кусок хлеба с маслом. Владка забывает, что Станьчаку всё это хорошо известно, и продолжает объяснять ему всё. Станьчак весело смеётся.

— А что делают потом с суровьём? — спрашивает она вдруг.

— С суровьём? Оно идёт в палилку. Выпей кофе! Ты ведь ничего ещё не ела...

— Большое спасибо... В какую палилку?

— В палилке суровьё проходит между горячими валиками, на нём обгорает весь ворс, и оно становится совершенно гладким... Погоди, я сам отрежу тебе хлеба! Не бери этот нож: можешь порезаться, я только что наточил его... Но это, если товар летний, понимаешь? Возьми сала, на окне стоит...

— Спасибо. Теперь я понимаю, почему вы тогда говорили о пожаре, помните?

— О пожаре? Когда это было?

— В первое же утро после моего приезда.

— Да, да, верно. Тогда сгорела целая партия суровья. Хочешь ещё?

— Нет, спасибо. Мне только хотелось попросить вас: не говорите, пожалуйста, пани Станьчаковой, кто принёс ей завтрак. Угадает ли она? Как вы думаете?

Этого Станьчак не знал, но обещал ничего не говорить.

Придя с работы, Станьчакова ещё в дверях спросила:

— Кто принёс мне завтрак? Только подумала я, что забыла завтрак, и вдруг подходит старый Вальчак и подаёт мне корзинку.

Станьчакова не верит своим ушам: неужели это, правда, Владка?!

— Ну и молодчина же ты, Владка! — говорит Адам.

А Сабина с удивлением смотрит на неё и молчит.

КРАСНЫЕ УЖИ

Сегодня Станьчак не ложился спать после обеда. Завтра воскресенье, и можно будет хорошенько отоспаться. А сейчас отец и мать пошли в город. Дети сидят на полу возле железной печки, в которой весело трещит огонь. У всех грустные лица. Сегодня пришло письмо от родных Владки. Забастовка окончена, и Владка может собираться домой. Но дети не могут представить себе, как они расстанутся: так они привыкли друг к другу! Им кажется странным, что вначале они были совсем как чужие. Теперь Сабина так же любит Владку, как раньше любила сестру Метю, и Владка знает, кто была Метя, и чувствует себя здесь, как дома. Ей так не хочется расставаться с Сабинкой!

И Сабина придумала, как им быть. Когда они вырастут, они будут вместе работать на текстильной фабрике, будут делать основу. Но, оказывается, Владка не знает, как делают основу. Не беда! Сабина сейчас объяснит ей.

— Люди сидят друг против друга и натягивают на раму нитки. Да ведь ты видела это на фабрике? Ну как, ты согласна? — спрашивает Сабина, как будто необходимо сию минуту решить, будут ли они с Сабинкой работать на фабрике.

Владка представила себе, как им придётся целый день сидеть друг против друга и вдевать нитки... И ей становится грустно. Она вздыхает. Ей, конечно, очень хочется быть всё время с Сабинкой, но ей гораздо больше нравится работать в набивной — там, где белое полотно, как в сказке, расцветает всеми красками. Она помнит, как пап Станьчак рассказывал об этом полотно. Владка колеблется: она не знает, что ответить Сабине, и вздыхает.

Все трое молчат. Дрова прогорели, и сквозь щели печки угли кажутся уже не золотыми, а красными.

— Да, — сказал Адам. — Всё это хорошо: и основу делать и набивать материю, — но кто знает, не стану ли я металлургом...

Сабина даже приподнялась с пола. Ни у кого — ни у Станьчаков, ни у Вальчаков, ни у Кавецких, ни у Квятковских — никогда в роду не было металлургов. Все они работали на текстильных фабриках.

— Что это взбрело тебе в голову, Адам?

— Я хочу, чтобы в руках у меня было железо, а не пряжа, — задумчиво сказал Адам. Он поднялся с пола и потянулся. Ему только тринадцать лет, а вид у него настоящего рабочего. — Я хотел бы работать с железом, — продолжал Адам, — и чтобы огонь тоже был!

Девочки молча с удивлением смотрели на него.

— А разве нет огня в палилке? — спросила Сабина. — Почему бы тебе не работать там?

Но тут уж Владка не вытерпела.

— Какой же это огонь в палилке? — возмущалась она, хотя никогда не была там. — Что это за огонь? Разве его можно сравнить с огнём плавильных печей? Вы понятия не имеете, что такое плавильная печь! Даже смотреть на неё страшно: ослепнуть можно. И всё-таки смотришь, потому что нельзя глаз оторвать! Там так жарко, так пылает пламя, что люди работают полуголые.

Владка вспомнила, как она однажды стояла с

матерью и ждала отца. Она держала в руке булочку и смотрела в пылающую печь, и её всё тянуло к этому яркому, как солнце, огню, и она глядела на него. Ей было страшно, и она держала маму за руку. Когда же это было? Она была ещё совсем маленькой... И почему ей сейчас это вспомнилось?..

Адам и Сабина слушали её с изумлением, потому что до сих пор им казалось, что она ничего не знает о металлургическом заводе. А Владка продолжала свой рассказ о том, как раскалённый жидкий металл льётся из кранов в формы. И в этом пекле, в невыносимом зное, в огненном сиянии, в этом оглушительном грохоте машин отчётливо слышны удары парового молота: бах, бах, бах!

Владка ударяет кулаком по кухонному столу так, что в ящиках звенит посуда.

На этот раз Адам и Сабина не очень хорошо понимают Владку — пришёл и их черёд, — но им очень интересно слушать её, особенно Адаму, и он просит:

— Расскажи, расскажи ещё!

И Владка рассказывает, как по чёрной земле плывёт ручьями расплавленное железо, словно ужи, словно красные ужи!

— Вот такие красные, как это, — она показала на угасающие уже красные угли в печке.

Дети замолчали и стали смотреть на угли. Пришли родители, но никто не слышал ни их шагов, ни голосов на лестнице.

— Почему вы сидите в потёмках? — спросила Станьчакова.

Сабина бросилась к матери:

— Мама, Владка рассказывала нам такие интересные вещи о плавильных печах! Расплавленное железо ползёт, как красные ужи...

— Вот видишь, — сказал отец, — а ты, Адам, говорил, что девочка не расскажет тебе о металлургическом заводе!

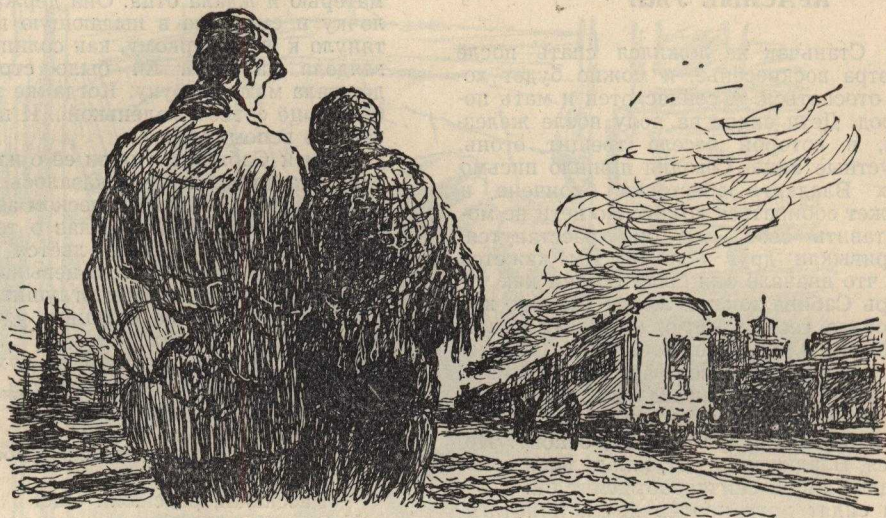
Адам ничего не ответил. Во время ужина он тоже молчал. Он думал.

ПОДАРКИ

Владка вытащила из-под плетёной кровати свою картонку, поставила её на стул и сняла крышку. На дне картонки лежала верёвочка, которой она была перевязана, и лист бумаги, исписанный кривыми буквами: стихи, которые Владка записала в вагоне. Все остальные её вещи переселились из картонки и нашли своё место в комнате, как будто это был владкин дом, как будто они собирались остаться здесь навсегда. Синее праздничное платье висит в шкафу, выстиранное, выглаженное бельё лежит на кровати вместе со всем бельём. Гребешок и щёточка с порошком лежат на полочке над краном, а пальто висит на вешалке у дверей, налево от сабининого пальто.

Грустно вздыхая, Владка собирает свои вещи из всех углов комнаты, которая стала для неё вторым домом. Она держит в руках чулки, заштопанные Станьчаковой. Владка никак не могла справиться с такими большими дырами. Станьчакова возвращается с фабрики:

— Что это, Владзя, ты уже складываешь вещи? Подожди, я одышу немного. — Станьчакова очень устаёт, когда поднимается по лестнице. — Подожди, Владзя, я хочу передать твоей маме... — Она вынимает из ящика кусок небелёного холста и очень красивое, тканое в

Поезд, увозивший Владку, был уже далеко.

клетку полотенце. — Передай, пожалуйста, это твоей маме и попроси извинения за то, что я не могу послать ей ничего получше... Может быть, она сделает из этого холста кухонные полотенца или что-нибудь другое.

Владка смущённо благодарит Мама, наверно, очень обрадуется. У них дома всегда не хватает полотенец. Два самых лучших отдала ей, когда она уезжала, и тётя пометила их красными буквами «Вл. М». А теперь она привезёт не два, а целых три, да ещё и холст.

При этой мысли Владка повеселела. У неё всегда так: от печали до радости один шаг. А Станьчакова смотрит на неё, грустно покачивая головой:

— Ты скоро забудешь нас!.. А мне будет очень недоставать тебя...

— Не забуду, никогда не забуду! — Владка хочет рассказать, что она и Сабина, когда вырастут, будут всегда вместе, но вспоминает, что это их с Сабининой тайна, что они условились никому не рассказывать об этом, пока не окончат школу и не поступят на фабрику. И Владка только смущённо повторяет: — Никогда не забуду, никогда!..

Приходит Станьчак. У него в руках бумажный свёрток, заколотый по углам булавками. Что это может быть? Владке очень хотелось бы знать, но она не спрашивает.

— Собираешься уже, Владзя? Вот я принёс это для тебя, вернее, для твоего отца. Отвези ему, скажи, что я прошу принять от меня...

Владка замирает от радости и нетерпения. Но она не обнаруживает своего любопытства. Она растрогана и ей хочется плакать оттого, что все так добры к ней...

Станьчак развёртывает пакет шелестит бумага, и перед глазами Владки сорочка. С манжетами с карманчиками! Модная голубая сорочка! Какой замечательный подарок для отца! И вдруг Владку осенило:

— Это вы красили это полотно?.. Это — суровьё, да?

Станьчак весело смеётся:

— Может быть, и я. Последние две недели мы в набивной только и делали этот материал. Жаль, что тебе не удалось увидеть это: весь цех казался голубым, как будто с машин стекала голубая вода. Многие говорят, — продолжал Станьчак в раздумье, — что им безразлично, какими красками работать, какие делать узоры... Важно только, чтобы работа шла и не простаивали машины, — за это могут выгнать с фабрики. А мне не всё равно: я люблю, чтобы узор был красивый.

Владка внимательно слушает; ей тоже нравится эта работа. А вот пани Станьчакова говорит, что её совершенно не интересует ни цвет, ни узор, лишь бы всё шло гладко. И Владку это не удивляет. Она вспоминает страшный грохот и спешку там, в ткацкой... С тех пор Владка каждый день вставала пораньше, чтобы приготовить пани Станьчаковой завтрак. Потом она снова укладывалась и засыпала: она ведь могла дольше всех поспать. А кто теперь будет готовить ей завтрак? И Владке снова хочется плакать.

Голубая сорочка, аккуратно сложенная, исчезла в картонке. Как приятно будет распаковать вещи! Все будут любоваться такими великолепными подарками.

Дети вернулись из школы.

— Владка, ты уже укладываешь вещи? Я тебе помогу, — печально предлагает Сабина.

Но мама ставит на стол суп.

После обеда всем становится грустно. Близится время отъезда...

Адам вытаскивает что-то из своего ящика.

— Не возьмёшь ли ты это для своей сестрёнки? — спрашивает он сконфуженно и вытаскивает в картонку три шпильки. — Может быть, она будет играть ими. Мы с Сабининой всегда играли шпильками... Из них можно сделать замечательный самолёт.

Но для этого нужен Адам; Владка понятия не имеет, как делается самолёт из шпильки. — и всё-таки она очень рада; она благодарит Адама и снова перекладывает всё в коробке, чтобы

освободить место для шпук и не смять сорочки.

И Сабина прячет что-то в картонку, на самое дно... Что это?

Образцы! Владка кидается на шею подруге.

ОТЪЕЗД

Поезд тронулся. Окно вагона с заплаканной Владкой в синем берете убежало всё дальше и дальше...

Сабина и Адам бегут за поездом, но их задерживает толпа провожающих, и вместо окна, в котором стоит Владка, перед глазами проплывает уже другое окно...

Сабина плачет и сжимает в руке что-то маленькое, завернутое в белую бумагу...

Владка отдала своего слоника Сабине в последнюю минуту. Она хотела ещё раз подтвердить, что обязательно будет работать вместе с ней на фабрике, но слова застряли у неё в горле, и она молча сунула Сабине в руку маленького слоника, приносящего счастье.

Когда поезд был уже далеко, Станьчакова, Станьчак, Сабина и Адам не спеша подходили к выходу. Там они встретились с Квятковскими, которые тоже проводили девочку с металлургического завода. А потом встретили Вальчаков — те расстались с мальчиком, жившим у них.

Они все стоят на перекрёстке перед вокзалом и говорят о забастовке, о том, как она закончилась.

— Я привыкла к Геие, как к родной дочери, — говорит Квятковская.

Станьчакова ничего не говорит, она только вздыхает.

Тёплый весенний ветер высушил слёзы Сабины. Она вертит в руках слоника (это ведь самое лучшее, что было у Владки, и она ей его

подарила!) и вспоминает всё с самого начала: как приехала Владка, какая она была странная и вялая, и как она не понравилась сначала Сабине, и как не клеились у них игры и разговоры...

— Попрощайся, Сабинка, — говорит Станьчакова, и Сабина кланяется Вальчакам.

...Как она была разочарована тем, что Владка совсем не похожа на Метю!..

— Попрощайся, Сабинка, — напоминает снова мать.

Сабина кланяется Квятковским.

...И как всё изменилось с того воскресенья, когда Сабина показала Владке образцы! И как потом они стали самыми лучшими друзьями!

— На всю жизнь!.. — шепчет Сабина.

— Что ты говоришь, Сабина? — спрашивает Станьчакова.

Отец ушёл вперёд; его уже едва видно, а Адам плетётся далеко позади, задумавшись.

— Ничего! Я хотела сказать, что Владка похожа на Метю, — говорит Сабина.

Мама ничего не ответила. Они взялись за руки и пошли дальше, разговаривая о том, хватит ли Владке продуктов на дорогу и скоро ли они получат от неё письмо...

Адам остался далеко позади. Он идёт мимо освещённых фабричных окон. Здесь они проходили с Владкой, когда она приехала.

«А всё-таки я буду работать на металлургическом заводе... — Адам вспоминает строчку из стихотворения, которое читала Владка: «Мосты, по которым грохочут вагоны». — Да! Я твёрдо решил...»

— Адам, иди быстрее, пора ужинать! — зовут его мать и Сабина, стоя у ворот своего дома.

— Иду, мама, иду! — крикнул Адам и побежал по пустой улице между двумя рядами освещённых окон. Он снял шапку, и весенний ветер развеивал его волосы.

Сокращённый перевод Е. Живовой

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

Чеслав Янчарский

— Посмотри-ка, Яцек, милый, —
Зося брату говорит, —
голубочек белокрылый
над Варшавою летит.

Вот он прямо к солнцу взвился
в небе светлоголубом,
пролетел над синей Вислой,
над решетчатым мостом.

Вот над стройкой кружит плавно —
там кипит весёлый труд,
много каменщиков славных
стены прочные кладут.

Голубок взлетел высоко,
смотрит вниз, на наш район,
где сверкают сотни окон,
отражая небосклон,

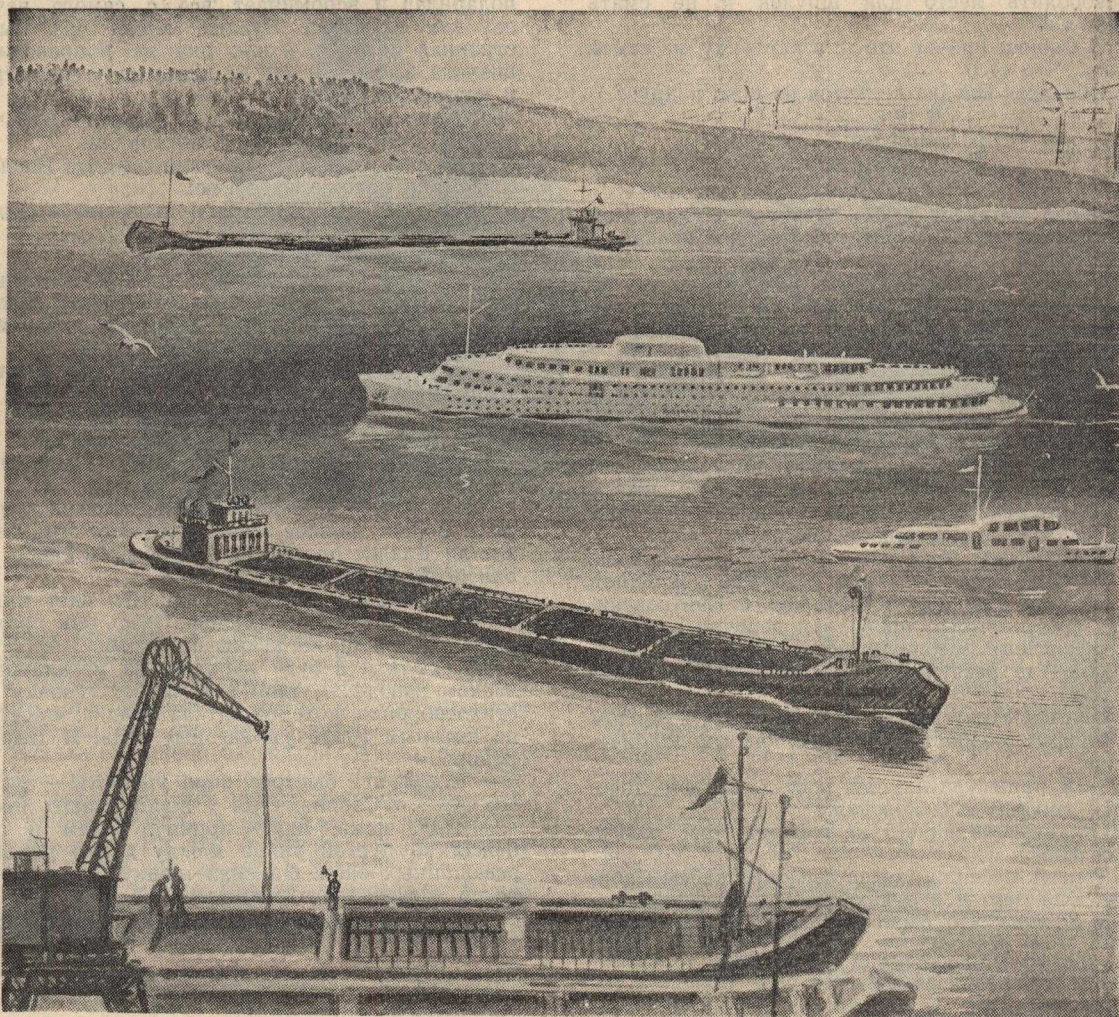
где гудят автомобили,
где с бригадой инженер
из руин восстановили
нашу улицу и сквер.

— Посмотрите! Взвейтесь выше! —
голубок зовёт друзей,
и к нему взлетает с крыши
стая новых голубей.

И в небесном океане
кружат, кружат голубки,
как Стокгольмского воззвания
белоснежные листки.

Пусть сверкает беспечальный,
юный, светлый исполин,
город наш многострадальный,
что поднялся из руин.

Перевод с польского
С. Рунге

Это корабли, которые будут ходить по новым водным путям. Здесь вы видите сухогрузную и самоходную баржи, пассажирский пароход и прогулочный катер.

НОВЫЙ ФЛОТ ДЛЯ НОВЫХ РЕК

А. Некрасов

Ни в одной стране нет таких речных кораблей, как у нас. Это и понятно. С давних пор прославилась наша страна великими водными путями, и русские мастера, строители кораблей, давно научились строить суда быстроходные, удобные, красивые, такие, чтобы и в бурное половодье безопасно шли рекой, и в осеннюю стужу пробивались сквозь молодой лёд, и в летний зной не сели на мель в обмелевшей реке. Наши красавцы-теплоходы, речные танкеры и сухогрузные баржи хо-

дят от Белого моря до Чёрного, от Балтики до Каспия, ходят не один десяток лет и ещё могли бы проходить немалый срок.

Но вот заработали на Волге и на Дону, на Днепре и на Аму-Дарье экскаваторы, землесосы и краны... Советские люди научились строить быстро; пройдёт совсем немного лет, и русские реки нельзя будет узнать. И хотя не сегодня и не завтра ещё наполнятся водохранилища под Куйбышевом и под Сталинградом, не

сегодня и не завтра закроются ворота новых шлюзов и загорятся маяки на новых водных путях, но уже сегодня нужно подумать о тех кораблях, которым придётся плавать по новым водным путям.

Старые корабли не годятся для новых, преображённых рек. Старый речной флот у нас плавал только по рекам, а теперь придётся плыть то рекой, то морем. Оно хоть и искусственное, это море, хоть и человеческими руками сделано, а волны на нём крутые и высокие, как в настоящем море, и если разыграется ветер, буря поднимется такая, что не всякий корабль выдержит. Значит, нужен такой корабль, чтобы не боялся высокой, крутой морской волны, чтобы шёл напрямик через море. Это — первое условие. А второе — это то, что много длиннее станут наши водные дороги.

Захочет завтрашний пассажир прокатиться на пароходе из Москвы прямо к Чёрному морю — нужно создать ему такие удобства, чтобы он не почувствовал трудностей длинной дороги, чтобы ещё и отдохнул в пути.

Вот и думают инженеры-кораблестроители о том, как построить речной флот завтрашнего дня. Думают с карандашом, с линейкой, с циркулем в руках. Когда нужно, зовут на помощь художников, экономистов, электриков и других специалистов, чтобы общими силами создать новый советский речной флот.

Много работы ещё впереди. Но и сейчас уже можно представить речные корабли недалёкого будущего.

Здесь нарисованы некоторые из них такими, какими задумали их строители.

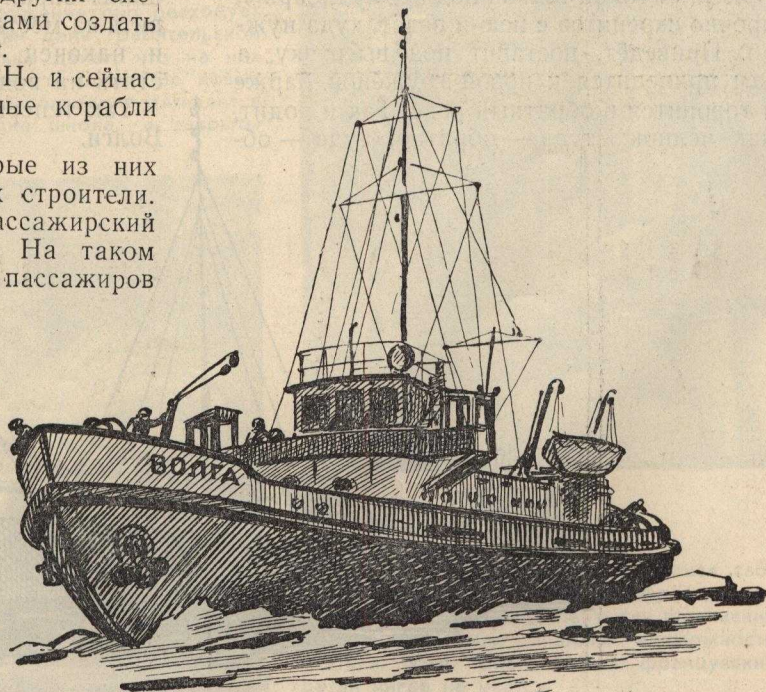
Самый большой — это пассажирский скоростной теплоэлектроход. На таком теплоэлектроходе восемьсот пассажиров смогут совершать путешествия по Волге, по Дону, по Днепру и по другим рекам; на таком корабле и в море выйти не страшно. А чтобы пассажиры хорошо себя чувствовали на корабле, к их услугам будет и кино, и солярий, и библиотека, и фотолаборатория. В каждой каюте будет отопление, а если станет жарко, в каюты будет подаваться охлаждённый воздух... Это чтобы пассажирам было удобно. А что-

бы удобно было кораблеводителям, для них в рубке корабля придумали вместо переговорных труб да тяжёлых штурвалов маленькие кнопки. Нажал кнопку — полный вперёд! Нажал другую — стоп! Нажал третью — вправо, влево! А чтобы не плутать в морях, на берегу поставят радиомаяки, которые в одну секунду помогут штурману определиться в море и найти верный путь.

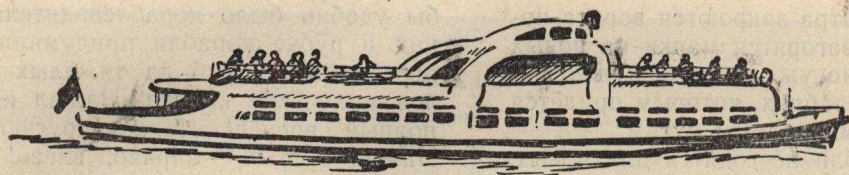
На новых водных путях будут и ледоколы. Сейчас почти нечего делать ледоколам в реках. Но когда встанут плотины на Волге и разольются новые волжские моря, для ледоколов найдётся немало работы: весной — взломать лёд, чтобы пораньше расчистить путь для первых караванов, осенью — провести запоздавший грузовой флот через острый осенний лёд...

Длинное, не очень нарядное на вид судно — это речная сухогрузная баржа. В такую баржу будут грузить сразу три тысячи тонн груза — столько, сколько три самых длинных поезда едва увезут.

Чтобы водить сухогрузные и наливные баржи, строят могучие буксиры-тягачи. Но будут и такие баржи, которые ходят одни, без буксиров. Их так и называют: самоходные баржи.

Такие ледоколы строятся для новых морей.

Катер для прогулок по новым водным путям.

На буксире хорошо вести баржи по широким просторам, а в узостях, на стремнинах, в шлюзах, в портах, где и самому-то буксирному теплоходу только-только развернуться, там с баржами за кормой совсем трудно. Вот тут и выручают самоходные баржи. Им не надо ждать, пока соберут да счалят караван. Погрузился, дал гудок, отвалил — и ступай своей дорогой. Но есть и у этого корабля свои недостатки. На несамоходных баржах водолив да матросы — вот и вся команда. А на самоходной и механик нужен, и машинисты, и опытный капитан...

Придёт такая баржа в порт, встанет под выгрузку, потом встанет под погрузку. А машина стоит, и люди без дела, в простое. Вот если бы такую придумать машину, чтобы, когда нужно, переносить её с баржи на баржу...

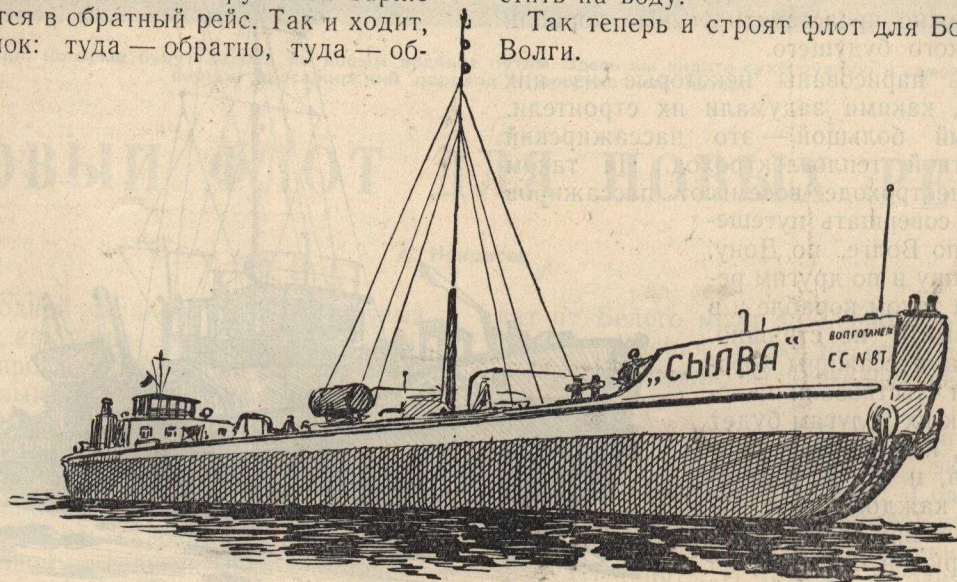
И придумали: построили маленькие, но мощные кораблики — буксиры-толкачи. Подойдёт такой толкач под корму к барже, прочно скрепится с нею и ведёт, куда нужно. Приведёт, поставит под выгрузку, а сам прицепится к новой гружёной барже и торопится в обратный рейс. Так и ходит, как челнок: туда — обратно, туда — об-

ратно. Это и удобно и выгодно. Сотни таких толкачей будут работать на новых речных путях.

Тысячи барж уже сейчас строятся на верфях и заводах для новых водных дорог. И пока одни инженеры думают о том, какие будут корабли, другие уже работают над тем, чтобы решить, как поскорее строить все эти корабли.

Кое-что и здесь уже придумали. Раньше, например, строили так: заложат киль, поставят шпангоуты, начнут набивать обшивку... Потом придумали строить корабль по кускам. Ведь корабли-то теперь стальные! Построят отдельные куски — секции, а после электросварщики соединяют их. Сварят, спустят на воду, а потом установят машины, переборки, трубы, насосы и другое судовое хозяйство. Так получилось скорее. Но оказалось, что можно строить ещё скорее — тоже секциями, только в каждой секции все трубы и машины заранее на берегу собрать, поставить на места, а потом уже секции сварить и, наконец, совсем готовый корабль спустить на воду.

Так теперь и строят флот для Большой Волги.

Самходная баржа.

ПО ИХ ЗАКОНАМ

В Западной Германии нередко можно видеть строящиеся здания. Но это не школы и не жилые дома. Это казармы для солдат, склады для оружия или новые военные заводы. В Западной Германии хозяйничают англо-американские империалисты. Они оккупировали эту часть страны и хотят превратить её в очаг новой страшной войны. А всех, кто мешает их кровавым планам, они жестоко преследуют.

Посмотрите на верхнюю фотографию справа. Вот так расправляются в Западной Германии с теми, кто борется за мир, против вооружения Германии. Фашисты-полицейские арестовали этого юношу только за то, что он участвовал в демонстрации борцов за мир.

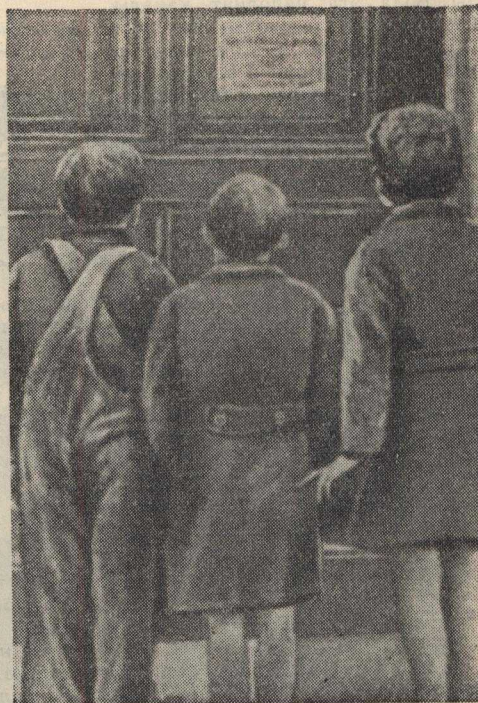
★ ★ ★

Миллионы трудящихся в капиталистических странах работают в невероятно тяжёлых условиях, по десять — двенадцать часов и получают за свой труд жалкие гроши. Но и такую работу там может найти не каждый. В капиталистических странах миллионы безработных. Им нечего есть и негде жить.

Эти две девочки (нижняя фотография) — дети безработного в Нью-Йорке. Их отец не смог заплатить за квартиру, и владелец дома выкинул всю семью на улицу. Печально ожидают дети родителей, которые ушли искать работу и хоть какой-нибудь кров.

★ ★ ★

По французскому закону, каждый ребёнок от семи до четырнадцати лет должен посещать школу. Но это только по закону. Очень много детей во Франции совсем не учатся. Правительство Франции отпускает на образование ничтожные средства. Зато на вооружение оно расходует миллионы франков. Только за один день грабительской войны во Вьетнаме тратится столько денег, что на них можно было бы выстроить больше ста школ. Но новых школ во Франции не встретишь. За последние пять лет в Париже была построена лишь одна школа, а закрыты десятки...

«Школа закрыта» — висит короткая табличка на дверях одной из французских школ. В этом году десять тысяч парижских школьников были лишены возможности учиться. Уже триста тысяч французских детей нигде не учатся.

КЛИМАТ СТАНЕТ ИНЫМ

Когда огромная плотина перегородит Волгу, мощная река разольётся больше чем на пятьсот километров и образует самое большое в мире водохранилище — Куйбышевское море. Ниже по течению Волги, у Сталинграда, строители создадут Сталинградское море, а на Дону — Цимлянское море.

Самое название этих морей — водохранилище — показывает, зачем они создаются. В них будут собираться огромные запасы воды. Вода эта наполнит каналы, несущие влагу на колхозные поля. Но не только в этом значение новых морей. Моря и океаны оказывают огромное влияние на климат земли. И новые моря, созданные советскими людьми, изменят климат огромной территории, расположенной вокруг этих морей. Как же это произойдёт?

Солнце одинаково посылает свои лучи и на сушу и на море. Но поверхность земли быстро нагревается и быстро охлаждается, отдавая своё тепло воздуху. Моря поглощают гораздо больше солнечной энергии и медленнее отдают её воздуху. Поэтому летом в песчаной пустыне воздух получает в 130 раз больше тепла, чем воздух над открытым морем. Зато в холодное время моря подогревают воздух теплом, накопленным

летом, а над сушей воздух значительно холоднее.

Климат вблизи морей мягче. Там, где есть большие водоёмы, весной жара наступает позднее, а осенью долго не приходят холода.

Академик Т. Д. Лысенко сказал: «Засуха ликвидируется только большими испарениями». С поверхности новых морей, прудов и каналов будет испаряться огромное количество воды. Воздух станет более влажным, чаще станут выпадать дожди. Над водоёмами, сильно испаряющими влагу, образуются воздушные ямы. Лётчики хорошо знают эти ямы — в них «проваливаются» самолёты. Точно так же будет «проваливаться»,

снижаться над морями и облака. Над новыми морями как бы образуются ловушки, в которых будут задерживаться тучи. А чем ближе туча к земле, тем скорее из неё пойдёт дождь.

Так новые моря и каналы преобразуют климат засушливых степей.

А. Морозов

ЭЛЕКТРООСМОС

В 1807 году московский физик Ф. Ф. Рейс, изучая законы прохождения электрического тока через землю, обнаружил интересное явление: влага, содержащаяся в грунтах, под действием электричества перемещалась в сторону отрицательного электрода и собиралась вокруг него.

Это явление, названное «электроосмосом», долгое время не находило практического примене-

ния. И только в наши дни электроосмос призван на службу советской технике и широко применяется на великих стройках коммунизма.

Прежде чем заложить фундамент любого сооружения, нужно вырыть котлован. Работа эта не простая, но особенно трудной становится она, когда грунт содержит много влаги: медленно просачиваясь сквозь породу, вода стекает на дно котлована и мешает строителям.

Чтобы избавиться от такой помехи, строители роют вокруг кот-

лована глубокие дренажные колодцы. Вода собирается в них, и её насосом откачивают прочь. Но и дренажные колодцы не всегда помогают делу. Там, где грунт пористый, — крупнозернистый песок, например, — там дренажные колодцы действуют исправно. А в глинистых, в лёссовых и других мелкозернистых грунтах, в которых влага просачивается медленно, вода не собирается в дренажных колодцах, а всё время стоит на дне котлована.

Вот тут советские инженеры и применили электроосмос. Вокруг места работ они забили глубоко в землю полые трубы. Половина этих труб с цельными стенками, а у остальных труб в стенках просверлено множество маленьких дырочек. Трубы расположили вперемежку и соединили с источником постоянного тока: сплошные — с положительным, решётчатые — с отрицательным полюсом. И вода, которая до того упрямо не желала собираться в дренажных колодцах, послушно побежала по пути, указанному человеком. Осушение котлованов при любых грунтах стало легко разрешимой задачей.

Советские инженеры применили электроосмос и на строительстве намывных плотин.

Применение гидромеханизации, казалось бы, позволяет беспредельно ускорить намывные работы: поставить два землеса там, где стоял один, и дело пойдёт вдвое быстрее.

Но беда в том, что мелкозернистые, глинистые и лёссовые грунты, из которых намывается средняя часть плотины, очень медленно отдают влагу. Если ускорить намыв, может случиться, что огромная масса грунта в ядре плотины не успеет просохнуть, не выдержит своего собственного веса, оседет и разрушит всё сооружение. Так и бывало на многих американских стройках, и с тех пор иностранные инженеры, напуганные горьким опытом аварий, не торопятся с намывом. Двадцать — тридцать сантиметров в сутки считается на Западе пределом суточного роста намывной плотины.

А наши инженеры в теле плотины помещают такие же трубы, как для осушения котлованов, включают ток и по желанию ускоряют или замедляют отвод воды из намытых грунтов. Вся плотина высыхает при этом равномерно. Электроосмос позволяет значительно ускорить строительство намывных плотин.

А. Некрасов

СНОВА звучат куранты

Ленинградцам трудно представить себе панораму Невы без стройного силуэта Петропавловской крепости. Из-за каменных стен крепости поднимается колоколья с золотым шпилем. На колокольне видны башенные часы-куранты.

Куранты эти были установлены в 1760 году. Томившимся в казематах крепости узникам царского самодержавия было хорошо слышно, как куранты выбивали «Коль славен наш господь в Сионе...» и гимн царской России. В 1917 году голос курантов умолк. И только теперь, после долгих лет молчания, они снова зазвучали. Теперь после ударов башенных часов раздаётся торжественная мелодия Гимна Советского Союза.

Восстановил куранты инженер М. А. Ермоленко. Много дней провёл он на колокольне, изучая сложный механизм курантов. Особенно трудной оказалась работа по подбору и настройке

двенадцати колоколов. Старые колокола не соответствовали нужной тональности. Часть из них пришлось тщательно обточить и настроить заново.

Куранты обычно исполняют короткие и простые мелодии из нескольких нот. Гимн Советского Союза богат гармоническим разнообразием. Заставить куранты исполнять такую сложную мелодию было чрезвычайно трудно. В гармонизации мелодии Гимна для колоколов принимали участие видные ленинградские композиторы.

Г. Фальксон

ЛЕС СЕЮТ С САМОЛЕТА

Когда летишь над зелёными просторами Севера, кажется, нет конца лесному богатству нашей страны. Часами идёт самолёт, сотню за сотней меряет километры, а глянешь вниз, за борт, — повсюду, до самого горизонта, лес, лес, лес...

Советские люди — расчётливые хозяева. Они смотрят на мно-

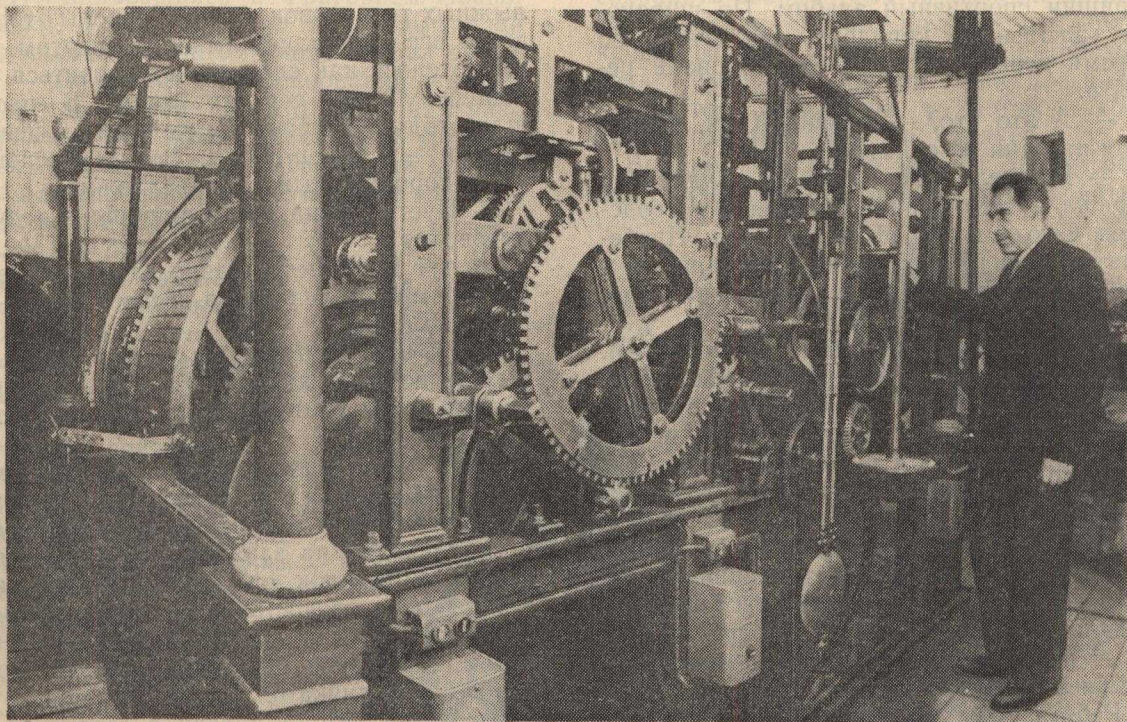
го лет вперёд и следят за тем, чтобы не истощалось, а множилось лесное богатство Севера. Они и здесь заботливо насаждают леса. Только они не сажают лес, а сеют с самолётов.

Хозяйство у воздушных сеятелей не хитрое: маленький самолёт «ПО-2», на нём бункер для семян и сеялка. А чтобы без ошибок, без огрехов высеять семена на огромном участке, ставят пикеты. Ребята из окрестных селений любят работать в таких пикетах.

Колхозники становятся в ряд, поднимают флажки и ждут... Вот показался над лесом самолёт, снизился на тридцать пять метров, летит над самыми головами, ревёт мотор... Как только пролетел самолёт, люди переходят в сторону на восемнадцать метров. А сеятель уже мчит обратно и широкой полосой высевает семена по двести штук на каждый квадратный метр.

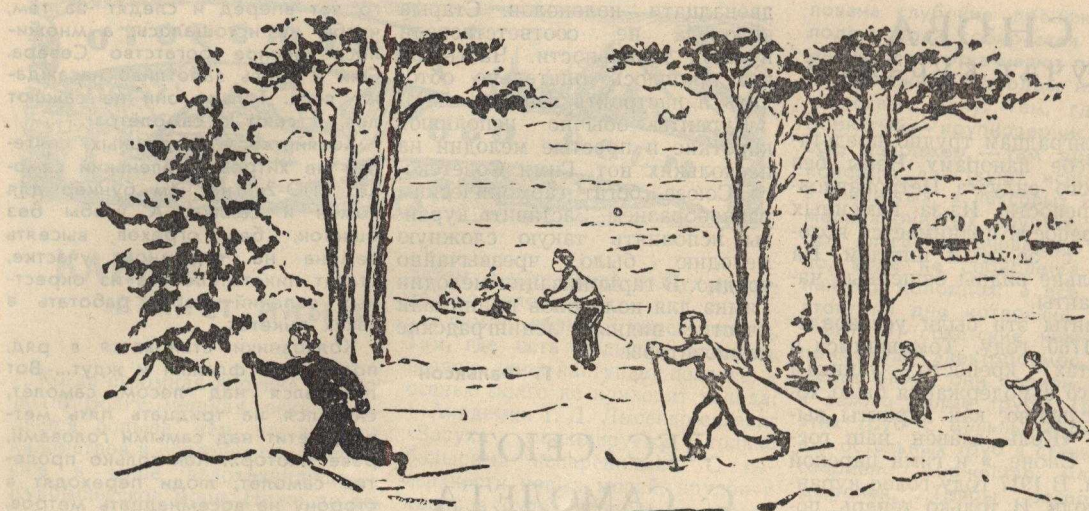
В эту осень тысячи гектаров засеяли с самолётов, и весной поднимутся новые всходы — десятки миллионов крошечных, похожих на травинки сосенок.

Н. Андреев

Здесь вы видите сложный часовой механизм курантов высотой в три метра. Основные зубчатые колёса связаны с колоколами. Самый большой из колоколов весит пять тонн. Он отбивает часы. А через несколько секунд била, соединённые системой рычагов с механизмом курантов, отбивают на колоколах мелодию Гимна Советского Союза.

Когда-то куранты заводили вручную. Для этого приходилось, вращая огромный заводной ключ, поднимать на тринадцатиметровую высоту четыре гири общим весом в тонну. Эту утомительную работу выполняло несколько дежурных солдат. Сейчас куранты заводятся автоматически.

ЧЕМПИОН ШКОЛЫ

М. Черевков

Рисунки Т. Покровской

Гриша Кудрявцев и Коля Горелов стояли у двери своего класса и рассматривали гришин спортивный альбом. По широкому школьному коридору, как всегда во время перемены, оживлённо сновали ребята.

— А это кто? — спросил Коля, указывая на один из снимков.

— Неужели не знаешь? — удивился Гриша. — Это Ванин, чемпион и рекордсмен Союза в марафонском беге. Пробежать сорок два километра меньше чем за два с половиной часа — вот это здорово!

Коля наклонился над фотографией. И вдруг в это мгновение пробежавший мимо Алёша Звягин так сильно толкнул Колю, что он не устоял на ногах и, падая, ударился лбом о дверную ручку. На лбу у Коли мгновенно вздулась огромная шишка.

— Что случилось? — спросил у ребят, столпившихся вокруг пострадавшего, подошедший учитель физкультуры Григорий Иванович — дежурный по школе.

— Кто-то толкнул меня в спину, — сдержанно ответил Коля.

Ребята тоже все промолчали. Они решили сами серьёзно поговорить с Алёшей Звягиным, который не в первый раз был так груб со своими товарищами.

Случай представился скоро. После уро-

ков первое звено собралось в пионерской комнате, чтобы наметить и обсудить план лыжных тренировок звена. Пионеры этого звена все увлекались лыжным спортом, и им хотелось как следует подготовиться к общешкольным соревнованиям. В прошлом году тренировкой руководил Алёша Звягин — чемпион школы. Боря Кузнецов, тоже хороший лыжник, предложил:

— Пусть Алёша, как и в прошлом году, руководит...

Но тут Борю неожиданно для всех прервал самый маленький в звене пионер — Митя Шустов:

— Ну его, Звягина! Он только о сильных лыжниках думает. Уходит с ними вперёд, а мы плетёмся одни. Ему нет дела до нас!

Митю поддержал Гриша Кудрявцев. Он вспомнил, как в прошлом году Алёша часто забывал о назначенной тренировке и не приходил на занятия, как во время лыжных прогулок он уходил вперёд, а ребята были предоставлены самим себе и им не у кого было учиться. Вспомнил он и о том, как грубо обращался Алёша со слабыми лыжниками.

— Алёша думает только о себе, — закончил Гриша, — а до спортивной чести звена ему нет дела.

— Уж не ты ли собираешься защищать нашу спортивную честь? — перебил Звя-

гин. — Ты и сам всегда плетёшься в хвосте.

— Постой, Звягин, — остановил Алёшу вожатый звена Ваня Кирпичников. — Гриша говорит правильно. Ты скверно относишься к товарищам. Вот смотри, как ты ни за что, ни про что разукрасил Колю Горелова. Ненадёжный ты человек!

— Ну что ж, выбирайте Гришу Кудрявцева! — насмешливо крикнул Алёша. — Он надёжный, он будет учить вас по своему спортивному альбому!..

Собрание было бурным. Закончилось оно тем, что ребята единодушно выбрали Гришу Кудрявцева.

— Я не смогу вести всех на тренировках. Ведь вы сами знаете, как я быстро устаю! — взмолился Гриша.

— Ничего: тебе поможет Коля Горелов, — сказал Ваня Кирпичников. — Он поведёт сильных ребят, а ты займёшься с более слабыми. Согласен?

— Согласен, — твёрдо ответил Гриша. — Только чтобы все слушались меня без разговоров!

* * *

Посоветовавшись с Григорием Ивановичем, Гриша наметил подробный план тренировок, а потом снова собрал звено.

— До школьных соревнований остаётся всего два месяца. За это время нам надо провести не менее двенадцати тренировок, — начал Гриша. — Тренироваться будем каждое воскресенье и кроме того ещё два раза в учебные дни.

Сначала будем ходить недалеко и нажмём на технику. Все должны научиться ходить переменным и одновременным ходом, как ходит Алёша Звягин. Будем учиться спускаться с гор и делать повороты. В выходные дни мы будем ходить в походы, а на уроках физкультуры займёмся переменной тренировкой.

— Это ещё что такое? — удивился Боря Кузнецов.

— Будем ходить с переменной скоростью: пройдем пятьсот метров медленно, потом пятьсот метров быстро, по-

том снова медленно. Всего за тренировку пройдем три — пять километров. На это понадобится полчаса или час, и занятия не помешают нам выучить уроки.

— А когда же начнём ходить полным ходом на всю дистанцию? — недовольно спросил Алёша Звягин. — Ведь на соревновании не будешь отдыхать после каждого пятисот метров!

— Переменную тренировку мы закончим за месяц до соревнований, — ответил Гриша, — а потом будем проходить с полной скоростью, как на соревновании, дистанцию в полтора километра. Пройдем, сделаем небольшой перерыв, отдохнем и снова пройдем полтора километра. Так все опытные лыжники тренируются. А всю дистанцию соревнования — три километра — пройдем два раза: в начале второго месяца тренировки и за неделю до соревнования.

— Ну, такая тренировка годится для слабосильных, а мне она ничего не даст! — заносчиво заметил Звягин.

— Напрасно ты так думаешь, — ответил Гриша, — спроси у Григория Ивановича. Ведь и ты в прошлом году не мог сохранить ровный темп на всей дистанции соревнования: сначала шёл быстро, а под конец выдохся. А если ты будешь проходить в быстром и ровном темпе два раза по полтора километра, то потом и три километра пройдёшь как следует.

Возвращаясь домой, Алёша Звягин решил: «Нужно мне одному тренировать»

— Здорово! На три секунды лучше, чем в прошлую тренировку!

Обходя Колю, Алёша сильно толкнул его.

ся. Побегая я на лыжах один, без них. А то этот Гришка научит!..»

Алёша посещал все лыжные тренировки звена, но кроме того часто отправлялся на лыжах один и полным ходом, как на соревновании, проходил пять — восемь километров.

И, несмотря на это, Алёша чувствовал, что у него появился сильный соперник — Коля Горелов.

На одной из тренировок звена ребятам предстояло пройти три раза по полтора километра. Вёл Коля Горелов, вторым шёл Алёша Звягин, за ним — остальные ребята первой команды.

Когда лыжники прошли первые полтора километра, Гриша Кудрявцев, стоявший у старта, крикнул:

— Здрóрово! На три секунды лучше, чем в прошлую тренировку! Пройдите прогулочным ходом метров двести, а потом давайте ещё раз.

Отдохнув немного, Горелов снова повёл команду полным ходом. На второй половине дистанции Алёша Звягин стал отставать от Коли. Он старался изо всех сил, но руки и ноги обессилели, перехватило дыхание. Сказывалась вчерашняя усталость. Накануне Алёша пробежал на лыжах что было духу около восьми километров.

К финишу подошли с разрывом: впереди Коля Горелов, метрах в тридцати от него Алёша Звягин, за Алёшей, почти наступая ему на пятки, шёл Боря Кузнецов.

После передышки ребята снова пошли на полтора километра, но уже без Алёши. Звягин сказал, что у него болит голова,

и медленно зашагал к лыжной станции. «Я немного перетренировался,— решил он,— надо отдохнуть, и тогда я всё равно обойду Горелова».

Ребята, закончив тренировку, собрались вокруг Гриши Кудрявцева. Раскрасневшийся, довольный, Коля Горелов говорил:

— В этом году наше звено должно выиграть первенство школы. Все наши ребята подтянулись!

* * *

Прошло полтора месяца. За это время ребята поздоровели, закалились, лица горели ярким румянцем. Теперь даже самый маленький, Митя Шустов, легко, широким, размашистым шагом проходил две дистанции по полтора километра. А главное, окрепла дружба в звене. Ребята сдружились за это время.

В прошлом году во время лыжных походов звено обычно рассеивалось в пути. Сильные ребята уходили вперёд, а те, кто послабее, отставали и возвращались домой, не пройдя намеченного маршрута. Теперь первые два похода были проведены на небольшие расстояния — всего километров по десяти. Звено было разделено на две команды. Во главе первой команды шёл Коля Горелов, а Гриша Кудрявцев вёл вторую. Вторая команда шла к намеченному пункту по кратчайшему пути, а первая двигалась то вместе со второй, то уходила в сторону и, описав большую петлю, снова догоняла вторую команду.

Особенно интересным был последний поход, в котором участвовали два отряда семиклассников. Вёл ребят сам Григорий Иванович. Лыжники выехали за город на поезде, а потом прошли по живописной, холмистой местности около пятнадцати километров. Отдохнув и пообедав в колхозной школе, ребята сделали ещё переход около пяти километров, к ближайшей железнодорожной станции.

* * *

Наконец настал день общешкольных соревнований. В десять часов утра все пио-

неры первого звена собрались неподалёку от линии старта. Старт был раздельный. По команде судьи-стартера лыжники ушли один за другим.

Алёша Звягин должен был стартовать после Коли Горелова. Подавшись вперёд, Алёша смотрел вслед быстро удалявшемуся Коле Горелову и думал только об одном: «Догоню, обязательно догоню Горелова! А там он от меня не уйдёт!»

Как будто издали прозвучала команда Григория Ивановича: «Внимание!» И через мгновение: «Марш!» Алёша, несколько раз оттолкнувшись обеими палками, пошёл широким шагом, высоко вскидывая пятки лыж.

Вот и поворот лыжни. Сейчас будет прямой, как стрела, просек, и Алёша увидит Горелова. Ещё толчок, и Коля всего в каких-нибудь пятидесяти метрах впереди. Алёша не шёл, а летел по хорошо укатанной лыжне. Горячее дыхание вырывается белыми клубами. Жарко! Пот струится по алёшиному лицу. Ещё сильнее толчок, ещё резче шаг, и спина Коли Горелова маячит перед самыми глазами.

«Двадцать секунд выиграл, — мелькает в голове у Алёши. — Надо обходить Горелова». Алёша нажимает на палки, но и Коля тоже прибавляет ходу. Оба идут так, что ветер свистит в ушах.

«Надо обойти до поворота!» — говорит себе Алёша.

«Ни за что не сдам!» — думает Коля Горелов.

Непривычный темп гонки утомил обоих ребят. Трудно дышать. Не хватает воздуха. Всё тяжелее становятся ноги, как будто они наливаются свинцом.

Вот и поворот. Огромным усилием воли Алёша заставляет себя сделать отчаянный бросок вперёд. Он пытается перейти на лыжню, проложенную совсем рядом с той, по которой идёт Горелов. Но от давящей усталости движения Алёши неточны. Обходя Колю, он сильно толкает его плечом. Коля падает, а Алёша, даже не обернув-

шись, резко отталкивается палкой, задев наконец ногой товарища.

Григорий Иванович и ребята, стоявшие на финише, видели, как Звягин сбил с ног Горелова. И когда Алёша, шатаясь от усталости, пересёк линию финиша, никто не приветствовал его. Все смотрели на Колю Горелова. Он, слегка прихрамывая, но на большой скорости, приближался к финишу. Когда Коля поровнялся с финишными флагами, все ребята захлопали в ладоши и закричали: «Ура!»

* * *

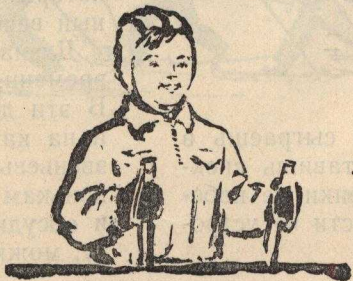
— Слово для объявления результатов традиционного зимнего первенства школы предоставляется главному судье соревнований Григорию Ивановичу Снегирёву, — закончила свою вступительную речь Анна Степановна, директор школы.

Ребята, до отказа заполнившие просторный школьный зал, внимательно слушали, стараясь не пропустить ни одного слова. Григорий Иванович говорил о том, что в этом году были побиты почти все школьные рекорды по лыжному спорту. Особенно больших успехов добились пионеры первого звена 7-го класса «А». Трое из них улучшили прошлогоднее время Звягина. Результат Коли Горелова — новый рекорд школы.

Алёша Звягин нетерпеливо ждал, когда же Григорий Иванович объявит показанное им время. «Ведь я больше чем на двадцать секунд обогнал Горелова!»

И как бы угадав алёшины мысли, Григорий Иванович заговорил о том, что произошло, когда Звягин и Горелов подходили к финишу.

— Звягин, — сказал он, — конечно, сильный лыжник. Но он ведёт себя на соревнованиях не как советский спортсмен. Наши спортсмены — прежде всего хорошие товарищи. Судейская коллегия лишила Звягина первого места и не зафиксировала его результат.

СОВЕТЫ ПИОНЕРСКОМУ АКТИВУ

О ВЕСЕЛЫХ КАНИКУЛАХ ПОЗАБОТЬТЕСЬ СЕЙЧАС

Скоро придёт 31 декабря. Прозвенит последний звонок последнего урока во второй четверти, и начнутся весёлые зимние каникулы.

Впрочем, могут они быть и весёлыми и скучными — всё зависит от самих ребят. Можно просидеть всё время дома, как сова в дупле. Можно без толку прослаться все двенадцать дней. Можно их попросту проспять, и в буквальном и в переносном смысле слова. К таким каникулам вряд ли подходит эпитет «весёлые». Интересный отдых с неба не падает, о нём надо подумать заблаговременно, пока ещё не подошло 31 декабря.

Работать вместе веселее, чем в одиночку. С полным основанием то же самое можно сказать и об отдыхе. Каникулы, проведённые в общих играх, прогулках, походах, экскурсиях, будут для каждого из вас гораздо интереснее, а ваше звено, ваш отряд за каникулы станет ещё более дружным и сплочённым.

Кроме того многие виды развлечений просто невозможны в одиночку.

Один, без товарищей, не сыграешь в хоккей, в одиночку не поставишь спектакль, сам с собой наперегонки не побегаешь, осаду снежной крепости не устроишь.

А как интересно и весело всё это получается с товарищами, дружным звеном или отрядом!

Но к весёлым каникулам надо готовиться уже сейчас. Надо посоветоваться, обдумать, чем бы вам хотелось заняться в эти двенадцать зимних дней.

В каникулы можно вместе сходить в театр. Для этого следует заранее купить билеты или, по крайней мере, собрать деньги. Можно устроить звеньевую или отрядную ёлку. Тогда нужно уже сейчас мастерить для неё игрушки, уже сейчас решать, где вы её поставите. Посоветоваться об этом с классным руководителем, с вожатым, наметить игры, в которые вы будете играть у ёлки, подготовить стихи, которые вы там прочтёте, сказки, которые вы расскажете в этот праздничный вечер.

Двенадцать дней — это очень много времени, если использовать его разумно. В эти дни можно побывать и в музеях, и на катке, и в парке. Можно провести звеньевые и отрядные соревнования по конькам и по лыжам. Можно прочитать и обсудить всем вместе интересную книгу, можно поехать на прогулку за город.

Если вы подумаете хорошенько, то к перечисленным здесь затеям и делам наверняка прибавится ещё столько же — вам будет из чего выбирать.

Есть отряды, которые уже готовятся к каникулам. Пионеры города Тушина снова, как и в прошлом году, собираются устраивать свою знаменитую ёлку: она не только сияет разноцветными огнями, но и... поёт, смеётся, гремит весёлой, праздничной музыкой, потому что юные техники её радиофицируют. Во многих школах пионеры уже заливают катки, устраивают во дворах зимние спортивные площадки. Уже разучиваются пьесы в

отрядных театрах, готовятся песни, стихи и пляски для пионерской самостоятельности.

А в одном отряде ребята устроили «копилку игр». Каждый записывает интересные игры, которые вспомнит, каждый старается разузнать новые, чтобы поиграть в них с товарищами во время каникул.

Есть звенья, которые уже сейчас проверяют, «не заржавела ли» звеньевая цепочка, на случай если во время каникул понадобится экстренно собраться для ка-

кого-нибудь весёлого дела, не предусмотренного планами.

Разумеется, каждый пионер — и в отдельности и вместе со звеном — готовит-

ся к встрече во время каникул со своими верными друзьями, с книгами: советуется со старшими, какие бы книги прочесть, о какой книге стоит поговорить по душам и поспорить всем звеном.

Решая, как ваше звено проведёт каникулы, выбирая дела и развлечения, которые вам нравятся, не забывайте одного: чем больше времени вы проведёте на свежем воздухе, чем больше спорта, игр, движения будет у вас в эти двенадцать дней, тем лучше вы отдохнёте, тем боль-

ше сил и бодрости вы накопите для учения в трудных и ответственных четвертях второго полугодия.

ПИСАТЕЛЬ-ГРАЖДАНИН

Старый филин, тяжело махая крыльями, вылетел из окна полуразвалившейся часовни. Громко ухая, он пролетел над заброшенным кладбищем с покосившимися, почерневшими крестами. Пусто, глухо в этом мрачном царстве смерти!

Но что это? Возле часовни вдруг появилась маленькая девочка с огромными голубыми глазами и высокий, тонкий, похожий на цыганёнка мальчик. Они как будто вынырнули из-под земли. Да это и на самом деле так: Маруся и Валец, дети нищего Тыбурция, живут в подземелье под разрушенной часовней. Темно и холодно здесь! Солнечные лучи не проникают сюда; только сверху, из окна в потолке, падает свет, отражённый от белой стены гробницы. Серый камень навис над головами обитателей подземелья, серый сырой камень окружает их со всех сторон.

Семью Тыбурция и других жителей подземелья загнала сюда тяжёлая нужда. Это «подонки общества» царской России.

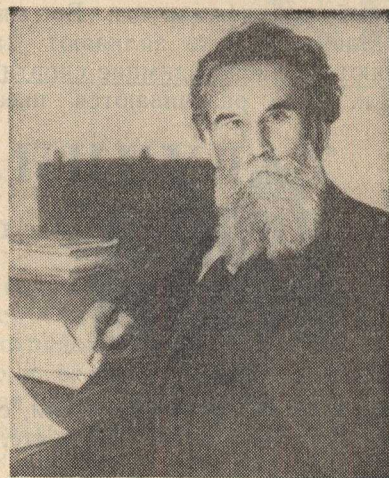
О них, об этих людях, и рассказывает в своей повести «Дети подземелья» выдающийся русский писатель Владимир Галактионович Короленко.

В повести «Дети подземелья» В. Г. Короленко показал страшную участь детей, лишённых детства, вынужденных голодать, нищенствовать, а иногда и воровать для того, чтобы сохранить себе жизнь. Глубокой нежностью к этим обездоленным детям и ненавистью к царскому строю дышит каждая строка повести.

Повесть «Дети подземелья» написана Короленко в 80-х годах прошлого столетия. Тогда, в годы глухой реакции, эта повесть прозвучала очень смело.

За свою долгую жизнь В. Г. Короленко написал много повестей, рассказов, очерков.

Любовь к простому трудовому народу, вера в него, надежда на лучшее будущее, вера в человека, в его неограни-

В. Г. Короленко.

ченные возможности — вот что характерно для всего его творчества.

В своих произведениях он отражал тяжёлую жизнь народа, разоблачал самые тёмные стороны царских порядков в России. Особенно ярко это проявилось в рассказе «Сон Макара» — в рассказе о бедном крестьянине-якуте, которого гоняли всю жизнь: «Гоняли старосты и старшины, заседатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу; гоняли нужда и голод; гоняли морозы и жары, дожди и засухи; гоняла промерзшая земля и злая тайга».

Вы, наверно, читали повесть Короленко «Слепой музыкант». Это история слепого мальчика Пети Попельского, который, став взрослым, замкнулся в своём горе, отшатнулся от людей. И только тогда почувствовал себя человеком нужным и полезным, когда ближе познакомился с жизнью народа, полной тяжёлых лишений и страданий. Личное горе отошло, отодвинулось далеко, и молодой музыкант Пётр Попельский стал служить народу тем, чем мог, — своим талантом, своей задушевной музыкой.

Мысль о том, что цель и смысл жизни человека — служение народу, пронизывает и другие произведения Короленко.

Владимир Галактионович Короленко принадлежал к революционно-демократической интеллигенции России. Он был прямым, честным, смелым человеком. Царское правительство всячески преследовало его, ссылая в самые отдалённые места России. Но эти преследования не могли сломить волю и мужество Короленко. Возвращаясь из ссылки, он снова вступал в борьбу с ненавистным ему царизмом.

В 1895 году царское правительство организовало судебный процесс против десяти удмуртов — жителей села Старый Мултан. Их обвинили в убийстве человека с целью жертвоприношения языческим богам. Семеро ни в чём не повинных людей были приговорены к каторжным работам.

Короленко глубоко потрясла судьба мултанских крестьян, да и судьба целой народности, которую заклеили как язычников и убийц. Он добился пересмотра дела и представил суду неопровержимые доказательства невиновности обвиняемых. Мултанские крестьяне были оправданы.

После подавления революции 1905 года, когда по всей России начались массовые аресты и расстрелы, Короленко открыто выступает против казней и пыток, разоблачает и клеймит бесчеловечную жестокость распоясавшихся царских сапёров.

Немало людей, преследуемых царским правительством, было обязано Короленко смягчением своей участи. В Нижнем Новгороде, где писатель жил в течение нескольких лет, его квартира была прибежищем всех политически неблагонадёжных, с точки зрения царского правительства, людей.

В. Г. Короленко всем сердцем любил русскую литературу, стремился к тому, чтобы как можно больше талантливой молодёжи вливалось в неё.

Алексей Максимович Горький принёс к Короленко свою первую рукопись; при горячем содействии Короленко в журнале «Русское богатство» был напечатан рассказ «Челкаш», который сразу поставил Горького в ряды лучших русских писателей.

«Я был дружен со многими литераторами, — писал в одном из своих писем Горький, — но ни один из них не мог внушить того чувства уважения, которое внушил В. Г. с первой моей встречи с ним. Он был моим учителем не долго, но он был им, и это моя гордость по сей день».

В. Г. Короленко умер тридцать лет назад, 25 декабря 1921 года. Он прожил большую, плодотворную жизнь. Его произведения будут читать и перечитывать свободные и счастливые дети свободной, счастливой Советской страны, которые никогда не испытывали и не испытают ужасов жизни «детей подземелья».

Е. Русакова

КОРЕЯ ПОБЕДИТ

Люди доброй воли с волнением и горячим сочувствием следят за героической борьбой корейского народа с полчищами американских захватчиков и лисынмановцев.

Почти полтора года длится эта борьба. Почти полтора года американские самолёты сбрасывают груды смертоносного металла на мирные города и селения Корейской Народной Республики. Тяжёлые орудия американских кораблей обстреливают берега маленькой страны, расположенной очень далеко от Америки.

Но не сдаётся эта маленькая страна, много веков боровшаяся за свою независимость, не сдаётся героический корейский народ, уже испытавший радость и счастье новой, свободной жизни.

Вот об этом: о борьбе Кореи за свою самостоятельность, о борьбе корейского народа с американскими и лисынмановскими

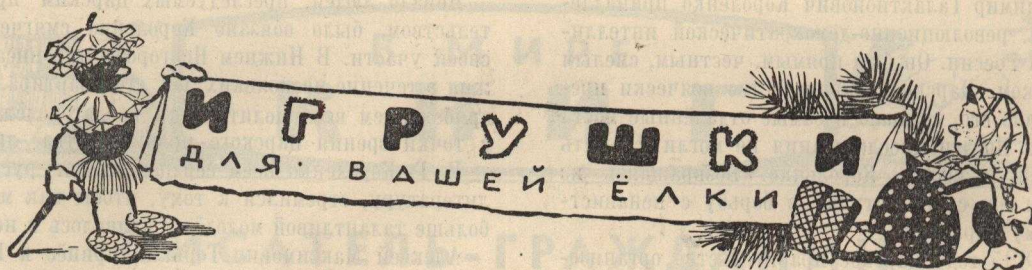
захватчиками, посягнувшими на эту свободную жизнь, о замечательных сынах и дочерях Кореи, грудью вставших на защиту своей родины, — рассказывает советская журналистка Ирина Волк в своей книге «Корея сражается».

В основе рассказов, вошедших в эту книгу, живая действительность Кореи. Люди, о которых рассказано в книге, не выдуманы. Ирина Волк хорошо знала и старого Чу, который посадил розовый куст на могиле русского офицера, павшего в бою за освобождение Кореи от японского ига, и внука старого Чу, маленького Чу, который знает одно русское слово — Сталин. И для него и для всех корейских детей это значит: свобода и счастье. Она знала и маленького Кима, и кавалеров Золотой Звезды, героев Корейской Народно-Демократической Республики лётчика Ли Дон Гю, моряков Ли Ван Гына и Ким Гун Ока,

отважно сражающихся за независимость, свободу и счастье своей родины.

Прочитав эту книгу, вы ещё больше полюбите гордую маленькую страну — Корею — и её мужественный народ, стойко сражающийся с ненавистным врагом.

Доктор Айболит.

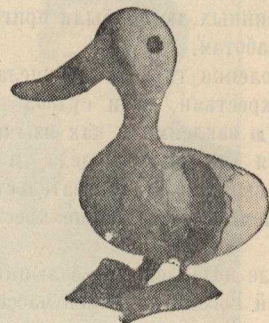
Кому из вас не случалось самим или с помощью старших делать игрушки для новогодней ёлки? Такие самодельные игрушки часто доставляют больше радости, чем купленные в магазине.

Посмотрите на рисунки, помещённые здесь, и на картинку на последней странице обложки. Черепаху, индюка, птицу, золотую рыбку и лесовика можно сделать из сосновых и еловых шишек, привезённых осенью из лагеря. Ноги, голову черепахи, птицы и лесовика сделайте из мягкого проволоочного каркаса, обкрученного ватой. Вату проклейте и, просушив, раскрасьте любыми красками, какие есть у вас под рукой. Хвост и голову индюка и золотой рыбки вырежьте из плотной белой бумаги по выкройке, показанной здесь, и приклейте к шишке столярным клеем.

На фотографии вы видите сказочных богатырей во главе с дядькой Черномором. Они тоже сделаны из еловых шишек и покрашены золотой или серебряной краской.

Нетрудно сделать и жирафу. Туловище её — комочек ваты, обмотанный нитками, проклеенный сверху и раскрашенный в жёлтый цвет с тёмными пятнами. Хвостик с кисточкой на конце скручивается из бумаги и подклеивается к туловищу. Шея, голова и ноги жирафы вырезаются из плотной бумаги по выкройке, которую вы видите на чертеже, потом раскрашиваются и приклеиваются к туловищу.

Очень украсят ёлку снежинки. Фигурки снежинок тоже делают-

Утенок.

ся из ваты на каркасе из мягкой проволоки. Головки можно слепить из хлебного мякиша и раскрасить. Выкройку шапочки снежинок вы видите на чертеже. Прорез для головки должен быть несколько ниже центра шапочки. Хорошо сделать много самых разнообразных снежинок.

Очень интересные игрушки получаются из яичной скорлупы. На рисунках вы видите белую мышку, матрёшку, голландца и голландку, доктора Айболита, Дон-Кихота и Санчо Пансу. Вы можете придумать ещё и много других игрушек.

Чтобы получить цельную скорлупку, проколите осторожно иглой две дырочки в яйце — сверху и снизу — и выдуйте с помощью соломинки содержимое его.

Ноги, руки и головы игрушечных фигурок вставляются в прорезы, сделанные в скорлупе. Чтобы скорлупка не треснула и прорез получился такой формы, какая вам нужна, обклейте её тонкой влажной бумагой, и когда бу-

Дон-Кихот и Санчо Панса.

Этого куличка сделал московский школьник Петя Бычков, десяти лет.

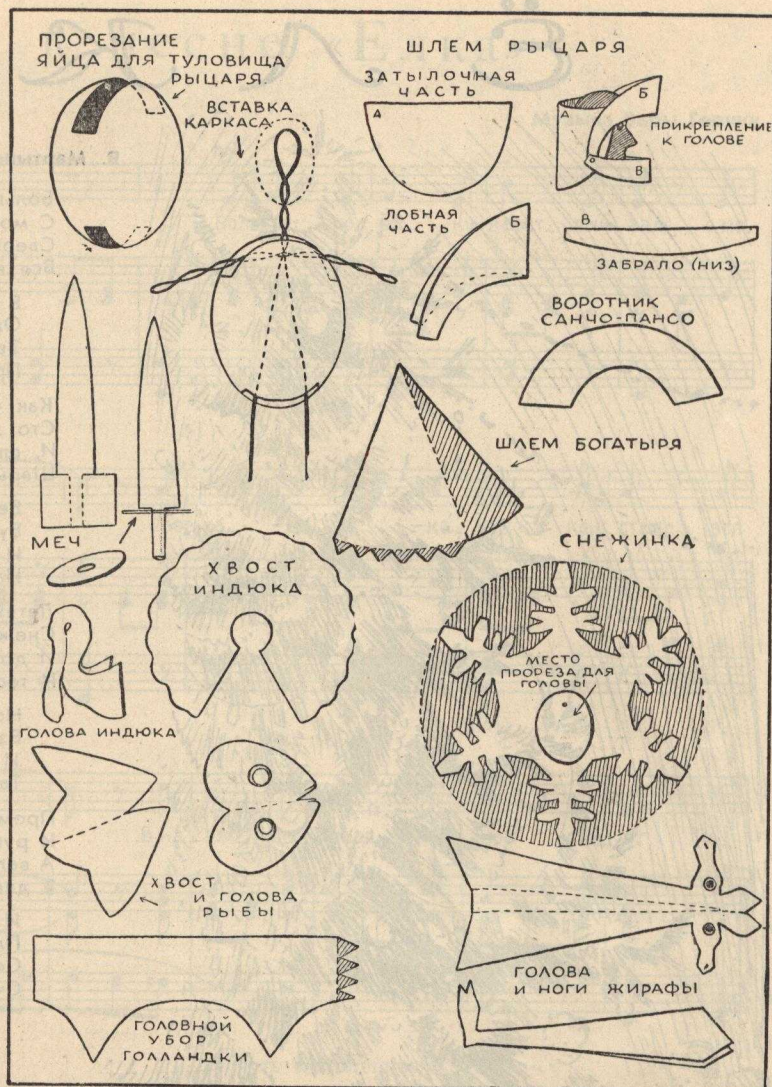
мага слегка просохнет, осторожно острым ножиком прорежьте скорлупу. Как сделать прорез для каркаса фигуры рыцаря, показано на чертеже.

Вставив ногу или руку фигурки в прорез скорлупы, налейте туда густого столярного клея.

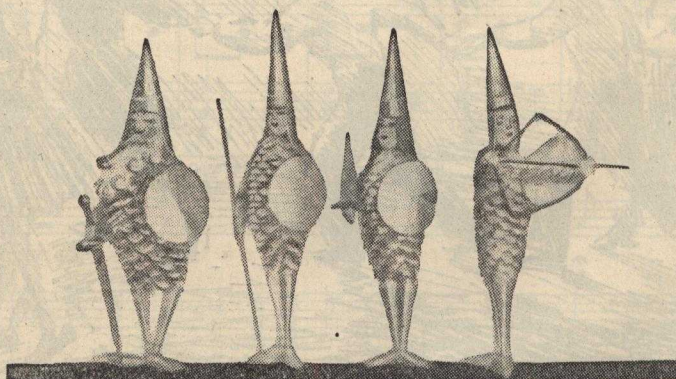
Для изготовления голозы, обуви и различных мелких предметов можно использовать самые разнообразные материалы. Но они обязательно должны быть мягкими и лёгкими, поддающимися ножу, должны хорошо приклеиваться. Лучшее всего подходит для этого пробка, кора осокоря и сосны. Готовые игрушки раскрасьте акварельной или масляной красками.

Даже обломки яичных скорлупок могут пригодиться вам. Вот рыбка вуалехвост. К половинке скорлупки приклейте кусочек марли или шёлка. Это будет хвост рыбки. Плавники сделайте из бумаги и раскрасьте игрушку, как показано на картинке, на последней странице обложки. Для изготовления ватного утёнка, только что выплывшего из яйца, тоже использован обломок скорлупы.

Когда вы займётесь ёлочными игрушками, вам пригодятся и жёлуди, и ореховые скорлупки, и лесные мхи, и красивые осенние листья. Подумайте сами, какие игрушки можно сделать ещё, чтобы ваша новогодняя ёлка была красивой и нарядной.

Чертежи к ёлочным игрушкам.

Богатыри со своим дядькой Черномором.

Ё Л К А

В. Мартынов

Рисунок И. Бек

Большую ёлку в светлый зал
С мороза принесли.
Сверкает ёлка, как кристалл,
Вся в искристой пыли...

В наряде праздничном стоит
Она среди гостей,
Звезда лучистая горит
Приветливо над ней!

Как светлячки, и тут и там
Сто лампочек горят,
И, словно улыбаясь нам,
Шары на ней блестят...

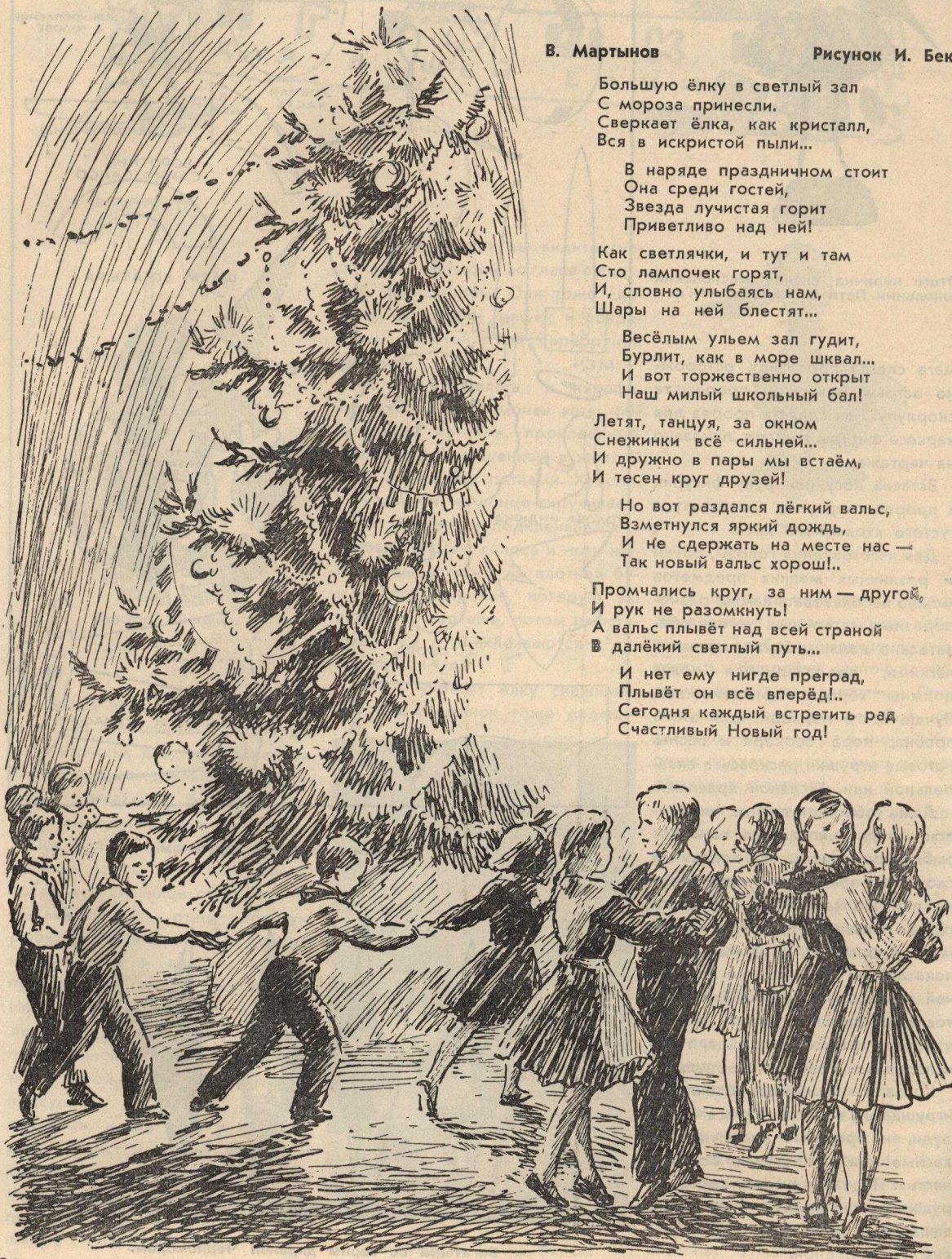
Весёлым ульем зал гудит,
Бурлит, как в море шквал...
И вот торжественно открыт
Наш милый школьный бал!

Летят, танцуя, за окном
Снежинки всё сильней...
И дружно в пары мы встаём,
И тесен круг друзей!

Но вот раздался лёгкий вальс,
Взметнулся яркий дождь,
И не сдержать на месте нас —
Так новый вальс хорош!..

Промчались круг, за ним — другой,
И рук не разомкнуть!
А вальс плывёт над всей страной
В далёкий светлый путь...

И нет ему нигде преград,
Плывёт он всё вперёд!..
Сегодня каждый встретить рад
Счастливый Новый год!

Ноты к песне «Елка»

Музыка Веры Герчик

В темпе вальса

Пение

1. Боль-шу-ю ёл-ку в свет-лый зал с мо-

Ф-п.

mf

-ро-за при-нес-ли. Свер-ка-ет ёл-ка, как кри-сталь, вся

в ис-кри-стой пы-ли. В на-ря-де празд-нич-ном сто-ит о-

чуть оживленное

-на сре-ди го-стей; звез-да лу-чи-ста-я го-рит при-

Для повторения // Для окончания

в темпе в темпе

-вет-ли-во над ней. // год!

НАШ КАЛЕНДАРЬ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ХИРУРГ

Шёл 1855 год. Россия вела Крымскую войну. Осаждённый семидесятитысячной армией англичан, французов и турок, Севастополь переживал трудные дни.

Тех, кто попадал в эти дни в Севастополь, поражало, что из русских госпиталей не несло тех ужасных воплей и криков, которые не смолкали на перевязочных пунктах противника. «У нас есть чудесный доктор, — говорили русские солдаты и матросы. — Он и ногу отрежет так, что не заметишь».

Этим «чудесным доктором» был замечательный русский хирург Николай Иванович Пирогов.

В то время самые тяжёлые операции делали без наркоза, и раненые терпели невероятные мучения.

Пирогов впервые в мире стал применять в боевых условиях обезболивающие средства. Делая в дни обороны Севастополя по сто операций в день, он смело пользовался новыми, разработанными им самим способами. Он первым начал употреблять при переломах твердеющие повязки из гипса, при которых кости срастаются правильно и быстро.

Пирогов не только положил основание военной хирургии. Благодаря ему хирургия впервые стала подлинной наукой. До Пирогова самые знаменитые хирурги не считали даже нужным изучать анатомию. Они надеялись лишь на своё искусство и делали операции наудачу. Пирогов добивался, чтобы студенты отлично знали строение человеческого тела, делали опыты на животных. Он сам составил учебные атласы, в которых впервые

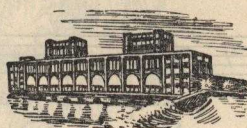
были правильно изображены внутренние органы человека.

Пирогов умер семьдесят лет назад, 5 декабря 1881 года. Но и сегодня врачи всего мира учатся по составленным им руководствам.

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ГИДРОСТАНЦИЯ

Двадцать пять лет назад, 19 декабря 1926 года, в первый раз поднялись тяжёлые стальные щиты плотины, построенной на реке Волхов. Первая советская гидроэлектростанция вступила в строй.

Выполняя ленинский план электрификации, советские рабочие и инженеры перегородили бетонной стеной порожистый Волхов и построили здесь одну из самых крупных гидроэлектростанций в Европе. Вот уже четверть века она исправно подаёт электрическую энергию фабрикам и заводам Ленинграда.

За то время, что прошло со дня пуска Волховской ГЭС имени Ленина, наша промышленность шагнула далеко вперёд.

Мы давно уже перевыполнили ленинский план электрификации России. После Волховской мы построили огромную гидроэлектростанцию на Днепре и сотни других мощных электростанций. В самых глухих уголках страны освещает дома колхозников чудесная «лампочка Ильича».

А сейчас мы строим на Волге самые большие гидроэлектростанции в мире — Куйбышевскую и Сталинградскую. Только две эти станции будут давать больше тока, чем все электростанции Италии.

Но Волховстрой всегда будет нам дорог как первый смелый шаг на славном пути строительства коммунизма.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Великий закон.—И. К. Ахунбаев	2
Море придёт. Медаль за форсирование Янцзы. Самое начало. „Сталинградский дождик“.— Стихи Е. Долматовского. Рисунки В. Цельмера	6
На великих стройках.—Рисунок Н. Жукова	8
Беспокойный человек.— Повесть Л. Воронковой. Окончание. Рисунки Ф. Лемжуля	9
Наша осень.—Стихи Куддуса Мухаммади. Рисунки Ю. Кискачи	20
Золотая курочка.—Сказка Михаила Стояна. Перевод с румынского М. Розенфельда. Рисунки И. Кузнецова	21
Юная гвардия.—Рассказ корейского пионера Ли Бен Сама. Записал Д. Храбровицкий. Рисунки П. Кирпичёва	25
Наша почта.	31
Красные ужи.— Повесть Елены Богусhevской. Перевод с польского Е. Живовой. Рисунки В. Таубера	34
Белый голубь.—Стихи Чеслава Янчарского. Перевод с польского С. Рунге	45
Новый флот для новых рек.— А. Некрасов. Рисунки В. Константинова	46
По их законам	49
Отовсюду и обо всём	50
Чемпион школы.—Рассказ М. Черевкова. Рисунки Т. Покровской	52
Советы пионерскому активу.— Рисунки Е. Ребиковой	56
В мире книг	58
Игрушки для вашей ёлки.—Е. Рубцова и В. Константинов	60
Елка.—Слова В. Мартынова. Музыка Веры Герчик. Рисунок И. Бек	62
Наш календарь	64

На обложке:
Рисунок Я. Титова
„На катке“

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

А 07482. Подписано к печати 29/XI 1951 г. Изд. № 719. 82 × 110. 8 печ. л. Тираж — 115 000. Заказ 2733.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Пионеры и школьники!

В МАГАЗИНЫ КНИГОТОРГОВ
ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ
МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИЙ

ГАШЁНЫЕ МАРКИ НЕГАШЁНЫЕ МАРКИ
№ пакета цена № пакета цена

25 лет со дня смерти Ф. Э. Дзержинского — 2 марки				№ 346	—60 к.	№ 694	1 р. 95 к.
Великие учёные нашей Ро- дины — 8 марок				№ 347	1 р. 60 к.	№ 695	8 р. 80 к.
Великие учёные нашей Ро- дины (окончание серии) — 8 марок				№ 348	1 р. 60 к.	16 марок	
Выдающиеся русские ком- позиторы А. Алябьев и В. Калинников — 2 марки				№ 350	—40 к.	№ 697	1 р. 10 к.
Авиаспортивная серия «ДОСАВ» — 4 марки . . .				№ 349	1 р. 50 к.	№ 696	5 р. 50 к.
Великие стройки коммуниз- ма — 5 марок				№ 343	1 р.	№ 691	3 р. 40 к.
Выпуск марок, посвящён- ный Чехословацкой рес- публике — 5 марок . . .				№ 341	1 р.	№ 689	3 р. 40 к.
Выдающийся русский худож- ник В. Васнецов — 2 мар- ки				№ 345	—60 к.	№ 693	1 р. 95 к.

АЛЬБОМНЫЕ ТЕТРАДИ ДЛЯ МАРОК

большого формата — цена 90 коп.; малого формата — цена 60 коп.

АЛЬБОМЫ ДЛЯ МАРОК, НАКЛЕЙКИ, ЗУБЦЕМЕРЫ
ТРЕБУЙТЕ В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ!

МАРКИ — ПОЧТОЙ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

высылают следующие магазины Книготоргов:

в МОСКВЕ: магазин № 63 Москниготорга — Кузнецкий мост, д. 20;
в СВЕРДЛОВСКЕ: магазин № 1 Облкниготорга — ул. Малышева, д. 37;
в НОВОСИБИРСКЕ: магаз. № 1 Облкниготорга — Красный просп., д. 21;
во ЛЬВОВЕ: магазин № 7 Облкниготорга — Академическая ул., д. 3.

Оплата заказов и расходов по пересылке производится на почте
при получении заказа. При запросах прилагайте на ответ марку
в 40 коп.

Филателистическая контора Росполиграфиздата

Цена 2 р. 50 к.

ИГРУШКИ ДЛЯ ВАШЕЙ ЕЛКИ

ТОВАРИТЕЛЬСКИЙ ДЕР.
Д. 20 КВ. 4
ИЗДАТЕЛЬСТВО А. С.
1 12 ПИТЕР

Как сделать такие игрушки, прочтите на 60-й странице